

УЧЕБНИК

Под редакцией доктора юридических наук,
профессора Т.Н. НЕШАТАЕВОЙ

ПРАВО ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ГОРОДЕЦ

Коллектив авторов

**Право Евразийского
экономического союза**

Издательский дом «Городец»

2025

Коллектив авторов

Право Евразийского экономического союза / Коллектив авторов — Издательский дом «Городец», 2025

ISBN 978-5-907982-15-4

Исследуемый в учебнике материал охватывает международно-правовое регулирование и уже сформированную обширную правовую базу евразийской интеграции, которая требует не только глубокого изучения, но и умелого применения сложных международно-национальных полисистемных комплексов, создаваемых наднациональной интеграционной организацией - ЕАЭС. Учебник по теме евразийской интеграции предназначен для вузов всех форм обучения (бакалавриат, специалитет, магистратура). Ключевые слова: Евразийский экономический союз; соотношение международного и евразийского права; интеграционное право

ISBN 978-5-907982-15-4

© Коллектив авторов, 2025
© Издательский дом «Городец», 2025

Содержание

Авторский коллектив	6
Вступление	7
Общая часть	9
Глава I	9
§ 1. Евразия: народы и государства	9
§ 2. Европейство и евразийство	12
Глава II	14
§ 1. Античность – отсчет интеграции	14
§ 2. Интеграция на территории России	18
§ 3. Советский период	20
§ 4. Международные союзы	23
Глава III	28
§ 1. ЕАЭС как международная организация экономической интеграции	28
§ 2. Наднационализм – особенность ЕАЭС	32
Глава IV	40
§ 1. Международно-правовые теории об интеграционном сотрудничестве государств	40
§ 2. Функциональные особенности в ЕАЭС	43
§ 3. Органы Евразийского экономического союза	45
Глава V	58
§ 1. Русский язык – рабочий язык ЕАЭС	58
§ 2. Перевод актов права Союза на языки государств – членов	60
Глава VI	65
§ 1. Источники и формы права ЕАЭС	65
§ 2. Структура права ЕАЭС	75
§ 3. Акты органов Союза: решения, распоряжения, рекомендации	77
§ 4. Характеристика решений и актов органов Союза	79
§ 5. Характеристика норм, включаемых в акты интеграционного права	85
Глава VII	97
§ 1. Специфика ответственности в интеграционном праве	97
§ 2. Ответственность государств – членов	100
§ 3. Ответственность органов ЕАЭС	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Т.Н. Нешатаева

Право Евразийского экономического союза

© Коллектив авторов, 2025

© Г.П. Ивлиев, вступление, 2025

© ИД «Городец», оригинал-макет корректура, редактura, дизайн), полиграфическое исполнение, 2025

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

@ Электронная версия книги подготовлена ИД «Городец» (<https://gorodets.ru/>)

Авторский коллектив

Нешатаева Т.Н. (общая редакция; гл. I, III; гл. VI в соавт. с Е.Е. Рафалюк)

Аббуд Р.Р. (гл. XXI § 1–5)

Богатина Ю.Г. (гл. XX § 1, 3, 5)

Евсеев А.П. (гл. II § 3 в соавт. с Г.С. Стародубцевым, VII, X § 1)

Козлова Т.С. (гл. XVII)

Кофанов Л.Л. (гл. II § 1, 2)

Леонтьев В.Н. (гл. IX § 1–4)

Макарова С.С. (гл. XX § 2, 4)

Муравьев Ю.А. (гл. VIII)

Мысливский П.П. (гл. IV, гл. IX § 5)

Нешатаева В.О. (гл. XVIII)

Орлова Е.С. (гл. XII)

Павлова Н.В. (гл. XI)

Панов А.А. (гл. V, X § 2)

Рафалюк Е.Е. (гл. VI в соавт. с Т.Н. Нешатаевой)

Седова Ж.И. (гл. XVI)

Стародубцев Г.С. (гл. II § 3 в соавт. с А.П. Евсеевым, § 4)

Федосов Я.К. (гл. XIII)

Чувахин П.И. (гл. XIX, XXI § 6)

Щурова И.Н. (гл. XIV)

Юрлов И.А. (гл. XV)

Вступление

Правовое регулирование евразийской интеграции – новейшее направление регионального международного права, которому уделяется недостаточно внимания. До сих пор в этой сфере появилось немного доктринальных работ и практически отсутствуют учебные пособия. Между тем правовое регулирование экономических отношений в евразийском регионе всё в большей степени охватывается нормами евразийского права, нормами международными по способу создания.

Особенностью такого регулирования является то, что контроль за исполнением этих норм возлагается на органы международной организации – Евразийскую экономическую комиссию и Суд Евразийского экономического союза. В мире немного найдется международных организаций, которые смогли стать эффективными интеграционными союзами, контролирующими свои государства – члены. ЕАЭС сумел доказать состоятельность идеи тесной интеграции, ее результативность, нарастить потенциал макроэкономической устойчивости, что позволило минимизировать негативные геополитические факторы. Немалую роль в решении столь сложной задачи сыграл правовой механизм, его институты и нормы, проанализированные в настоящем учебнике.

Прежде всего к ним следует отнести разделение видов правового регулирования, выделенных разработчиками Договора о ЕАЭС и носящих наименование «политик» – единой, скоординированной и согласованной (гармонизированной).

В учебнике каждый конкретный раздел начинается с характеристики и особенностей видов регулирования, а также перспектив их развития. Такой подход позволяет авторам подчеркнуть основные аспекты сложного полисистемного комплекса правового регулирования в конкретной отрасли экономики.

Так, если в таможенном регулировании, торговле действует комплекс с преобладанием международно-правовых норм, то в области промышленного развития значительную роль играют национальные стандарты. Последнее порождает многочисленные барьеры на едином пути интеграционного развития.

К столь же сложному комплексу относится и правовое регулирование интеллектуальной собственности. Авторы подчеркивают необходимость постепенного устранения препятствий на пути интеграции и реализации стратегических направлений ее развития до 2030 года и на период до 2045 года. Декларация «Евразийский экономический путь»¹ указывает в качестве приоритетов развитие технической и технологической интеграции, формирование единого транспортного пространства, выравнивание условий хозяйственной деятельности во всех государствах – членах ЕАЭС, создание единого (общего) финансового рынка, гармонизацию национальных стандартов качества с постепенным переходом на единые международные стандарты качества продукции, развитие цифровых технологий, защиту внутреннего рынка, сопряженного с общемировым и т. д. Ставится задача дополнения экономического трека интеграции социально-гуманитарными вопросами.

Столь широкий охват международно-правового регулирования требует не только его глубокого изучения, но и умелого применения сложных международно-национальных полисистемных комплексов, создаваемых наднациональной интеграционной организацией – ЕАЭС. В этом контексте учебник права ЕАЭС является необходимым звеном в изучении нового международно-правового предмета – евразийского права, его освоении и развитии на практике.

¹ Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» (принята 25 декабря 2023 г.).

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Г.П. Ивлиев', written in a cursive style.

Г.П. Ивлиев,

Президент Евразийского патентного ведомства

Общая часть

Глава I Понятие Евразии. Интеграция

§ 1. Евразия: народы и государства

В географическом понимании Евразия – континент (плато), расположенный между Атлантическим и Тихим океанами. В политико-цивилизационном смысле² Евразия включает народы, проживающие на восточно-европейской и азиатской части географического плато. Как отмечал историк Н.М. Карамзин, «сия великая часть Европы и Азии» населена племенами славян и остатками племен гуннов – «древних соседей Китайской империи, соединившихся с другими ордами единоплеменными и завоевавшими всю южную Сибирь»³.

Восточно-европейские славяне и азиатские племена на протяжении веков создавали свои общины (племенные общности), затем – государства и объединения государств, в том числе в форме империй – исторического типа государства, объединившего разные народы, сочетавшего центральное и периферийное управление территориями и населением. Азиатские империи Чингисхана, Тамерлана со временем распались на более мелкие государства – ханства: Бухарское, Хивинское и т. д., выбравшие в качестве религиозной основы мусульманство.

У славянских племен процесс государственного оформления шел схожим путем – от древних государств (Киевская Русь в IX–XII вв.; Московская Русь с XIII в.) к империи, религиозной основой которой стало православие, – Российская империя с XVIII в. втягивала в свой состав и азиатские государственные образования, оставшиеся от великих империй Азии. Как отмечал Лев Гумилев, «евразийские народы строили свою общую государственность исходя из принципа первичности прав каждого народа на определенный образ жизни (в том числе и на религию. – *Т.Н.*). Таким образом обеспечивались и права отдельного человека. <...> Исторический опыт показал, что, пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой, объединенная Евразия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая»⁴, и мусульман всех ханств.

В этом смысле Российская империя сложилась как государство-полицивилизация, потому что ее культура основана на исторической многонациональности, многоконфессиональности, многокультурности. О подобном историческом развитии писали многие, причем самые разноплановые историки (от консервативных до «активистских»⁵), подчеркивавшие, что исторически Московская Русь отличалась от ранее сложившегося государства Киевской Руси тем, что позволяла мирно существовать на своей территории элементам различных цивилизаций (мультикультурализм) при главенствующей роли стандартов восточного христианства.

На полицивилизационности русского народа сказалась и сложность его генетического кода, тесно связанного с западноевропейскими нациями (происхождение из славян, выделившихся из народов Римской империи, ориентировочно спустившихся на равнину с Карпатских гор и расселившихся вдоль рек – Дуная, Днепра, Двины, Вислы и т. д.). Позже в этот код были

² См. об этом: *Нешатаева Т.Н.* Суд и право: евразийская интеграция: Монография. М., 2021. 336 с.

³ *Карамзин Н.М.* История государства российского. С. 28.

⁴ *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. М., 2012. С. 1160–1161.

⁵ *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т. СПб., 1816–1829; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1987–1990; *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

включены угро-финская (уральская) и азиатские группы (арии). Именно эти три составляющие (славяне, угро-финны и азиаты) и определяют современный генетический код великорусской нации, что не исключает определяющей славянской взаимосвязи с малороссами и белоруссами, входившими прежде в единство с русскими⁶. Каждая из славянских ветвей включала в свой состав иные народы: так, белорусы связаны с поляками и литовцами, а украинцы – с древними хазарами и т. д. Именно «вставные» элементы и отличают сегодня друг от друга русских, белорусов и украинцев. Однако три ветви славян, имеющие общий корень, – велико-, бело- и малороссы – относятся к славянам – европейской восточно-христианской цивилизации. В правовом смысле эта цивилизация основана на римской правовой пандектной системе.

Отсюда основой цивилизации и, как следствие, правовой системы России в первую очередь являются христианские ценности, в том числе те, что по традиции ошибочно относятся лишь к «западным», прежде всего верховенство права. Учитывая происхождение российского права из римского, причем в его восточном, византийском прочтении, следует сказать, что верховенство права – также основа российских правовых институтов. Но ценностная основа российского права ими не ограничивается – очень большое значение имеют элементы, которые происходят от мусульманства, буддизма и т. д. и были внесены народами, вошедшими в состав Российской империи.

В правовой системе России можно выделить три особенности, сосуществование которых отличает ее от иных цивилизационных правовых систем:

1) уважение к праву, точнее к закону, борьба за право⁷ (иногда бескомпромиссная) – в этом Россия очень похожа на государства западного христианства, различие заметно лишь в том объеме, который включается в понятие «право»⁸;

2) в российском праве при этом заложено верховенство, уважение к власти⁹. Исторически особое отношение к власти, верховенство власти также прослеживается в концепции Гегеля¹⁰, других западных теоретиков: подобные философские основы присущи западной культуре в целом. Но в России уважение к власти имеет иной оттенок – более похожее на то, что присуще синским и мусульманским культурам: особое почитание власти – беспрекословное подчинение ей, стремление занять властное положение и т. д.

Подобное отношение к властным институтам связано с двойственной идеей российской идентичности, основа которой заложена философией евразийства, образно описанной Л.Н. Гумилевым¹¹. Иными словами, в России такое отношение к власти происходит от конфуцианства и мусульманства – подчинение власти, подчинение правилам, созданным властью¹².

При этом подчинение не основывается на уважительном отношении к власти, а скорее проистекает из необходимости претерпеть подчинение. В результате в России существует дуализм верховенства права и верховенства власти. При таком дуализме власть может отрицать право. Следовательно, правовые установления в настоящее время должны содержать механизмы преодоления дуализма, скорее всего, в пользу верховенства права. Последнее обусловлено тем, что право способно уравновесить ценности – права общества и права индивида. Отсюда верховенство права над властью является современным стандартом не только общего

⁶ См.: Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 1.

⁷ См.: Цвайгерт К., Кёйтц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1. М., 2000. С. 429.

⁸ О сходстве и различиях романо-германской и социалистической правовых систем см.: De Cruz P. Comparative law in a changing world. L.; Sydney, 1999. P. 186–189.

⁹ Kischel U. Rechtsvergleichung. München, 2015. S. 577–580.

¹⁰ Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2005. С. 50–507.

¹¹ См. об этом, напр.: Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 5–18.

¹² См. об этом: Вайсс Б.Дж. Дух мусульманского права. М.; СПб., 2008. С. 205; Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. М., 2005. С. 182–190.

международного права, а также постепенно складывающегося регионального евразийского права.

3) От буддизма – защита и уважение естественных прав, т. е. естественных связей – семьи, родственников (клана и т. д.)¹³. Защита интересов «крови» – также основа российской цивилизации, что связано с природными условиями жизни великороссов и азиатов (сложные климатические условия, резкая смена времен года, большие расстояния при малой населенности, неплодородность сельскохозяйственных земель и т. д.), которые вынуждали население держаться родственными группами, полагаться на «кровную» взаимопомощь¹⁴. Приоритет естественных (природных) связей – основополагающая черта, закреплённая в религиозных нормах православия, мусульманства, даосизма, буддизма и т. д., что оказало влияние и на российскую полицивилизацию.

В определенном смысле российское многовековое цивилизационное развитие приводит к умению приспособиться к обстоятельствам, в том числе обстоятельствам силы, в итоге – к идее непротivления. Об этом писал Л.Н. Толстой, который считал, что многотерпение – главная восточнохристианская особенность, которая отличает восточное христианство от западного. Возможно, и здесь сказалось влияние восточных религий, что повлияло и на развитие права.

Право всегда порождает конфликты между участниками общественных отношений, которые согласно христианским канонам должны разрешаться справедливо. Справедливость – мера свободы для индивида. Справедливость для западного христианина достигается договором – так определяется справедливая мера прав для индивида и мера прав для общества, т. е. вымеряется сохранение баланса публичных и частных интересов, а затем и прав. Для восточного христианина важно иное: умерю свое, претерплю ради общего (дела, интереса и т. д.), затем получу вознаграждение. Иными словами, пути (методика) движения к справедливости различны: рациональный и иррациональный. В конечном счете мера свободы, мера прав окажется одинакова, но мистическая составляющая (Господь, Всевышний помог) либо прагматический договор (соблюдали по совести) придаст этому результату различные оттенки: индивидуализм для европейца, коллективизм для евразийца.

По большому счету относительная молодость восточнославянской цивилизации (следует считать от Восточной Римской империи – Византии) является ее преимуществом, ибо позволила принять в себя достижения предшествующих великих культур: от эллинской (Греция) – учет свободы выбора, справедливого выбора, баланса публичных и частных интересов как главного стандарта организации государственно-властного устройства; от романской (Рим) – понимание права как воли власти, выраженной в законе, и договора как способа уравнивания частных и публичных выгод; и от византийского (Константинополь) варианта прочтения римского права – его гуманизованную христианскими ценностями версию, смягчающую рациональное начало раннего римского права идеалами справедливости и милосердия¹⁵.

В целом цивилизационно Россия, конечно, как составная часть христианства, близка к западным государствам, но отличается особыми чертами, такими как отношение к власти, праву и справедливости, установлению приоритета естественных связей и интересов общины, что происходит от многовекторности элементов, составляющих восточнохристианскую культуру.

Одновременно этот цивилизационный код остается тесно связан с христианско-европейской культурой в ее социально-экономической и историко-политической составляющей.

¹³ См. об этом: История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М., 2004. С. 28–29.

¹⁴ См.: Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 1.

¹⁵ См.: Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2013. С. 170.

В морально-этических компонентах цивилизационный код испытывает значительное влияние евразийского компонента.

§ 2. Европейство и евразийство

На общем географическом пространстве Евразии существуют европейские и евразийские цивилизации, отличающиеся культурными особенностями. Культурная общность облегчает сотрудничество и единство в области политики, экономики, социальных связей, т. е. является основой цивилизационной интеграции (от лат. *integratio* – восстановление, восполнение; процесс объединения частей в целое). Европа – по-прежнему многонациональное пространство, однако невозможно отрицать, что в настоящее время сложилось и общее понятие – европеец, базирующееся на общих культурных ценностях.

К совместным европейским ценностям можно отнести:

1) господство права как регулятора всех отношений, унаследованного от римлян: *Non sub homine, sed sub Deo et lege* (Не под человеком, но под господом и законом);

2) индивидуализм – приоритет индивидуальных прав и свобод над коллективными правами (базируется на идеях раннего европейского Ренессанса, утвердившего приоритет свободы личности и творчества¹⁶);

3) социальный плюрализм – создание разнообразных автономных групп, не основанных на кровном родстве или узах брака (базируется на разделении общества средневековой Европы на профессиональные гильдии).

Все эти корневые особенности западной цивилизации оказали влияние как на развитие западных государств, так и на их интеграцию, имеющую в настоящее время форму Европейского союза. Следует отметить, что западная цивилизация традиционно насаждала свои ценности огнем и мечом: от Крестовых походов до мировых войн. В результате некоторые из них – господство права и индивидуальных прав (сегодня – права человека) – постепенно становятся общечеловеческими ценностями и, возможно, послужат элементом общечеловеческой цивилизации.

Однако нельзя отрицать, что в настоящее время существует мир полицентричных цивилизаций, что порождает не только сотрудничество государств, но и конфликты между ними.

При этом в Европе много веков существовала не одна цивилизация (в географическом смысле Европа – единый континент от Атлантики до Тихого океана). Уже давно наряду с европейской интеграцией сформировалась интеграция евразийская. Опыт Российской империи, равно как и СССР, в развитии евразийства следует учитывать – это также были формы интеграции, объединяющие части в целое, возможно, не менее эффективные, чем Римская империя, но также не выдержавшие испытание научным, технологическим и религиозно-идеологическим развитием. Подчеркнем, что евразийская интеграция традиционно в основном носила добровольный характер: в Российскую империю народы принимались в основном по прошению местных властей, в СССР объединялись согласно договору.

В основе евразийства лежат несколько иные ценности, чем те, что характерны для Западной Европы.

1. Господство права поставим на первое место, так как отрицать связь с римской традицией (в ее византийском прочтении¹⁷) в странах, входящих в Евразийский экономический союз, невозможно. Другое дело, что содержание этого понятия в деталях может иметь свою

¹⁶ См.: Тойнби А. Постигание истории. М., 2019.

¹⁷ Кодификация римского права проведена константинопольским императором Юстинианом в 527–565 гг. *Corpus Iuris Civilis*.

специфику, особенно в отношении связи власти и права, понимания права как формального приказа.

2. Коллективизм, соборность – общие права и интересы неопределенного круга лиц по сравнению с индивидуальными правами отдельной личности в евроазиатских культурах имели особое значение¹⁸. Традиционно защита общих прав имела большее значение, чем защита индивида (связано с территориальными особенностями этих стран: пространства, степь, низкие температуры – выжить можно родом, вместе). Однако подчеркиваем, что эта форма защиты коллективных прав как общечеловеческой ценности оказала решающее влияние на развитие универсальных прав человека в их социальном аспекте. Невозможно отрицать, что право на образование, здравоохранение, отдых в их наиболее гуманной форме было разработано в рамках такого интеграционного единства, как СССР, и оказало влияние на развитие этих прав в международном контексте.

3. Приоритет естественных связей в группе. Одновременно в восточном христианстве, мусульманстве, буддизме особое значение придавалось семейным, родственным связям: святости брака как союза мужчины и женщины, культуре их сожительства, поддержке родственников, уважению к старшим, защите младших и т. д. Отсюда проистекает и особенность построения евразийских государств, связанных с общинностью, клановостью – заботой об общинном (национальном), но не общем (региональном, мировом).

В такой форме восточно-европейские и азиатские народы существовали до подписания Беловежских соглашений в 1991 г., которые ознаменовали возникновение в Евразии новых государств.

Итак, государство – Киевская, Московская Русь, Российская империя, а впоследствии СССР – объединяло (интегрировало) народы, которые в настоящее время вновь приобрели национальную суверенную государственную форму существования, но не потеряли интереса и стремления к объединению и совместному существованию (интеграции). Подчеркнем, что стремление к объединению – исторически постоянная линия развития в Евразии.

Литература

1. *Нешатаева Т.Н.* Суд и право: евразийская интеграция. М.: Норма, ИНФРА-М, 2021.
2. *Мальцев Г. В.* Культурные традиции права. М., 2013.
3. *Тойнби А.* Постигание истории. М., 2019.
4. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2017.

¹⁸ См. об этом: *Лазарев В.В.* Соборность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 580–581. «Есть круговая соборная ответственность всех людей за всех, каждого за весь мир, все люди – братья по несчастью, все люди участвовали в первородном грехе, и каждый может спастись лишь вместе с миром» (*Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 190). Подчеркнем, что и среди индивидуальных прав евразийцы на первое место ставят право на жизнь, тогда как у европейцев – это право на договор, согласие.

Глава II

История интеграционного права в Евразии

§ 1. Античность – отсчет интеграции

1.1. Древнейший опыт интеграционного права в Евразии: древнегреческие амфикинии как межгосударственные суды

Современные усилия многих стран Европы и Евразии по созданию экономических объединений государств, связанных между собой, во-первых, общими правовыми нормами в области политики, торговли и экономики; во-вторых, общими надгосударственными органами власти и, наконец, общими судами, рассматривающими спорные вопросы между отдельными физическими и юридическими лицами государств – членов таких объединений, вызывают естественный вопрос: как давно человечество приобрело опыт подобного рода интеграции. Нередко считается, что опыт международной интеграции и интеграционного права – это история в лучшем случае последних полутора столетий. Однако при внимательном рассмотрении далекого прошлого выясняется, что уже в древнем мире можно найти межгосударственные объединения, связанные не только военно-политическим союзом, но и общим торговым правом и общими судебными институтами¹⁹. Учитывая, что на территории Евразии существовали образования, входившие в античные интеграционные объединения Древней Греции и Рима, уместно проследить опыт интеграции именно с этого периода.

Примером древнейших межгосударственных объединений являются древнегреческие амфикинии, то есть союзы нескольких городов-государств, главным органом власти в которых был именно суд, выполнявший функции международного арбитража. В этот суд от каждого полиса или народа избирался свой представитель, судья амфикион. Древнейшей амфикинией греки считали Пилейско-Дельфийскую, возникшую уже в середине II тысячелетия до н. э. и действовавшую как минимум до конца II в. н. э., когда число судей от государств, входивших в этот союз, достигло 30. У этого союза была и общая казна, хранившаяся в храме Аполлона в Дельфах, и общие религиозные празднества, и два ежегодных заседания суда, и общие законы в области уголовного, семейного и торгового права. Известны различные судебные решения этой амфикинии, например, 355–354 гг. до н. э. о присуждении спартанцев к штрафу в 500, а затем в 1000 талантов за захват города Кадмеи и неподчинение суду амфикионов. Отказ от исполнения решения суда нередко вел к исключению виновного города-государства из союза и к военному нападению на него со стороны либо всех остальных государств – членов амфикинии, либо отдельных сильнейших ее государств.

Принцип равного представительства способствовал долгой жизни Пилейско-Дельфийской амфикинии. Прямой ее противоположностью следует считать Делосскую амфикино-

¹⁹ Кроме того, существует и своего рода этнолингвистическое обоснование интеграции. Учеными давно доказано, что сказочный и повествовательный эпос у иранских, тюркских, монгольских и других народов Средней Азии имеет сходные черты со славянским. Например, русское слово «богатырь» (укр. богатир, чеш. bahatyr) в качестве миграционного культурного термина переходило из одной семьи языков Евразии в другую и по этой причине часто встречается в древних восточных текстах (при обращении к царю, молодой львице и т. д.) (*Иванов Вяч. Вс.* Евразийские эпические мифологические мотивы // *Евразийское пространство. Звук, слово, образ* / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Яз. слав. культ., 2003. С. 13, 14). Данное языковое соответствие подтверждает общее происхождение языков, включая старославянский, от индоевропейских праязыков, носители которых в III тыс. до н. э. начали распространяться в Передней Азии к югу Северного Причерноморья и Прикаспийской области (*Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 609).

нию, в которой международное начало было заменено на внутригосударственное. Возникнув как союз государств (общин), по мере развития объединение утратило союзный характер, так как афиняне лишили практически всех своих союзников права участвовать в судебных заседаниях амфикитии в качестве судей. В 454 г. до н. э. афиняне перенесли общую казну амфикитии с Делоса в Афины, а вслед за этим перенесли туда и судебные заседания, создав так называемые амфикитии афинян, состоявшие, как правило, из одних афинских граждан. Узурпация управления и судебной власти Афинами сделала Делосскую амфикицию весьма недолговечной. Уже в 320 г. до н. э. она распалась. Далее на территории современной Греции интеграционные процессы не развивались.

1.2. Латинская конфедерация и международный суд римских рекуператоров

Но интеграционный опыт не был забыт: межполисный союз возник в древней Италии на территории Лация. Как и в Греции, латинский союз, объединивший несколько общин (городов), управлялся общим судебным органом. Согласно древнегреческому историку Дионисию Галикарнасскому, в начале VI в. до н. э. римский царь Сервий Туллий предложил латинам создать общий совет из представителей всех латинских городов-государств для разбора возникающих между ними тяжб. Были приняты общие союзные законы и по правилам общей древней религии построен храм Дианы на Авентине, где ежегодно проходили общие празднества и судебные заседания общего совета, а также хранилась общая казна и медная колонна с текстом постановлений общего совета. Так, из судебных приговоров совета VI в. до н. э. известно осуждение на смерть Арицийского вождя Турна за попытку военного заговора против Совета, а также осуждение города вольсков Помеция за грабежи на дорогах. Наконец, в 499 г. до н. э. Совет вынес судебное решение против самого Рима, грозя ему исключением из союза в случае неподчинения приговору. Действие равноправного союза, общего суда и общесоюзного войска под председательством римских консулов сохранялось вплоть до 340 г. до н. э., когда латины объявили войну Риму, обвинив его в притеснении союзников, но были разгромлены Римом. С этих пор Рим передает исполнение общесоюзных судебных функций римскому сенату. Таким образом, договорной метод управления уступает место имперскому, внутригосударственному. Суд сената, называвшийся также рекуператорским, решал не только уголовные, но и чисто экономические межгосударственные споры. Согласно римскому юристу Элию Галлу, «рекуператорским судом... является тот суд, когда между народом и царями, нациями и иностранными государствами устанавливается закон, по которому посредством рекуператоров отдается и возвращается имущество, посредством него они между собой добиваются судебным порядком и частного имущества». Если обвиняемый был римским магистратом, а обвинители были из числа союзников Рима, то дело рассматривалось рекуператорами римского сената. Так, хорошо известен процесс 171 г. до н. э. испанских союзников против римских преторов, насильственно закупавших в Испании хлеб для римского народа по умышленно заниженным расценкам.

Надо сказать, что римляне в отличие от афинской амфикитии проводили гораздо более взвешенную и мудрую политику в отношении судопроизводства по международным тяжбам. Римский сенат к I в. до н. э. поистине стал «государственным советом всего мира», стремясь защитить своих союзников не только от внешнего врага, но и от бесчинств отдельных римских магистратов, на что указывает закон Ацилия о взяточничестве 122 г. до н. э. Данный закон каждому союзнику предоставлял право обвинить любого римского магистрата в незаконном присвоении или вымогательстве имущества граждан союзного государства. За выдвижение подобного обвинения римский народ награждал иностранца освобождением от податей и дарованием римского гражданства. В I в. н. э. многие римские наместники провинций трепетали от страха перед такими судебными делами. Закон Гая Юлия Цезаря о взяточниче-

стве 59 г. до н. э. ввел суровые наказания для уличенных в коррупции римских должностных лиц – вплоть до изгнания или даже смертной казни. Таким образом, древние интеграционные суды формировали общее право имперских объединений, положив начало появлению первых институтов и правил, оформляющих интеграцию.

1.3. Действие Морского Родосского закона в международной торговле античной и средневековой Европы

В связи с тем, что интеграция охватывает в первую очередь экономические отношения, создавались не только региональные союзы, но начинает складываться общий порядок и в некоторых специальных сферах, например, в морском праве, т. е. появляются начала универсального (общего) международного права. В античном Средиземноморье на море, начиная с конца IV в. до н. э. активно действовал т. н. Родосский торговый морской закон. В это время небольшой остров Родос становится ведущим центром международной торговли зерном, сохранявшим стабильно низкие цены на этот важнейший ресурс. Благодаря своему сильнейшему флоту родосская республика обеспечивала безопасность своих торговых перевозок. Став союзниками римского народа, родосцы на долгое время стали агентами по снабжению многочисленных римских легионов провиантом.

Греческие полисы, в том числе расположенные в Крыму, нередко обращались к Родосу в торговых спорах. Так, в 219 г. до н. э. Родос объявил войну г. Византию за незаконное взимание с греков провозной пошлины за проход через проливы в Понт Эвксинский (совр. Черное море) и быстро добился отмены этой пошлины. В начале I в. до н. э. за успешную борьбу с пиратством родосцы получают от римского диктатора Суллы право сбора портовых пошлин во всем восточном Средиземноморье. Римские императоры, начиная с Августа, признавали за Родосом особую юрисдикцию во всех тяжбах по морским торговым спорам, которые решались в соответствии не с римским, а с родосским морским правом. Наконец, по решению императора Диоклетиана, разделившего Римскую империю на западную (столица Рим) и восточную (Византия, столица – Константинополь), в 297 г. н. э. Родос стал официальной столицей так называемой «провинции островов», и такое положение сохранялось, как минимум, до начала VII в. н. э. В Византии в VIII в. был издан сокращенный вариант «морского родосского закона», который действовал во всем Средиземноморье даже после разрушения Родоса арабами. После захвата Константинополя в 1204 г. крестоносцами родосское право не утратило своего международного значения и, будучи переведено на латинский язык, взято на вооружение сначала Венецианской республикой, затем стало действовать как общее международное право и в приморских портах Италии, Испании, Голландии и Англии вплоть до XVI в. До сих пор в конституции США имеются ссылки на Родосский морской закон, содержащий нормы международного публичного и международного частного права.

1.4. Церковные суды древней Руси в сфере торгового и таможенного права и роль Кормчей Книги и Мерила Праведного в объединении русских княжеств в XII–XV вв.

С Родосским морским законом были знакомы и в древней Руси²⁰, по-видимому, уже с X в., так как статьи русско-византийских торговых договоров 907 и 944 гг. во многом повторяют торговые нормы Родосского закона. В это время Русь состояла из множества княжеств –

²⁰ О русах рассказывают, что издревле морем и торгом в Сирию и до Египта ездили (*Татищев В.* От скифов до славян. История российская во всей ее полноте. М., 2024. С. 32).

самостоятельных государств. Русь, приняв в 988 г. от Византии православие, вместе с христианством во многом восприняла и всё римско-византийское право. Объединителем княжеств выступила православная церковь. Так, один из основных в X в. византийских правовых источников – Номоканон патриарха Фотия в XIV титулах – был перенесен на Русь, и уже в XI в. появляются его первые переводы на древнеславянский язык. В это правовое собрание, называемое по-русски «Кормчая книга», были включены очень многие нормы, в том числе и из знаменитых Дигест и Новелл Юстиниана. А еще один сборник норм римско-византийского права, на Руси получивший название «Мерило Праведное», специально был составлен для светских судей в конце XIII в. Эти сборники, помимо прочего, содержали положения о действии на Руси наряду с княжескими светскими судами еще и особого церковного суда. Компетенция этого суда изложена в Уставе киевского князя Владимира (956–1015 гг.) «О церковных людех, и о десятинах, и о мерилах градских и о судѣх епископских», принятие которого обычно датируют концом X – началом XI вв. Он дошел до нас в десятках редакций XII–XVI вв., что свидетельствует о его длительном и повсеместном применении по всей Руси в течение по меньшей мере шести веков. Как известно, Устав регламентировал деятельность судов всех церквей, начиная с суда митрополита Киевского при храме Успения Пресвятой Богородицы и судов «всех епископов по русской земле», далее «по всем городам и по погостам? и по слободам, где ни суть христиане». Как хорошо известно из самого Устава и многочисленной научной литературы, церковные суды разбирали все категории дел, в том числе в области торгового и таможенного права. Например, епископу вменялось соблюдение контроля за мерами торговых весов и мерок длины, а также епископскому суду был подведомственен и «купѣц», если он «одождает» (Устав новгородского князя Всеволода «О церковных судах, людях и мерилах торговых», принятый им в 1134–1136 гг.).

Следует особо отметить, что в обоих Уставах говорится о том, что согласно «греческому Номоканону» церковные суды не были подчинены ни самому князю, ни его детям, ни его боярам, наместникам и тиунам, а нарушители этого запрета согласно княжеским уставам обрекают себя на проклятие и вечные муки. Иными словами, церковный суд обладал полным иммунитетом от светской власти. Даже если епископ ошибется в судебном решении, то ответ за это даст только перед богом «в день страшного суда».

Вплоть до падения Византии в 1453 г. формально только патриарх Константинопольский утверждал в должности епископа на Руси. Таким образом, формально верховным судьей в церковном суде был глава православной церкви патриарх Константинополя, а действующие в нем нормы были из римско-византийского права.

Итак, наподобие союзных судов Древней Греции и Рима, церковный суд на Руси XI–XVI вв. регулировал не только внутреннее, но и международное торговое право. Действительно, исследователи древнерусского торгового права отмечают, что коммерция тогда находилась в тесной связи с христианской церковью. Рынки, как правило, располагались при церквях и монастырях, сами церкви служили резиденциями русского купечества, как, например, церковь Иоанна Предтечи в Новгороде, подворье церкви св. Маамонта близ Константинополя и знаменитый Афонский монастырь, а также церковь св. Николая в Риге. Точно также и византийские, варяжские и немецкие купцы имели свои церкви в Киеве, Новгороде, Смоленске и других городах, как например, византийская церковь св. Ильи в Киеве, варяжская церковь св. Петра и Павла, а также немецкие церкви св. Пятницы и св. Петра в Новгороде. В этих церквях купцы держали свои эталонные веса и мерки, казну и документы, хранили товары. Староста такой типичной *ecclesia mercatorum* часто взимал с чужих купцов небольшую торговую пошлину. Наконец, здесь же, нередко в притворе церкви на «праведных весах» отвешивали товары, здесь же в церкви или перед ней между иноземными и русскими купцами решались судебные споры на основе общих правил, международных по происхождению. Причем эталонные веса немецких церквей вполне соответствовали праведным весам русских.

Следует обратить внимание на то, что суд по торговым делам здесь вершат хотя и старосты церкви, но сугубо светские лица – купцы, торгующие медом и воском. Однако купеческий суд церкви был судом низшей инстанции, и если один из купцов-судей допускал порчу «праведных весов» церкви, а епископ Новгорода при ежегодной проверке уличал его в этом, то тогда вступал в действие епископский суд, который являлся судом высшей инстанции, он-то и подвергал купца-старосту церкви казни и конфискации имущества. Поскольку в таком суде нередко участвовали стороны из разных русских княжеств и даже из разных национальных общин (государств), то церковный суд епископов по поводу использования «неправедных» торговых весов и мерил как при торговых сделках, так и при уплате торговых пошлин, несомненно, носил еще и международный характер. Действие такого международного торгового и таможенного суда в условиях раздробленности и всеобщего хаоса способствовало экономическому сплочению Древней Руси. Благодаря суду Православной церкви, основанному на общих для очень многих христианских народов нормах римско-византийского права, обеспечивалась известная стабильность торгового оборота и взимания таможенных пошлин. Не случайно поэтому даже ханы Золотой орды, стремящиеся к порядку, охотно выдавали епископам ярлыки на осуществление их судебной деятельности.

§ 2. Интеграция на территории России

Восточные славяне занимали территорию от Карпат на западе до Средней Оки и верховьев Дона на востоке, от Невы и Ладожского озера на севере до Среднего Поднепровья на юге. В VI–IX вв. славяне объединялись в общности, имевшие уже не только родовой, но и территориально-политический характер. С развитием торговли по пути «из варяг в греки» стали расти города и развиваться ремесла. Образование государства Русь стало закономерным завершением длительного процесса развития общинного строя у славянских племенных союзов, живших на пути «из варяг в греки».

Итак, Киевская Русь как первое государство русского народа существовала около 300 лет. Ее экономика отличалась динамичным развитием, открытостью, эффективностью и богатством. Ведущую роль играли внешняя торговля и ремесло. Именно за счет них быстро развивалась и богатела страна, вывозя на международные рынки, в первую очередь в Константинополь, кожи, меха, мед, воск, ремесленные изделия. Занимая значительное географическое пространство в пределах Восточно-европейской равнины, христианская (православная) Киевская Русь объединяла земли с разными природно-климатическими условиями и населением, имеющим разные трудовые навыки.

Со второй половины XI в. начинается процесс политического дробления Киевской Руси. Политическая раздробленность стала новой формой организации русской государственности в условиях освоения растущей территории страны и ее дальнейшего развития. Раздробленность стала закономерным этапом развития Древней Руси. Закрепление отдельных территорий за определенными ветвями киевского княжеского рода стало ответом на вызов времени. При этом интеграционные процессы, хозяйственные, культурные и иные контакты между княжествами не прекращались.

В начале XIII в. в Центральной Азии образовалось Монгольское государство, основой которого была завоевательная политика в отношении русских общин. После разгрома Руси монгольские орды двинулись в Европу, но были остановлены на территории современной России, где в ожесточенных боях погибла лучшая часть их войска. В 1242 г. орды хана Батые повернули обратно на восток. Здесь на территории от Дуная до Иртыша Батый основал государство Золотую Орду, и разоренные монголами русские земли вынуждены были признать вассальную зависимость от нее. Эта зависимость продолжалась почти 250 лет.

Монгольское нашествие и золотоордынское иго оказали значительное влияние на развитие Руси, привнеся в ее политико-правовую систему элементы, характерные для монгольского государства. Иго ускорило процесс дробления Руси (к середине XIV в. существовало уже около двухсот пятидесяти небольших государств на русской земле), но вместе с тем оно по мере возрождения экономики и культуры превращалось в стимул к объединению. Золотоордынское иго, несмотря на негативный эффект, способствовало евразийской интеграции, объединяя значительные пространства Европы и Азии. Такое объединение произошло уже не вокруг Киева, но около Владимиро-Суздальского и Московского княжеств.

С XIV–XV вв. возникли предпосылки формирования единого русского государства, следствием чего стало хозяйственное возрождение Руси и ускорение ее экономического развития в XIV–XV вв. Завершение процесса объединения русских земель вокруг Москвы в централизованное государство приходится на правление Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533). Процесс централизации страны был завершен в XVI в. в период правления Ивана IV Грозного (1533–1584).

Все эти преобразования способствовали ускорению экономического развития страны и стали основой проведения активной внешней политики как с западными государствами, так и особенно успешно на востоке. Россия превращается в крупную империю, включив в свой состав Поволжье. Присоединение Казани (1552) и Астрахани (1556) открыло возможность для продвижения в Сибирь. В 1581 г. отряд Ермака, сформированный купцами Строгановыми, проник на территорию Сибирского ханства, а спустя год разбил войска хана Кучума и взял его столицу Кашлык. Постепенно территории бывшего монгольского государства включались в состав московского государства. Включение гигантских сибирских пространств в русское государство усилило внутривнутрихозяйственные связи в рамках евразийского континента на внутривнутригосударственных началах.

Следующий ключевой период связан с реформами Петра I. Он осуществил энергичную попытку вновь приблизить страну к европейской цивилизации, учитывая общие политико-правовые истоки русского и европейских государств.

Петр I постоянно подчеркивал, что Россия не должна более оставаться закрытой от мирохозяйственных процессов, если она не хочет и дальше отставать в социально-экономическом развитии и постепенно попадать в тяжелую колониальную зависимость от передовых западных стран, как это случилось со многими государствами Азии, не сумевшими покончить с национальным традиционализмом. В итоге петровских реформ Россия сумела занять достойное место в системе европейских государств. Она превратилась в великую державу с эффективной экономикой, мощной армией и морским флотом, высокоразвитой наукой и культурой, поддерживающей интеграционные связи, оформляемые международными договорами.

В целом вторая половина XVIII в. была отмечена высокими темпами роста крупных промышленных предприятий. К концу века в России сформировались различные отрасли промышленности, почти полностью обеспечивающие важнейшие потребности страны. На экспорт шла разнообразная промышленная продукция – железо, льняное полотно, парусина, канаты и др. Постепенно развивалась совсем новая для России отрасль – хлопчатобумажное производство.

Особенно активно развивалась внешняя торговля, что было связано прежде всего с получением выхода в Европу через порты на Балтийском и Черном морях.

Таким образом, в этот период интеграция вновь приобретает международно-правовой характер с публичной и частными сферами регулирования.

Екатерине II за годы правления удалось еще более укрепить международное положение страны. В результате борьбы с Турцией в 1770–1780-е годы к России были присоединены Крым, Бессарабия, южные украинские земли по побережью Азовского и Черного морей, где были основаны новые города и крепости: Севастополь, Одесса, Николаев, Херсон и др. Рос-

сийский флот на международно-договорной основе получил право беспрепятственно плавать по Черному морю, а также выходить в Средиземное море через проливы Босфор и Дарданеллы.

К началу XIX в. Россия занимала огромную территорию от Прибалтики до Дальнего Востока. Ей принадлежала Аляска и некоторые другие территории в Северной Америке. Население страны к середине века составило около 74 млн человек. Оно состояло из многочисленных народов, проживавших на бескрайних землях, и это также накладывало отпечаток на состояние экономики.

В 1801–1804 гг. по просьбе грузинских царей и князей в состав России вошла Грузия, которая спасалась от натиска Персии. В 1804–1813 гг. к России отошли Имеретия, Гурия, Мингрелия, Абхазия, а также Дагестан и ханства Северного Азербайджана со столицей в Баку. В мае 1812 г. Россия подписала в Бухаресте договор с Турцией и к России отошла Бессарабия. По итогам войны с Персией (1826–1828) к России была присоединена вся Армения. После успешных военных действий против Швеции в 1808–1809 гг. к России были присоединены Финляндия (Великое княжество Финляндское) и Аландские острова. По договору Финляндия имела большую самостоятельность в составе России: выборный сейм, своя конституция, денежная и таможенная система.

По решению Венского (1814–1815) конгресса европейских стран, победивших Наполеона, в состав России была включена значительная часть Польши (Царство Польское).

Под давлением сложных геополитических обстоятельств в 1850-х годах Россия смогла начать планомерное наступление на Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства. Это было предпринято в связи с геополитическими противоречиями между Россией и Англией, которая претендовала на свое присутствие в Средней Азии. В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте, куда вошли Бухара и Коканд, а в 1873 г. и Хива. Под контролем Англии оставались Афганистан и Тибет, а России отходила Средняя Азия (Договор 1885 года).

В 1860-х годах были установлены дипломатические отношения с США, между странами поддерживались взаимные доброжелательные отношения. После окончания Гражданской войны в США активизировались переговоры о продаже российских владений в Северной Америке, и Россия, испытывавшая финансовые трудности, согласилась в 1867 г. на продажу «Русской Америки» (куда входили Аляска, Алеутские острова и часть Северной Калифорнии) площадью свыше 1,5 млн кв. км за 7,2 млн долл., или 14 млн руб.

Россия перед Первой мировой войной являлась евразийской империей, управляющей из центра, но делегирующей значительные полномочия властным органам на местах. Это была развитая аграрно-индустриальная страна. Ее доля в мировом хозяйстве в 1913 г. составляла 7 %. Статистические прогнозы показывали, что с такими темпами Россия могла бы к середине XX в. стать сильнейшей в мире державой в военном, финансовом и экономическом отношении.

§ 3. Советский период

25 октября 1917 г. в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Советская власть утвердилась на большей части бывшей Российской империи с конца октября 1917 по март 1918 г. В апреле 1918 г. был издан Декрет о национализации внешней торговли.

Большевики победили в гражданской войне и отразили иностранную интервенцию. Им удалось сохранить основную часть территории бывшей Российской империи. Вместе с тем от России отделились Польша, Финляндия, государства Прибалтики, которые обрели независимость, а также были утрачены территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии.

Кроме того, к началу 1920-х годов на территории бывшей Российской империи существовало несколько независимых государственных образований. Это созданные на основе национально-территориального признака РСФСР, Украинская, Белорусская, Азербайджанская, Армянская и Грузинская советские социалистические республики, а также Бухарская и Хорезмская народные советские республики и Дальневосточная республика.

Однако интеграционные (объединительные) связи не были утрачены и получили новую правовую форму.

Сложившаяся между советскими республиками форма объединения получила название договорной федерации. Ее своеобразие заключалось в том, что российские управленческие структуры одновременно выполняли функции общегосударственных органов власти. Республиканские компартии были включены в состав РКП(б) на правах областных парторганизаций. Благодаря этому достигалось единство действий республик в решении военных и хозяйственных вопросов. Но это же одновременно несколько ограничивало суверенитет независимых государственных образований.

С окончанием гражданской войны во взаимоотношениях республик сохранилось политическое и углубилось экономическое сотрудничество. В 1920–1922 гг. все советские республики заключили с РСФСР и между собой двусторонние соглашения о хозяйственном и дипломатическом союзе. Увеличивалось число общесоюзных хозяйственных наркоматов. Возросла роль ВЦИК как общедоверительного органа власти. Республики передавали правительству РСФСР право представлять и защищать их интересы на международной арене. Азербайджан, Армения и Грузия в 1922 г. образовали Закавказскую советскую социалистическую федерацию (ЗСФСР), Конституция которой была построена на тех же принципах, что и Конституция РСФСР.

В 1924–1925 гг. было проведено национально-государственное размежевание в Средней Азии. На территории Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных республик образовались Узбекская ССР и Туркменская ССР. В 1929 г. в союзную республику была преобразована Таджикская АССР. Все вновь образованные республики вошли в состав СССР. Проводилась работа по уточнению границ союзных республик в Закавказье, Средней Азии и др. Так, Белорусской ССР передавалось несколько районов Витебской, Гомельской и Смоленской областей РСФСР. В процессе преобразования Таджикской автономии к ней отошел Ходжентский округ Узбекской ССР. Не всегда достаточно продуманное национально-государственное размежевание, проведенное в 1920-х годах, породило очаги будущих межнациональных конфликтов.

В связи с зарождающимися евразийскими противоречиями возникла необходимость научно-правового обоснования новой евразийской общности – союза республик, населенных народами европейского и азиатского происхождения.

Решающий вклад в доктринальную разработку евразийства внесли мыслители, чей расцвет начался в эти же годы и продолжился до рубежа 1940-х годов. К их числу принадлежат П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский и другие деятели русской эмиграции, предпринявшие основательный и систематический анализ для разработки современного варианта теории евразийства.

По убеждению евразийцев, вопреки широко распространенному мнению, «европейская культура не есть нечто абсолютное, не есть культура всего человечества, а лишь создание ограниченной и определенной этнической или этнографической группы народов, имевших общую историю... она ничем не совершеннее, не «выше» всякой другой культуры, ибо «высших» и «низших» культур и народов вообще нет...»²¹ По этой причине ориентация неевропейских

²¹ Цит. по: Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 158.

народов на Европу, попытка жить ее отраженным светом, отказ от самостоятельного культурного творчества не только непродуктивны, но просто губительны.

Сказанное относится в полной мере и к России. Перед ней стоит задача, «сбросив татарское иго, сбросить и европейское...»²² И при этом повернуться лицом к Азии, к Востоку, а поскольку мы сами – отчасти Восток, то, значит, возвратиться в дом родной.

В своих теоретических изысканиях евразийцы опирались не только на реально существующую историческую традицию, уходящую своими корнями в глубь веков, но и ссылались на современные им авторитеты. Вот что писал Ф.М. Достоевский: «В Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход»²³.

В своем манифесте они провозгласили следующее: «1. Россия представляет собой особый мир... 2. Особый мир этот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии»²⁴. Следовательно, Россия должна обрести новое геополитическое самосознание и заново идентифицировать себя в геополитическом плане не как европейскую или азиатскую, а как евразийскую страну. Решить столь сложную задачу оказалось очень непросто, прежде всего по внешнеполитическим причинам.

Серьезным испытанием евразийской интеграции явилась Великая Отечественная война. Неудачи первых лет привели к передвижке многих предприятий с запада на восток. Развернулась широкая работа по эвакуации промышленных предприятий и людских ресурсов в восточные районы страны. В 1941–1942 гг. на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию было перемещено около 2000 предприятий и 11 млн человек. Этот процесс особенно интенсивно происходил летом – осенью 1941 г. и летом – осенью 1942 г. Начался массовый выпуск современных видов оружия (самолетов, танков, артиллерии, автоматического стрелкового), конструкции которых были разработаны еще в предвоенные годы. В 1942 г. объем валовой продукции промышленности превзошел уровень 1941 г. в 1,5 раза.

Таким образом, в самые трудные моменты борьбы на фронтах ряд территорий Советского Союза был интегрирован в общие экономические процессы, которые приобрели ускоренное развитие в послевоенные годы, так как все союзные республики были включены в цепочку кооперационных связей промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Возникла общая экономика, регулируемая внутригосударственным правом. В начале 1970-х годов было заявлено о том, что в СССР достигнуто равенство республик по уровню экономики и культуры и что национальный вопрос в стране решен. Утверждалось также о складывании новой исторической общности – советского народа.

В середине 1980-х годов в состав СССР входили 15 союзных республик: Армянская, Азербайджанская, Белорусская, Грузинская, Казахская, Киргизская, Латвийская, Литовская, Молдавская, РСФСР, Таджикская, Туркменская, Узбекская, Украинская и Эстонская. На его территории проживали свыше 270 млн человек – представители свыше ста наций и народностей. По мнению официального руководства страны, в СССР был решен в принципе национальный вопрос и произошло фактическое выравнивание республик по уровню политического, социально-экономического и культурного развития. Между тем многочисленные противоречия в межнациональных отношениях не были решены, особенности развития народов не учитывались. В том числе не учитывались особенности развития титульных наций республик.

²² Там же. С. 159.

²³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. С. 33.

²⁴ Цит. по: Баталов Э.Я. Указ. соч. С. 159.

12 июня 1990 г. I съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете России. В ней законодательно закреплялся приоритет республиканских законов над союзными. Декларации союзных республик о суверенитете поставили в центр политической жизни вопрос о дальнейшем существовании Советского Союза. События 19–22 августа приблизили распад Советского Союза. В конце августа заявили о создании самостоятельных государств Украина, а затем и другие республики.

Таким образом, как и ранее в истории, государственно-правовой способ интеграции уступил место международно-правовому.

В декабре 1991 г. в Беловежской пуще (БССР) состоялось совещание руководителей трех суверенных государств – России (Б.Н. Ельцин), Украины (Л.М. Кравчук) и Белоруссии (С.С. Шушкевич). 8 декабря они заявили о прекращении действия союзного договора 1922 г. и об окончании деятельности государственных структур бывшего Союза. Тогда же была достигнута договоренность о создании СНГ – Содружества Независимых Государств. Единое государство Союз Советских Социалистических Республик перестало существовать. В декабре того же года к международной организации Содружеству Независимых Государств присоединились еще восемь бывших республик (Алма-Атинское соглашение).

§ 4. Международные союзы

Исторически первой формой межгосударственного взаимодействия на постсоветском пространстве стало образование Содружества Независимых Государств на основании Соглашения от 8 декабря 1991 г., дополненного Протоколом от 21 декабря 1991 г. В связи с принятием данных документов государствами – учредителями Содружества стали Россия, Беларусь, Украина, Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан (в 1993 г. к СНГ присоединилась Грузия, но вышла из его состава в 2009 г.).

Лейтмотивом Соглашения от 8 декабря 1991 г. является указание на то, что СССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование, образуется СНГ (преамбула и ст. 1) с одновременным возникновением новых государств.

Для них в Соглашении обозначены следующие задачи: гарантия равенства прав и свобод граждан сторон; развитие равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и иных областях; гарантия открытости границ, свободы передвижения граждан и передачи информации; сотрудничество в обеспечении международного мира и безопасности (ст. 2–6).

Статья 7 Соглашения относит к сфере совместной деятельности государств – членов СНГ координацию внешнеполитической деятельности, сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, в области таможенной политики, сотрудничество в развитии систем транспорта и связи, сотрудничество в области охраны окружающей среды, участие в создании всеобъемлющей международной системы экологической безопасности, вопросы миграционной политики, борьбу с организованной преступностью.

Изложенное свидетельствует о том, что Соглашение имело своей основной целью урегулирование вопросов, связанных с распадом СССР, и является договором, обеспечивающим мирное разрешение вопросов политической дезинтеграции (разделения) и правопреемства.

Вывод об отсутствии в деятельности СНГ свойств истинной интеграции позволяет утверждать, что те действия, которые бывшие советские республики осуществляли во взаимодействии друг с другом до перехода некоторых из них к созданию Таможенного союза, следует именовать координацией их деятельности по дезинтеграции, разъединению.

В теории существуют различные подходы, объясняющие сущность межгосударственной интеграции (соединение элементов в целое), но объединяющей их чертой является признание того факта, что интеграция представляет собой процесс, невозможный без создания нового института, чьи органы способны осуществлять юрисдикцию над государствами – членами, принимать решения, обязательные для исполнения последними. Именно передача некоторых политических функций, возможности давать государствам – членам обязательные указания является тем водоразделом, который разграничивает межправительственные организации, основанные на принципах взаимосвязи и кооперации, и интеграционные объединения.

Подобных черт сотрудничество в рамках СНГ не приобрело. Напротив, лейтмотивом Содружества стал подчеркнутый отказ от идей интеграции в форме наднационализма. Взаимодействие государств – членов шло лишь по пути предоставления взаимных гарантий (например, открытости границ, свободы передвижения граждан), декларирования готовности к сотрудничеству в различных сферах (охраны окружающей среды, систем транспорта и связи), сближения законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность.

Стремление государств – членов СНГ к самостоятельности и невозможности возврата к единому государству было закреплено в Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 г. и в Уставе СНГ, принятом решением Совета глав государств от 22 января 1993 г. Иными словами, был закреплён тот факт, что Содружество не является ни государством, ни надгосударственным образованием, не обладает наднациональными полномочиями, но является международной организацией классического образца по сотрудничеству, основанному на международных договорах. Однако такое сотрудничество не позволяло сохранить прежние межхозяйственные, кооперационные связи предприятий, многие из которых просто перестали существовать.

Между тем потребность экономической интеграции становилась всё более острой: рынок товаров сужался, нужды потребителей не удовлетворялись. Экономика требовала правовой интеграции.

Основным, главным направлением экономического взаимодействия государств – бывших республик СССР стало международное право и движение в сторону создания Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП). Предложение о таком развитии поступило в 1994 году от Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Президенты России, Беларуси и Казахстана утвердили (2009) План действий по формированию ЕЭП, включавший разработку соответствующих международных договоров. Таким образом, основным нормативным инструментарием для решения задачи создания ТС и ЕЭП изначально были избраны международные договоры, а формой – наднациональная международная организация.

Сначала в 2012 г. было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). С созданием ЕЭП (2014) необходимость в прежнем ЕврАзЭС с его недостаточными компетенцией и предметом регулирования отпала, но на его основе появился Евразийский экономический союз (ЕАЭС) с развитой структурой, ясной компетенцией. По большому счету ЕврАзЭС и ЕАЭС – одна организация, прошедшая два этапа развития. Первый – с 2010 по 2014 г. – ТС-ЕврАзЭС, второй – с 2015 г. по настоящее время – ЕАЭС.

В 2014 г. был подписан Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на базе Таможенного союза и ЕЭП. Договор вступил в силу с 1 января 2015 г. Сегодня в ЕАЭС участвуют: Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения, Кыргызстан. Куба, Молдова и Узбекистан имеют в ЕАЭС статус наблюдателя. ЕАЭС обладает полной международной правосубъектностью и заключил ряд соглашений о свободной торговле с третьими странами: Вьетнамом, Сингапуром, Сербией, Ираном.

Евразийскому интеграционному проекту в 2024 г. исполнилось 30 лет с момента представления Президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым во время лекции в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова реально работающего

союза государств, в основе объединения которых должны лежать экономические взаимосвязи, укрепленные международно-правовыми договорами. Евразийский союз государств, наиболее подготовленных к углублению сотрудничества, должен был, в отличие от СНГ, иметь более четкую и развернутую институциональную структуру и обладать достаточным объемом регулятивных полномочий, прежде всего в ключевых секторах экономики.

Руководители многих стран постсоветского пространства на том этапе не были готовы воспринять идеи «нового объединения». Спустя некоторое время их действительно поддерживали только Республика Беларусь и Российская Федерация. В начале 1995 года Республика Казахстан, Республика Беларусь и Российская Федерация подписали Соглашение о Таможенном союзе, нацеленное на устранение препятствий для свободного экономического взаимодействия между хозяйствующими субъектами Сторон, обеспечение свободного товарообмена и добросовестной конкуренции. Соглашение «тройки» определило интеграционное ядро, которое и в настоящее время является двигателем интеграционных процессов в Евразии. Таможенный союз 1990-х годов так и не смог реально заработать по ряду причин до 2010 года, однако экономическое взаимодействие и развитие требовали полноценного правового оформления, прошедшего несколько этапов.

В 1996 г. руководители стран «тройки» совместно с Главой Кыргызской Республики подписали Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. В документе нашли отражение тесные экономические и культурные связи, общее историческое прошлое. Вместе с тем положения договора были устремлены в будущее – Казахстан, Беларусь, Кыргызстан и Россия заявили о неразрывных перспективах общего экономического развития.

В 1998 г. к договору присоединилась Республика Таджикистан. Намерение перейти к более тесному сотрудничеству на основе международной унификации нормативной базы и согласования процессов структурной перестройки экономик привело лидеров этих стран к созданию в 2000 г. новой интеграционной структуры – Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). С 2003 г. работа по формированию правовой базы Единого экономического пространства была еще более активизирована. К этому процессу активно подключилась Украина. Но ее вовлеченность в евразийские интеграционные процессы вскоре пошла на убыль.

В 2006 г. в авангарде работы по формированию Таможенного союза и Единого экономического пространства снова оказались Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, Президенты которых приняли соответствующее совместное решение в ходе саммита в Сочи. При этом была достигнута договоренность, что Кыргызская Республика и Республика Таджикистан присоединятся к принятому решению по мере готовности их экономик.

Уже через год, в октябре 2007 г., был подписан Договор о создании Единой таможенной территории и формировании Таможенного союза. В исторически короткие сроки удалось создать первичную инфраструктуру интеграции и определить долгосрочный вектор экономического развития государств-участников. В дальнейшем ускорении интеграционных процессов немалую роль сыграл мировой финансово-экономический кризис 2008 г. Он заставил государства искать новые форматы сотрудничества для устойчивого экономического роста и новые способы минимизации экономических рисков, способствовал сближению экономических стратегий. Результатом стало ускорение «запуска» Таможенного союза.

Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации начал действовать с января 2010 г., а спустя полтора года – с июля 2011 г. – заработал в полноформатном режиме: таможенные территории «тройки» были объединены в единую таможенную территорию. Сегодня на ней применяются нормы единого Таможенного кодекса, действуют Единый таможенный тариф, единая система внешнеторгового и таможенного регулирования, единое правовое поле в сфере технического регулирования.

18 ноября 2011 г. была подписана Декларация о евразийской экономической интеграции. Отметив в этом документе успешность Таможенного союза, Главы Республики Беларусь, Рес-

публики Казахстан и Российской Федерации выразили убежденность в том, что последующее развитие интеграции, основанной на глубоких экономических и духовных связях между народами трех стран, отвечает их национальным интересам, в том числе способствует повышению благосостояния и качества жизни граждан, усилению национальной конкурентоспособности в рамках глобальной экономики. В Декларации было заявлено о переходе к следующему этапу интеграционного строительства – Единому экономическому пространству (ЕЭП).

К 1 января 2012 г. была сформирована правовая база ЕЭП – рынка со 170 млн потребителей, унифицированным законодательством, свободным передвижением товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В основе ЕЭП лежат согласованные действия в ключевых областях регулирования экономики: в макроэкономике, сфере конкуренции, в области промышленных и сельскохозяйственных субсидий, транспорта, энергетики, тарифов естественных монополий. Для населения и бизнес-сообщества выигрыш от ЕЭП очевиден. Предприниматели имеют равный режим доступа на общий рынок трех стран, могут свободно выбирать, где им регистрировать свои фирмы и вести бизнес, без излишних ограничений продают товары в любом из государств – членов ЕЭП, имеют доступ к транспортной инфраструктуре и т. д. Создание и поэтапная отладка механизмов работы единого рынка – важная часть планов стран – участников ТС и ЕЭП по переходу от сырьевой экономики к инновационной.

2 февраля 2012 г. приступила к работе Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) – впервые в двадцатилетней истории евразийского интеграционного процесса создан постоянно действующий наднациональный регулирующий орган, имеющий реальные полномочия в ряде ключевых сфер экономики. ЕЭК обеспечивает условия функционирования и развития Таможенного союза и Единого экономического пространства, разработку предложений по дальнейшему развитию интеграции. Одновременно начал действовать общий евразийский Суд в Минске.

В 2013–2014 гг. ЕЭК и уполномоченные органы Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации по поручениям Президентов своих стран вели активную подготовку Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). С его принятием завершилась кодификация международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу ТС и ЕЭП. 29 мая 2014 г. в Астане в ходе заседания Высшего Евразийского экономического совета был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе. Проект Договора обсуждался в рабочих группах под общим руководством первого заместителя премьер-министра И.И. Шувалова. Статутные документы²⁵ о Суде Союза подготовлены служащими Суда ЕврАзЭС под руководством судьи, профессора Т.Н. Нешатаевой. Одновременно под руководством судей Ж.Н. Баишева и К.Л. Чайки был подготовлен проект Соглашения о штаб-квартире Суда ЕАЭС в Минске (вступил в силу в 2016 г.)²⁶.

Многие политики и эксперты называют этот проект самым амбициозным и вместе с тем наиболее реалистичным, опирающимся на просчитанные экономические преимущества и взаимные выгоды. Широкие возможности открываются для бизнес-сообщества государств – участников: договор дает зеленый свет формированию новых динамичных рынков с едиными стандартами и требованиями к товарам, услугам, капиталам, рабочей силе. Именно эти международные акты и заработали как регуляторы союзных интеграционных отношений.

10 октября 2014 г. в Минске подписан Договор о присоединении Республики Армения к ЕАЭС. 23 декабря 2014 г. в Москве на заседании Высшего Евразийского экономического совета был подписан Договор о присоединении Кыргызской Республики к ЕАЭС. 12 августа 2015 г. Кыргызстан стал полноправным членом Союза.

²⁵ Документы о ЕЭК подготовлены под руководством профессора Т.Д. Валовой.

²⁶ Соглашение между Евразийским экономическим союзом и Республикой Беларусь об условиях пребывания Суда Евразийского экономического союза на территории Республики Беларусь от 29 апреля 2016 г. Проект был подготовлен под руководством судей Ж.Н. Баишева и К.Л. Чайки.

Евразийский экономический союз начал функционировать с 1 января 2015 г. с указанием на то, что решения Комиссии ТС, решения ЕЭК и решения Суда ЕврАзЭС сохраняют свою юридическую силу. С учетом этого правового континуитета (форма правопреемства) экономическая интеграция имеет международно-правовое оформление с 2010 г. В противовес мировым кризисным явлениям продолжается последовательная и успешная трансформация евразийского пространства на рыночных экономических принципах с сохранением политической независимости и сложившегося культурного своеобразия суверенных государств.

Создание Евразийского экономического союза – наднациональной региональной международной организации – важное событие в истории евразийской интеграции, которая развивается свыше тысячи лет, меняя формы правового оформления – международно-правовую и внутригосударственную.

Международные региональные союзы возникают в ответ на угрозы развитию государств – членов, их народов. Например, Европейский союз возник для целей быстрого экономического восстановления государств Западной Европы после Второй мировой войны. В его основе лежала финансовая помощь США западноевропейским государствам (план Маршалла). Евразийский экономический союз возник после распада Советского Союза. Сложившиеся веками финансовые, промышленные и иные связи организаций и предприятий, существовавших в Российской империи и возникшем на ее основе СССР, а затем ЕврАзЭС – ЕАЭС, обрушались, но неизменно восстанавливались. Последнее, прежде всего, свидетельствует о цивилизационном единстве народов, населяющих Евразию, их желании развиваться на единой основе.

В настоящее время помимо задач экономического благосостояния появляются цели более глобальные – выживание перед лицом климатических, экономических и биологических угроз. Такие цели могут быть достигнуты за счет универсального союза государств, укрепления мирных интеграционных организаций путем наделения их властными полномочиями на время эпидемий и пандемий. Иными словами, региональные союзы могут служить основой создания международных универсальных организаций.

Литература

1. Аграшенков А.В., Блинов Н.М., Бобков В.Б., Мячин А.Н., Шамахов В.А., Шумилов М.М. Таможенное дело в России X – начало XX вв. (Исторический очерк. Документы. Материалы). СПб.: ПиК, 1995.
2. Евразийская интеграция: роль Суда / Под ред. д.ю.н., проф. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015.
3. Кофанов Л.Л. Внешняя система римского права: право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности. М.: Статут, 2015. 192 с.
4. Максимович К.А. Договоры Руси с Византией X в. в свете данных византийского «Морского закона» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики N4(94), 2023. С. 7–21.
5. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. № 3. С. 81–108.
6. Половников А.В. Торговля в старой России. М.: Государственное издательство торговой литературы, 1958.
7. Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976.
8. Pardessus J.M. Collection de lois maritimes antérieures au XVIII e siècle. T. I. Paris, 1828.

Глава III

Международная организация – евразийский экономический союз

§ 1. ЕАЭС как международная организация экономической интеграции

В процессе длительного совместного существования в рамках единого государства (Российской империи, а затем – СССР) сложилась культурная, историческая, географическая близость народов, населяющих евразийскую территорию, сформировала схожий уровень развития индивидов, общность экономических и социальных проблем, а также взаимодополняемость экономик. Интеграция прежних периодов оформлялась единым государственным (внутригосударственным, национальным) правом.

Таким образом, были созданы предпосылки для того, чтобы и новые государства имели потребность в объединении своих усилий с прежними партнерами по мирному сосуществованию в Евразии.

Прежде всего требование объединения усилий касалось экономических связей, экономической интеграции.

Интеграция – соединение частей в целое и управление новым образованием. По этому образцу – империя, федерация – создается наиболее широкая форма интеграции, так как объединяет такие основополагающие элементы, как народонаселение, территории, экономика, политика, социальная сфера и т. д. При этом способ правового регулирования такой широкой интеграции – создание единой внутригосударственной правовой системы. Историческое развитие народа показывает, что государственные системы могут распадаться, видоизменяться, но процессы интеграции сохраняются, приобретая международно-правовой характер.

В том случае если объединению частей в целое подвергается один или несколько элементов существования народов, интеграция происходит на основе международно-правового регулирования – создания международной организации, компетенция которой находится в тесной взаимозависимости с компетенциями государств – членов в интеграционном вопросе. Международная организация и государства – члены дополняют и взаимно ограничивают компетенции друг друга в этом вопросе путем формирования норм международно-правового характера.

По вопросу о том, какой из способов интеграции эффективнее, существует широкая дискуссия и в Европейском союзе, и в Евразии. Многие полагают, что международно-правовая интеграция – лишь этап на пути создания внутригосударственной интеграции²⁷. В настоящее время евразийская интеграция существует в форме экономической интеграции, оформленной международно-правовыми актами. Иными словами, правовое регулирование интеграции носит не внутригосударственный, а международно-правовой характер.

Евразийская экономическая интеграция предполагает объединение следующих элементов суверенных экономик:

1. Создание общего рынка (единый внутренний рынок, первоначально на основе таможенного союза), который обеспечивает свободное движение товаров, услуг, капитала, рабочей силы.

²⁷ Schmidt S., Schünemann W.J. Europäische Union. Baden-Baden, 2009. S. 399; Ковлер А.И. Европейская интеграция: федералистский проект (историко-правовой очерк). М., 2016.

2. Создание валютно-финансового союза с общесоюзным банком, координирующим финансовую политику государств – членов.

3. Координация макроэкономической политики государств – членов, в том числе в области защиты конкуренции на общем рынке, развития транспортных коммуникаций и т. д.

4. Создание промышленной и сельскохозяйственной кооперации с устранением барьеров и скрытых ограничений.

По итогу возникновение внутреннего евразийского рынка послужит достижению ключевой цели евразийской интеграции – сбалансированного и устойчивого роста экономики государств – членов, высокой степени занятости и социальной защищенности, повышения качества жизни населения в Евразии. Таким образом, евразийская интеграция сегодня имеет региональный характер международного сотрудничества.

Попутно интеграция евразийских государств предполагает сотрудничество с другими международными организациями путем формирования общего пространства под названием «Большая Евразия», в которую войдут, помимо ЕАЭС, и другие международные союзы и объединения. Интеграция с иными союзами государств может служить появлению универсальной (всемирной) интеграции, называемой также глобализацией. Причины интеграции, как и глобализации, носят объективный характер, связанный с научно-техническим прогрессом. Так, с появлением компьютеров и всемирной интеграционной сети регулирование экономических отношений в рамках одного государства становится затруднительным, а то и невозможным.

Региональная интеграция, как и универсальная, может возникнуть лишь на основе общих правил, складывающихся в общую правовую систему – международное право, которое появилось раньше, чем цивилизовавшая многие народы Римская империя (усвоила договоры древних народов), как право, регулирующее внешние связи народов – *jus gentium*. Появление в настоящее время общечеловеческого универсализма возможно лишь на основе интеграции (соединения в целое) элементов разных цивилизаций в новое единство ради решения задач, стоящих перед всеми народами мира (человечеством).

Попыткам такой универсализации человечества много тысячелетий. Так, Римская империя объединяла народы, входящие ныне в наднациональные организации – Европейский союз и Евразийский союз. В Российскую империю входили народы, составляющие сегодня государства – члены ЕАЭС и т. д.

Российская империя объединяла народы, которые впоследствии входили в СССР, но в настоящее время стремятся интегрироваться друг с другом в новой форме – через международную организацию Евразийский союз, отношения в котором регулируются нормами международного права. Иными словами, в отличие от прежних «прогосударственных» эпох, интеграция в настоящее время использует приемы международного права – правила оформляются в принципы, обычаи, договоры и решения международных организаций (разновидность международных договоров). Нации и народы при этом сохраняют свои дома – «суверенные государства» и подчиняются в некоторых вопросах не только национальному праву – приказам государственной власти, но и правилам, возникшим путем согласования воли (договоренностей) государств. Такие правила напрямую действуют в их национальных правовых системах как собственное (отнюдь не навязанное извне) право через закрепление соответствующего положения в конституциях этих государств.

Итак, главное направление оформления современных интеграционных процессов – международно-правовое, что исключает любые попытки насильственной замены этого подхода на внутригосударственный – включение независимых государств в единую систему вне воли народов, населяющих эти государства (последнее возможно лишь на основе самоопределения народа).

Исходя из того, что взаимодействие государств, ставших самостоятельными после распада Советского Союза, проходило в разных направлениях, следует признать, что от объ-

явления об интеграции до ее реального осуществления прошло почти 20 лет. Содружество Независимых Государств, Таможенный союз, Евразийское экономическое сообщество, Единое экономическое пространство опосредуют разные организации и различный уровень интеграции народов и государств, составляющих регион, получивший название «Евро-Азия».

По методам правового регулирования ЕАЭС очень схож с Европейским союзом – первым наднациональным интеграционным объединением, сложившимся в Европе.

Особенностью наднационального международного объединения является то, что государства – члены наделяют организацию частью своих полномочий (суверенных прав и обязанностей). Они делегируют такой организации некоторую часть своей суверенной компетенции. Организация, таким образом, принимает свои решения в особых формах голосования, не согласовывая с государствами – членами свои решения в тех процедурах, которые характерны для международных договоров. Решения такой организации являются юридически обязательными для, их органов, физических и юридических лиц. Передача наднациональной организации государствами – членами части своей суверенной компетенции есть серьезное отличие наднациональной организации от иных международных объединений – классических межправительственных организаций, в которых решения принимаются согласованием волей государств – членов. В теории права наднационализм понимается как примат публичной власти объединения над властью государств – членов. Наднациональная организация, по мнению ученых, действует самостоятельно на международной арене в отраслях, переданных в ее компетенцию государствами – учредителями международной организации. В наиболее острой форме такой примат наднационализма проявляется сегодня в ЕС²⁸.

Но ЕАЭС отличается от ЕС, потому что в уставных документах нового Союза были учтены и конфессионально-цивилизационные особенности, характерные для евразийства, евразийских народов, их стремление к самостоятельности.

В документах ЕАЭС имеется указание на то, что Союз – субъект международного права. Он будет руководствоваться международно-правовыми принципами и нормами, а не основываться на национальных законодательствах. Таким образом, принципиально отмечена невозможность внутригосударственного подхода к регулированию процессов интеграции.

Как известно, международное право имеет две особенности – метод создания норм и их структуру. Нормативный состав международного права образуют нормы, регулирующие международные отношения, создаваемые путем согласования волей субъектов – участников международных отношений. Прежде всего властных субъектов – государств и международных организаций, а также невластных акторов транснациональных отношений – юридических лиц, неправительственных организаций и т. д.

Нормы международного права имеют особую структуру: правило (*usage*) и его обязательность (*opinio juris*).

Таким образом, интеграционные отношения в ЕАЭС регулируются международным правом, созданным согласованием волей государств и международной организации.

Нормы внутригосударственного права (созданы волей единого субъекта) не могут создавать права и обязанности двух или нескольких государств, поэтому нормы национального права не регулируют отношения участников ЕАЭС.

Отсюда евразийское право – это система норм, создаваемых государствами – участниками (членами) ЕАЭС и частично другими акторами Союза путем согласования их волей. Юридические нормы права ЕАЭС регулируют экономические отношения в Союзе публичного и частного характера. Соблюдение этих норм обеспечивается принуждением непосредственно государствами – членами или опосредованно – органами Союза.

²⁸ См.: Ковлер А.И. Европейская интеграция: федералистский проект (историко-правовой очерк). М., 2016; Lenaerts K., Van Nuffel P. Constitutional Law of the European Union / Ed. by R. Bray. London, 2005. P. 11–18.

Помимо согласования содержания нормы евразийского права, появляется необходимость достижения соглашения по ее обязательности. Отсюда проистекает и особая структура международно-правовой нормы, содержащей само правило поведения (*usage*) и его юридическую обязательность (*opinio juris*). Для того чтобы появилась обязательная норма евразийского права, необходимо достигнуть соглашения по обоим этим элементам.

Правило может регулировать отношения и без второго элемента (обязательности), но в этом случае оно будет носить рекомендательный характер. В доктрине это получило название деления международного права на твердое (*hard law*) и мягкое право (*soft law*)²⁹. Некоторые элементы экономических отношений в ЕАЭС уже регулируются мягким согласованием: например, государства – члены согласны (не возразили), что профессиональные спортсмены являются трудящимися³⁰, несмотря на то, что во многих правовых национальных системах принят иной подход. Мягкое право оказывается зачастую более эффективным, чем твердое; экономика требует быстрого решения (экономический интерес), которое предлагается в новом правиле, но второй элемент – обязательность – согласуется длительное время (правовой интерес). В таком случае экономическое решение на основе мягкого правила начинает претворяться в реальность добровольно или с применением ассиметричных мер (например, отказ в кредите без исполнения предписанного мягким правом). Именно несовпадение во времени и пространстве экономического и правового интереса является причиной развития мягкого права в интеграционной экономике.

Кроме того, согласительный метод правового регулирования в ЕАЭС приводит к появлению императивных и диспозитивных норм. От императивных норм государства – члены ЕАЭС отступать не могут даже по соглашению сторон, обязаны их выполнять всегда. К таким нормам относятся общие принципы права (нормы *ius cogens*) и принципы права ЕАЭС. Императивные и диспозитивные нормы права ЕАЭС юридически обязательны. Разница в том, что по соглашению сторон от диспозитивного правила можно отступить, если другие государства согласны. Например, такие нормы об отступлении от общеобязательных содержатся в переходных положениях договоров о вступлении в Союз Республики Армения и Кыргызской Республики³¹. Возможности отступления от принципа суверенного равенства государств – членов в ЕАЭС не предусматривается, и любая норма, нарушающая этот принцип, является ничтожной с момента ее появления (статья 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.).

Таким образом, согласительный метод создания норм евразийского права позволяет отнести их правила к международно-правовой системе в ее региональном (евразийском) измерении. В таком случае меры принуждения, защищающие общее международное право (реторсии и репрессалии), применимы и к нормам евразийского права. Как правило, меры принуждения в литературе называются санкциями. Но применение санкции в международной системе имеет свои особенности: 1) санкции не связаны с конкретной нормой и не являются ее частью; 2) действуют без привязки к конкретному времени и пространству; 3) сформированы как обычай (практика); 4) применяются самими субъектами международного права без использования общего аппарата принуждения³².

²⁹ См. об этом: *Колодкин Р.А.* Международные рекомендательные нормы (на примере резолюций-рекомендаций Генеральной Ассамблеи ООН): Дисс.... канд. юрид. наук. М., 1986.

³⁰ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 года по делу Р-3/18.

³¹ Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (подписан в Минске 10 октября 2014 г.), Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (подписан в Москве 23 декабря 2014 г.).

³² См.: *Нешатаева Т.Н.* Международно-правовые санкции специализированных учреждений ООН: Дисс.... канд. юрид. наук. М., 1985. 201 с.

Евразийское право можно определить как систему юридических норм, регулирующих экономические отношения между государствами – членами международной организации ЕАЭС и другими субъектами межрегиональных экономических отношений, создаваемых путем согласования воли участников этих отношений и обеспечиваемых в случае необходимости принуждением, которое осуществляется государствами – членами, а также органами международной организации – ЕАЭС.

§ 2. Наднационализм – особенность ЕАЭС

Но если предмет правового регулирования в ЕАЭС традиционен – общественные отношения экономического характера в межгосударственной сфере, – то предмет международно-правового регулирования в евразийском праве – согласование воли субъектов, создавших Союз, – дополнен особенностью согласования, получившей название «наднационализм».

Как известно, метод создания норм – главное отличие компонентов международного права от права национального. Нормы международного права создаются субъектами международных отношений (государствами, международными организациями (властные субъекты), иными образованиями, например, неправительственными организациями (невластные субъекты)).

Субъекты заключают соглашения, сущностью которых является согласие властных субъектов исполнять такие предписания (согласование воли). Отсюда возможное или должное поведение субъектов международных отношений основывается только на нормах международного права, устанавливающих права и обязанности субъектов евразийского права.

По мере ускорения научно-технического прогресса и появления новых средств связи, объединяющих разобщенный земной мир в единое вертикальное пространство, появилась необходимость делегирования исполнительских полномочий международным организациям технократического специализированного типа³³. В теории права эти институты получили название международных межправительственных организаций и прошли долгий путь – от отрицания до полного принятия их правосубъектности в международном праве³⁴. В настоящее время острых теоретических разночтений по поводу роли и места межправительственных организаций как органов сотрудничества и координации действий суверенных государств в международных отношениях, равно как и в международном праве, не прослеживается.

Однако это утверждение совершенно неприменимо к международным организациям наднационального типа, появившимся сравнительно недавно – во второй половине XX в. Теоретическая разработка концепций их создания началась в 1920-е годы с работ европейских международников, посвященных исследованиям идеологии развития международных функций в праве и в правоотношениях и получивших общее название «функционализм» и «неофункционализм»³⁵. Вкратце суть этих концепций сводилась к утверждению, что международная функция должна быть опосредована через создание международного института. В обоснование этого постулата приводились самые разные задачи: защита прав человека (государство не справляется – нужен международный контроль), решение экологических проблем (природа для всех едина, ее защита – общая задача), развитие интеграции (хозяйственные связи не знают границ) и т. д. Однако сегодня к этому списку следует добавить борьбу с изменениями климата, борьбу с пандемиями, инфекционными заболеваниями, уносящими миллионы жизней во многих государствах мира. До сих пор с этими проблемами государства вынуждены справляться самостоятельно, координируя действия друг с другом.

³³ См.: Шиббаева Е. А. Право международных организаций. М., 1986.

³⁴ См.: Неишатаева Т. Н. Международные организации и право. М.:

³⁵ Mitrani D. The functional theory of politics. L., 1975; Mitrani D. A working peace system. L., 1943.

Международные организации с властными полномочиями по отношению к государствам – членам получили в доктрине международного права наименование «международная наднациональная организация». В научных работах не решался вопрос об объеме и характере функций, передаваемых таким организациям государствами-учредителями, ибо этот вопрос находится на усмотрении государств – членов. Применительно к ЕАЭС вопрос о функциях будет рассмотрен в следующей главе.

Следует отметить, что человеческое общество консолидируется первоначально в определенные группы (сегменты) – семья, нация, народ, которые в конечном счете традиционно оформляются в политическую организацию – государство, являющееся сегментом той или иной цивилизационной группы. Сегментарное общественное развитие с возложением основных политических функций на государство – основной направляющий вектор современного человечества. Учитывая, что подобному строению общества много тысячелетий, можно предположить, что такая структура организации жизни людей наиболее соответствует биологической природе человека, чувствующего себя защищенным среди «своей» цивилизационной группы, в сегменте традиционно близких друг другу государств.

Межгосударственное сотрудничество по-прежнему будет основной формой общественных отношений, регулируемых международным правом. Однако в юридическом оформлении этого сотрудничества возможны изменения по причине появления новых угроз перед человечеством в целом, в том числе и по причине неконтролируемого научно-технического прогресса. Например, электронная связь в техническом плане нивелировала цивилизационные различия, а, например, ядерная война или пандемия могут сократить или уничтожить все население планеты. Сотрудничество по преодолению таких вызовов предполагает возникновение структур, функционирующих в специальных сферах, особо чувствительных для всех государств или государств одной цивилизационной группы. Экономика – сфера, определяющая право человека на жизнь и собственность (хлеб – в теориях ученых-богословов) как основу воспроизводства человеческой цивилизации, является именно такой специальной сферой, в которой используются новые формы взаимодействия государств, прежде всего одной региональной группы.

Учитывая особое значение интеграции как формы интернационализации экономических отношений, следует отметить, что расширение экономических связей привело к появлению нового типа международных организаций – не межправительственных, но наднациональных, имеющих уже широкую компетенцию, включающую в том числе те функции, которые прежде считались составной частью суверенной компетенции национальных государств. Между тем именно этот вопрос – о качестве, значимости передаваемых функций – является водоразделом, отличающим межправительственную организацию от наднациональной.

Государства, создающие организацию нового наднационального типа, передают международному органу функции, затрагивающие само ядро властных полномочий по управлению территорией, населением и взаимоотношениями с другими акторами международной жизни³⁶. Например, в компетенцию международных наднациональных организаций включены: правомочие устанавливать правила поведения, обязательные для физических и юридических лиц государств – членов организации; возможность для этих лиц обжаловать в международном суде как нормативные акты, действия и бездействие, так и правомочия органов и должностных лиц института; создание судебного органа, решения которого обязательны для спорящих государств – членов; создание и поддержание в обращении валюты, единой для всех государств – членов наднациональной организации; разработка единых стандартов экономического оборота (сертификации, лицензирования) и т. д.

³⁶ Суверенитет – верховенство власти внутри страны и независимость власти во внешних отношениях (см.: *Левин И.Д.* Суверенитет. М., 1948).

По меткому замечанию профессора Дж. Вейлера, «международная институциональная революция привела к тому, что наднациональные институты получили возможность проводить свою волю в государствах – членах, не обращаясь к институтам внутригосударственного права»³⁷.

На первый взгляд, такое положение вещей противоречит краеугольному основанию как международного, так и внутригосударственного современного права – суверенитету национальной власти: верховенству и независимости. И именно по этой причине явление наднационализма подвергалось и подвергается в научной литературе серьезной критике³⁸. Однако можно согласиться с тем, что два основания наднационализма – свободное волеизъявление государств на передачу суверенной функции международному институту и объективная необходимость такой передачи в целях экономической интеграции хозяйственной жизни (например, в регионе), а теперь и в целях сохранения условий жизни человечества при пандемиях – ни в коей мере не умаляют само понятие государственного суверенитета, но являются новой формой его реализации – международно-технократической.

В рассуждениях, отрицающих новые интеграционные международные организации, не учитывается, что «жизнь всякого мало-мальски организованного общества и государства предполагает согласование прав и интересов на основе их взаимного ограничения, отвечающего потребности сосуществования. Ставить свое право выше... права всего общества – антиобщественная позиция»³⁹.

Подобное утверждение применимо и к соотношению международных (общих для всех или для группы государств) правил и национальных норм. Международное право как система норм, согласованных прежде всего государствами в договорах и обычаях, формирует краткие правила, нередко превентивного, перспективного действия, нацеливающего государства на сотрудничество и самоограничение. Безусловно, не все акторы международных отношений безукоризненно выполняют согласованные правила – право не существует без нарушений; государства опосредуют личности, в том числе склонные к эгоизму, индивидуализму и другим проявлениям нарушения свободы других. Утверждение о верховенстве собственных правил над общепринятыми из разряда таких нарушений.

При таком утверждении не учитывается, что новые средства связи (Интернет, спутниковая связь и т. д.) и электронный документооборот превращают государственные границы в весьма формальные ограждения, и, для того чтобы национальные правила не стали виртуальными, государствам все равно придется объединять усилия, образуя общее экономическое и социальное пространство, регулируемое общими же правовыми нормами. Традиционный согласительный путь создания общих норм долгов – договор, обычай. Отсюда и возникло новое направление: общие цели быстрее достигаются через создание общего правила в профессиональной организации наднационального типа, где от имени государств действуют отобранные ими технократы-чиновники.

Российские правоведы-международники, а также создатель и глава Ассоциации международного права СССР профессор Г.И. Тункин еще в период огульной критики наднациональных институтов высказывали мнение о том, что интеграция без развития наднационализма, скорее всего, невозможна⁴⁰. Вероятно, длительность традиционного согласительного процесса появления международных норм и тормозила интеграционные процессы.

³⁷ Weiler J.J.H. The community system: the dual character of supranationalism // Yearbook of European law. 1981. No. 1. P. 267–281.

³⁸ См.: Моравецкий В. Функции международной организации. М., 1976. С. 14–15.

³⁹ Мартышин О.В. Теория государства и права в постсоветское десятилетие: некоторые итоги // Право и политика. 2000. № 7. С. 9.

⁴⁰ Tunkin G. International law in international system // RCADI. 1978.

Учитывая, что современная интеграция развивается эффективно прежде всего как региональное явление, следует заметить, что на общемировом уровне наднациональные институты присутствуют незначительно⁴¹. Всемирные организации – ВТО, МБРР, МВФ, несмотря на то, что в них используются некоторые элементы наднационализма, такие как непропорциональные взносы, взвешенное голосование, квотирование ставок международной бюрократии и т. д., являются специализированными межправительственными организациями классического типа, призванными оказывать координационное содействие сотрудничающим государствам, и лишь в вопросах оказания технической помощи (займы, кредиты и т. д.) используют наднациональные компетенции.

За наднационализм в этих структурах зачастую принимается доминирование одной или нескольких держав, достигнутое за счет взвешенных взносов. Между тем подобное явление относится скорее к вульгарному национализму (кто платит, тот и музыку заказывает), чем к расширенной за счет внутригосударственных вопросов компетенции международной организации наднационального типа.

Успешная региональная интеграция обеспечивается развитым правовым механизмом наднациональной организации, в том числе санкционным, основанным на судебном решении, поэтому следует признать, что успешным наднациональным институтом стал Европейский союз⁴², который вырастает из постепенного интегрирования некоторых областей европейской экономики, опосредованных в международные органы: в 1952 г. было создано Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), в 1958 г. – Европейское экономическое сообщество (Общий рынок) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). Всем этим органам передавалась суверенная компетенция государств – членов в сфере экономики, реализуемая через систему методов, способов, органов и полномочий международной организации, создавшей международную нормативно-правовую базу, изучаемую в настоящее время в курсе международного права. В значительной мере эта база создавалась и посредством судебных решений, вырабатываемых Судом Европейского союза (г. Люксембург)⁴³. Суд через формирование единообразной практики (судебного обычая) также оказался органом, в ускоренном темпе создающим общие правила и впоследствии их систему – право ЕС.

Более того, именно Суд ЕС во время кризисов, без которых не обходится развитие международных союзов, брал на себя функцию «основного мотора европейской интеграции»⁴⁴, развивая своими судебными позициями нормы европейского права и устанавливая постепенно его принципы-обычаи.

В настоящее время ЕС вновь переживает сложный период (выход Великобритании, несогласованность действий во время пандемии и, как следствие, закрытие границ и т. д.). Но вряд ли можно согласиться, что «сегодня Суд ЕС уже не играет той роли, которую играл в прошлом»⁴⁵, ибо каждый кризис дает новые возможности, в том числе те, которые будут использованы европейской наднациональной организацией и ее влиятельным судом в будущем, например, в области защиты здоровья населения ЕС. Подобным образом развивается и евразийская интеграция, сформировавшая наднациональные органы и свой суд – Суд ЕАЭС (ранее – Суд ЕврАзЭС).

Таким образом, необходимость международно-правового регулирования объединенных экономических структур и направлений привела к созданию международной организации особого, наднационального типа. Характерной чертой таких организаций является частичная

⁴¹ Имеются исключения, например ИНМАРСАТ.

⁴² Pollac M.A. The engines of European integration: delegation, agency and agenda setting in the EU. Oxford, 2003.

⁴³ См.: Steiner J., Woods L. EU Law. Oxford, 2009; Право Европейского союза / Под ред. С.Ю. Кашкина. М., 2010.

⁴⁴ Международное правосудие как фактор интеграции / Под ред. Т.Я. Хабриевой, А.И. Ковлера. М., 2019. С. 24.

⁴⁵ Энтин К.В. Право Европейского союза и практика Суда Европейского союза. М., 2015. С. 81–82.

передача им государствами – членами суверенных функций по управлению не только экономическими отношениями государств – членов, но и межхозяйственными связями физических и юридических лиц, имеющих гражданство или действующих на территории этих государств, и по осуществлению международного взаимодействия с другими участниками международных экономических отношений, не упуская из виду того, что суверенитет есть верховенство власти внутри страны и ее независимость на внешней арене⁴⁶.

Логично сделать вывод, что наднационализм в широком смысле – это добровольное ограничение функциональной компетенции государственной власти, связанное с передачей функций международному органу. В основе такого ограничения лежит экономически обоснованный прагматизм, направленный на объединение хозяйственных ресурсов ради прогресса и развития⁴⁷.

Особо значим этот тезис для ЕАЭС: народы, основавшие его, ранее входили в единое государство – Российскую империю – в основном за счет удовлетворения Россией просьб их древних правительств об оказании защиты и поддержки⁴⁸. Затем совместное общение продолжилось на протяжении 70 лет в СССР. Таким образом, интеграционные процессы на постсоветском пространстве оформляют не только экономическое взаимодействие, но и историческое и культурное взаимовлияние, которое оказывали евразийские сегменты друг на друга. Добавим к этому, что выстраивание их государственности также шло в параллельном режиме, что привело к совпадению многих характеристик государственной власти и национального права. Следовательно, взаимодействие правительств на культурном, институциональном уровне является важным фактором современного развития евразийства, который дополняется таким фактором, как профессиональное взаимодействие международных служащих, назначаемых из граждан государств – членов интеграционной организации.

Этот подход особо применим и к развитию ЕАЭС. Как в ЕС успешно действуют органы межправительственного (межгосударственного) сотрудничества, например Европейский совет и органы наднациональной природы: Комиссия Европейского союза и Суд ЕС, так и в евразийской интеграции также созданы органы двух типов: Высший Евразийский экономический совет и Евразийский межправительственный совет, а также ЕЭК и Суд ЕАЭС.

Как правило, органы наднациональной природы отличаются тем, что: 1) решения в них принимаются квалифицированным или квотным большинством; 2) члены международного органа являются независимыми от государства гражданства и других государств международными чиновниками или судьями-специалистами; 3) решения органа имеют обязательную силу; 4) эти решения распространяются на юридических и физических лиц; 5) орган имеет механизм принуждения к исполнению принятых решений. В литературе выделяются и иные признаки наднационального органа: собственные финансы и структура по разрешению споров по вопросам внутреннего права⁴⁹. Только совокупность этих пяти признаков характеризует международную организацию как наднациональную, поскольку два последних признака могут быть и у межправительственной структуры.

Итак, современная евразийская интеграция осуществляется на основе функционализма и межгосударственного сотрудничества в форме международных организаций наднационального типа, которым передаются властные полномочия по принятию обязательных для государств – членов, их органов и граждан решений в тех сферах, которые ранее относились к внутригосударственной компетенции.

⁴⁶ См.: *Левин И.Д.* Суверенитет. М., 1948.

⁴⁷ См.: *Тинберген Я.* Пересмотр международного порядка. М., 1980.

⁴⁸ См.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. СПб., 1816–1829; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Собр. соч.: В 9 т. М., 1987–1990.

⁴⁹ *Seidl-Hohenveldern V.* International economic law. Collected courses of Hague Academy of international law. The Hague, 1986. P. 21–22.

Наднациональная организация отличается от межправительственной двумя признаками: передача международному институту полномочий в специальных сферах в отношении физических и юридических лиц и делегирование компетенции по ведению международных отношений между государствами – членами и организацией. Исходя из этого, следует понять, как структура и функции ЕАЭС служат определению наднациональной природы интеграционной организации.

В теоретическом плане этот вопрос уже вызвал разногласия среди исследователей, отдавших предпочтение развитию ЕАЭС не только как классической межправительственной организации, но и как интеграционного института наднационального типа, а также среди сторонников классического координационного взаимодействия⁵⁰. Следует отметить, что четкое понимание того, что ЕАЭС – наднациональная организация, отсутствует не только у представителей доктрины, но и у государственного аппарата членов ЕАЭС: некоторые ученые и чиновники продолжают настаивать, что организация должна лишь координировать действия государств, такие доводы зачастую звучат в судебных процессах, предаются публичности в статьях и интервью⁵¹.

Отсюда особую важность приобретает задача выделить особенности проявления наднационализма и координации в ЕАЭС как международной организации, подчеркивая тем самым, что сравнение международного института с государством (федеративным, унитарным, конфедеративным) следует отнести к области научных предположений, поскольку в настоящее время отсутствует практика развития международных организаций в суверенное государство, в том числе федеративного типа.

По этой причине утверждение о том, что создание ЕАЭС приведет к возрождению федеративного государства⁵², представляется более чем парадоксальным, так как не учитывается генезис создания международной организации и возникновения суверенного государства. В основе последнего процесса лежит реализация принципа права наций на самоопределение, т. е. первичного права народов выразить волю на создание государства (либо присоединение к действующему государству), тогда как в основе создания международной структуры наднационального типа – вторичное волеизъявление уже действующих государств на передачу части своей компетенции, в том числе суверенной, общему органу с целью решения объединенных задач.

Представляется, что такой процесс невозможен и по отношению к народам, населяющим государства – члены ЕАЭС. Передача компетенции организации – дело государственной власти, в то время как вопрос самоопределения в форме государства – дело нации или народа.

Вновь вернемся к идее сегментации общества: иррационально человек чувствует себя защищенным своим сегментом – нацией, государством; рационально современное национальное государство многие компоненты социально-экономической жизни развивает в союзе с другими государствами. Представляется, что иной вариант развития человечества эволюционным путем в современную эпоху не просматривается, что не исключает изменения ситуации по мере развития общечеловеческих катаклизмов или ускорения научно-технического прогресса.

Итак, компетенция межправительственной организации координационного типа ограничивается вопросами общего сотрудничества, ее решения не распространяются на физических и юридических лиц государств – членов, в то время как компетенция наднационального союза

⁵⁰ См.: *Кембаев Ж.* Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // *Международное правосудие*. 2016. № 2. С. 30; *Алимбеков М.Т.* Некоторые аспекты политико-правовой идентификации будущего Евразийского экономического союза // *Право и государство*. 2013. № 1. С. 45; *Неишатаева Т.Н.* Евразийский суд: назад в будущее // *Закон*. 2012. № 9. С. 152–161.

⁵¹ См.: *Алимбеков М.Т.* Некоторые аспекты политико-правовой идентификации будущего Евразийского союза // *Право и государство*. 2013. № 1. С. 43–46.

⁵² См.: *Исполинов А.С.* Навязанный монолог // *Евразийский юридический журнал*. 2013. № 8.

расширяется до вопросов, традиционно входящих в компетенцию правительств, с изъятием их у последних, а решения органов международного института распространяются на физических и юридических лиц, действующих на территории государств – членов. Кроме того, организация наднационального типа принимает на себя и функции в области международных отношений с третьими государствами и другими международными организациями (ЕС совокупно входит в ВТО и другие организации).

С этой точки зрения ЕАЭС относится к организациям наднационального типа, так как согласно ст. 3 и 5 Договора о Союзе обладает компетенцией, переданной ему государствами – членами для осуществления в ряде областей единой политики. В сферах, относящихся к единой политике, органы Союза принимают обязательные для государств – членов акты, которые подлежат оспариванию в Суде ЕАЭС по заявлению юридических и физических лиц, чьи права и интересы были нарушены такими актами.

Взаимосвязанное прочтение названных статей позволяет сделать вывод о том, что в области единой политики органы Союза принимают акты, обязательные не только для государств – членов, но и для физических и юридических лиц, действующих на их территориях.

Договор о ЕАЭС предусматривает международно-правовую компетенцию не только в классической форме заключения международных договоров, но и в форме самостоятельного сотрудничества с иными государствами и международными организациями.

Подобная формулировка не исключает действий в интеграционном объединении международных договоров, совершаемых не государствами – членами Союза, а самим ЕАЭС в целом. Такое развитие ситуации возможно в объединенных единой политикой сферах (например, в сферах зон свободной торговли). Отсюда следует вывод, что в вопросах единой политики (к которым относятся таможенное регулирование, администрирование и защита внутреннего рынка, установление торговых режимов, техническое регулирование, введение ветеринарных и фитосанитарных мер, государственные закупки и конкуренция) ЕАЭС имеет черты организации наднационального типа, так как позволяет исключительно международному институту решать вопросы, ранее относившиеся к компетенции национальных правительств, распространяя свои обязательные решения не только на государства – члены, но и на физических и юридических лиц, действующих на территориях государств – членов.

Предполагается, что по мере развития некоторые из внутригосударственных сфер экономики перейдут в сферу единой политики и будут решаться органами Союза, в то время как иные (культура, социальное и трудовое обеспечение и др.) традиционно останутся в компетенции национальных правительств. Например, как следует из интервью Председателя Коллегии ЕЭК В. Б. Христенко телекомпании «Мир», в Высшем совете прописывается «дорожная карта» по передаче функций по ведению единой финансовой политики: будет создан наднациональный финансовый регулятор, к которому перейдут все функции в области финансов.

Другими словами, красной линии между координационными и наднациональными функциями органа в ЕАЭС быть не может. Любой из этих методов может быть более востребован в тот или иной период времени по решению суверенных государств – членов Союза.

Учитывая, что на европейском пространстве существует две интеграционные группы суверенных государств, нельзя исключать открытый диалог между Союзами. Такие предложения обсуждаются с 2015 г. В свою очередь, соотносимость методов регулирования экономических отраслей породила необходимость изучения методов нормоконтроля в Суде Европейского союза (г. Люксембург) с целью его учета при нормоконтроле в Суде ЕАЭС (г. Минск) и наоборот.

Литература

1. Ковлер А.И. Европейская интеграция: федералистский проект (историко-правовой очерк). М., 2016.
2. Моравецкий В. Функции международной организации. М., 1976.
3. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право: Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М.: Дело, 1999.
4. Нешатаева Т.Н. Интеграция и наднационализм // Российское правосудие. 2014. № 9. С. 5–11.
5. Нешатаева Т.Н. Суд и право: евразийская интеграция. М.: Норма, ИНФРА-М, 2021.

Глава IV

Основа и структура ЕАЭС

§ 1. Международно-правовые теории об интеграционном сотрудничестве государств

1.1. Межправительственный и функциональный

методы интеграции

Основными субъектами международного сотрудничества являются государства. Со временем к таким субъектам стало принято относить международные организации. Государства и организации вступают в общественные отношения, в том числе экономические, регулируемые правом⁵³. Метод правового регулирования – совокупность приемов и способов юридического воздействия на международные экономические отношения. В процессе создания и функционирования интеграционных наднациональных организаций используются как минимум два метода: межправительственный и функциональный.

Автором, первым описавшим межправительственный метод интеграции в определенных сферах международных отношений, принято считать Стэнли Хоффмана⁵⁴. Межправительственный метод исходит из активной роли государства-участника в процессе интеграции. В этом случае национальные правительства являются основными акторами (участниками) в процессе интеграции, и, несмотря на то, что некоторая часть суверенных государственных функций отдается международному органу, государства остаются основными субъектами и в результате сотрудничества становятся сильнее. Объясняется это тем, что государствам выгодно передать суверенную компетенцию в некоторых областях на внешнее регулирование. По мнению представителей данного подхода, определенные прорывы и замедления в истории, например, европейской интеграции могут быть объяснены наличием или отсутствием у государств желания или интересов интегрироваться в определенной сфере⁵⁵.

Теория о либеральном межправительственном методе в интеграции была высказана А. Моравчиком в 1998 г.⁵⁶ В продолжение межправительственного метода, этот подход строится на повышенной роли национальных правительств и снижении роли международных организаций в контексте интеграции. Отличительной особенностью данного подхода является представление о том, что национальные правительства руководствуются исключительно своими национальными интересами, в том числе в контексте интеграции. Сторонники этой теории считают, что государства оказывают решающее влияние в контексте интеграции, тогда как органы инте-

⁵³ См.: Туникин Г.И. Теория международного права. М., 1970.

⁵⁴ Hoffmann St. The European Process at Atlantic Cross-purposes // Journal of Common Market Studies. Vol. 3. 1964. P. 85–101; Hoffmann St. Obsolete or Obsolete? The Fate of the Nation-State and the Case of Western Europe // Daedalus. № 95. 1964. P. 862–915.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Moravcsik A., Schimmelfennig F. Liberal Intergovernmentalism // Сайт Принстонского университета. URL: <http://www.princeton.edu/~amoravcs/library/intergovernmentalism.pdf>.

грации – это лишь способы создания надежных договоренностей между государствами, своеобразные гаранты того, что правительства будут исполнять свою часть сделки⁵⁷.

Функционализм зародился перед Второй мировой войной в 1920–1940-х годах. Его автором следует считать румынского мыслителя Давид Митрани⁵⁸. Согласно этой теории, интеграция должна происходить в определенных отраслях экономики государств, которые должны управляться международной организацией (наднациональным органом), состоящей из технократов – специалистов высокого уровня, не имеющих отношения к политике.

Кратко суть этой теории описывает Д. Лодж: «Функционализм исходит из того, что продвижение функциональной кооперации между государствами позволит уйти от ожесточенных споров вокруг принадлежащих государствам ресурсов. Логика, находящаяся в основании данного подхода, заключается в предотвращении войны не негативным образом (взаимной изоляции государств друг от друга), а позитивным – путем вовлечения их в кооперацию для цели создания специфических органов, работающих в изначально не спорных сферах – а именно, в сфере благосостояния граждан. Они должны были превзойти национальные границы и управляться рациональными технократами (и не раскачиваться крайностями политической идеологии или голодными до власти политическими партиями), верными функционально специфической организации, а не национальному государству»⁵⁹.

Представляется, однако, что на самом деле ни одна из вышеуказанных теорий в чистом виде не является жизнеспособной. Для ЕАЭС в настоящий момент скорее характерно сочетание данных методов.

Государства всегда свободно проявляют волеизъявление при создании организации: они вступают в переговорный процесс с другими государствами, определяют компетенцию организации, ее статус, структуру, полномочия органов. Далее, когда наднациональная организация создана, начинают работать теории функционализма в том контексте, что независимый наднациональный институт исполняет те полномочия, которые ранее были присущи государствам. В то же время, государства не утрачивают свое влияние на наднациональную организацию: в обозначенных процедурах они могут отказаться от членства в ней, а в ходе функционирования интеграционной структуры продолжают определять стратегические вопросы работы организации через органы, в которые входят их представители.

1.2. Виды международных организаций, реализующих интеграцию

В теории международного права выделяются два вида международных организаций, которые зачастую противопоставляются друг другу, но могут использоваться в рамках интеграционных проектов – международные межправительственные организации и наднациональные организации⁶⁰.

Международные межправительственные организации предоставляют «площадку» взаимодействия между государствами и содействуют кооперации между государствами. Причиной создания таких организаций является желание государств установить взаимодействие с другими государствами в определенных областях, которое невозможно на национальном уровне. При этом, несмотря на создание подобной организации, государства остаются ответственными за процесс принятия ими решений, а также не утрачивают возможность принимать нацио-

⁵⁷ *Moravcsik A. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics // International Organization. 1997. № 51 (4). P. 516–518; Moravcsik A. The Choice for Europe. Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Cornell University Press. 1998. P. 24.*

⁵⁸ *Mitrany D. A Working Peace System. London: Quadrangle Books, 1943. P. 5.*

⁵⁹ *Lodge J. The European Community and the Challenge of the Future. London: Pinter, 1993. P. 19.*

⁶⁰ *Schermers H.G., Blokker N.M. International Institutional Law. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2003. P. 45; Klabbers J. An Introduction to International Institutional Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 57.*

нальные законы вне международных организаций, которые применимы к гражданам, находящимся на их территории⁶¹. Подчеркивая такую «усеченность» в компетенции международной организации, некоторые ученые заявляют, что международные межправительственные организации не должны иметь больше полномочий, чем содействие кооперации между государствами⁶². Решения интеграционных межправительственных организаций в доктрине определяются в качестве международных договоров, принятых в особом порядке⁶³: международные должностные лица согласовывают решение и передают его на подписание. Возражающее государство вправе отказаться от предписания таких решений.

В то же время наднациональные международные организации имеют иные полномочия и функции, которые следует рассмотреть, давая определения понятия «наднациональная международная организация».

В настоящее время в науке международного права является общепризнанным, что понятие «наднациональная организация» является скорее доктринальным, а не правовым⁶⁴.

Термин «наднациональная организация» «не безупречен и носит скорее лингвистический, чем смысловой оттенок, но он достаточно широко утвердился в международно-правовой литературе»⁶⁵.

Г. Шермерс и Н. Блоккер наиболее емко выделяют самые фундаментальные критерии наднациональной организации, касающиеся работы ее органов:

«Во-первых, полномочия организации принимать решения, обязательные для государств – членов;

Во-вторых, органы, принимающие решения, не должны быть полностью зависимы от сотрудничества всех государств – членов. Некоторая степень независимости может быть достигнута двумя путями. Во-первых, путем возможности принятия решений большинством – то есть государства против своей воли могут принимать какие-либо обязательства. Во-вторых, путем делегирования в наднациональный орган независимых граждан – профессионалов в своей сфере.

В-третьих, наднациональные органы должны быть вправе издавать правила, которые обязывают граждан государств – членов. Это полномочие предоставляет возможность выполнять функции правительства без необходимости или возможности для национальных правительств переводить правила организации во внутреннее право.

В-четвертых, организация должна иметь право исполнять решения своих органов. Исполнение должно быть возможно как с содействием государств – членов, так и без содействия со стороны соответствующих правительств государств. Возможна ситуация, при которой другие органы государств – членов использовались для содействия государствам в этой сфере. Например, национальные суды и национальные парламенты могут заставить свои правительства выполнять обязательства государства по отношению к организации, что должно предусматриваться в национальном праве.

В-пятых, организация должна иметь определенную финансовую автономию. Финансирование организации из фондов, полностью пополняемых государствами – членами, влечет зависимость гораздо большую, чем просто финансовую. Так, путем отказа предоставить достаточное финансирование для назначения квалифицированного персонала правительства могут подорвать функционирование организации.

⁶¹ *Bedjaoui M.* International law: Achievements and Prospects. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 1991. P. 71.

⁶² *Ibidem.*

⁶³ См.: *Талалаев А.Н.* Право международных договоров: В 3 т. М., 1980–1989.

⁶⁴ *Hay P.* Federalism and Supranational Organizations. Patterns for New Legal Structures // *American Journal of Comparative Law.* 1966. Vol. 15. P. 12–28.

⁶⁵ *Неиштаева Т.Н.* Санкции системы ООН (международно-правовой аспект). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. С. 214.

В-шестых, односторонний выход из организации не должен быть возможным. В наднациональной организации члены даже не должны иметь возможность коллективно распустить организацию или изменить ее компетенцию без содействия со стороны наднациональных органов. Организация не может стоять над государствами, когда она зависит от их соглашения касательно ее временного действия»⁶⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что наднациональная организация – это международная организация особого рода, у органов которой имеется компетенция по вопросам, которые раньше были присущи исключительно государствам; право принимать решения, обязательные для государств, физических и юридических лиц, находящихся под юрисдикцией данных государств; механизм контроля и принуждения к исполнению таких решений, финансовая независимость, обслуживаемая независимыми международными профессиональными служащими.

§ 2. Функциональные особенности в ЕАЭС

2.1. Функции государств – членов и ЕАЭС

Как указано выше, в ЕАЭС состоялась передача ряда функций государств в сфере экономики на уровень международной организации. Функции государства широко исследовались в контексте теории государства и права. Так, например, В.Е. Чиркин определяет функции государства как основные направления деятельности государства, обусловленные его главными задачами, назначением государства в обществе. Функции государства могут классифицироваться следующим образом: основные и неосновные; внутренние и внешние; постоянные и временные; функции общего характера, социально нейтральные и социально определенные. К внутренним функциям государства относятся: экономическая, социальная, политическая, идеологическая, экологическая, правоохранительная.

Вследствие создания ЕАЭС государства – члены Союза передали часть своих функций на наднациональный уровень. Часть правотворческой функции (создание общеобязательных правил поведения для государственных органов, физических и юридических лиц) стран, входящих в Союз, в определенных сферах общественной жизни реализуется вне национальных органов власти на международном уровне: например, принятие норм технического регулирования (технических регламентов) в ЕАЭС происходит на уровне Союза (п. 1 ст. 52 Договора).

Управленческая функция, т. е. воплощение экономической интеграционной политики для достижения выработанных целей, также осуществляется на уровне ЕАЭС. Международные чиновники, работающие в органах Союза, а не национальные государственные служащие, в настоящее время имеют компетенцию по реализации части полномочий, которые были ранее присущи госслужащим.

Важным аспектом евразийской интеграции является то, что на уровень Союза перешла часть фискальной функции государств. Таможенный тариф в ЕАЭС является единым для государств – членов Союза, а не устанавливается каждой страной самостоятельно (п. 1 ст. 42 Договора). Вопросы взимания косвенных налогов в Союзе также регулируются на уровне ЕАЭС (ст. 72 Договора о ЕАЭС).

Кроме того, ЕАЭС в лице Евразийской экономической комиссии имеет контрольно-надзорную функцию. Так, Комиссия осуществляет мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомляет государства – члены о необходимости их исполнения (пп. 4 п. 43 Положения о ЕЭК). В дополнение

⁶⁶ Schermers H.G., Blokker N.M. *International Institutional Law: Unity without Diversity*. Leiden: Brill, 2011. P. 56–57.

Комиссия, а не государства – члены Союза, вправе проводить расследования нарушений конкуренции на трансграничных рынках и привлекать к ответственности хозяйствующих субъектов – нарушителей (п. 9 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору)).

Функция международного сотрудничества также в части реализуется органами ЕАЭС – договоры о зонах свободной торговли разрабатываются и заключаются ЕЭК.

Судебная функция: споры о действии и применении норм права ЕАЭС также разрешаются в Суде ЕАЭС, а не в судах государств – членов.

Методы реализации функций ЕАЭС определены в трех видах, называемых политиками. В рамках Союза предполагается осуществление единой скоординированной и согласованной политик (ст. 2 Договора) они являются способами реализации компетенции Союза в целом. Виды политик являются не взаимоисключающими, а дополняют друг друга и используются в зависимости от конкретной сферы интеграции. Например, сфера защиты конкуренции предполагает сочетание всех трех видов «политик»⁶⁷.

Легальные определения этих понятий содержатся в ст. 2 Договора. Так, с точки зрения Договора «единой» является «политика, осуществляемая государствами – членами в определенных ими сферах, предусмотренных Договором, и предполагающая применение унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий». От решений в области единой политики государства – члены не вправе отступать, создавая иные правила в национальном законе.

Именно «единая политика» и составляет своего рода ядро наднационализма ЕАЭС как интеграционной организации в том ключе, что в ней вырисовывается ее основная черта – установление единообразных правил поведения для неопределенного круга лиц, функционирующих в государствах – членах данной организации. Следует отметить, что данный «наднациональный» элемент в ЕАЭС на первоначальном этапе функционирования Союза ограничивается таможенным, таможенно-тарифным регулированием, системой тарифных преференций, едиными мерами нетарифного регулирования, защитой конкуренции на трансграничных рынках, техническим регулированием. Однако государства по мере развития интеграции расширяют сферу единой политики. Так, в настоящее время планируется отнести к ней финансы, создать единый Центральный банк с штаб-квартирой в Казахстане.

В то же время в силу Договора в ЕАЭС существуют два уровня «политик», которые более характерны международным межправительственным организациям: «скоординированная политика» и «согласованная политика». В рамках реализации данных политик ключевыми акторами продолжают оставаться государства – члены Союза.

Согласно ст. 2 Договора «скоординированная политика» предполагает осуществление сотрудничества государств – членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных Договором. «Согласованная политика», в свою очередь, определена как «политика, осуществляемая государствами – членами в различных сферах, предполагающая гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, предусмотренных Договором».

Таким образом, отношения в рамках этих видов политик будут регулироваться как решением международной организации, так и национальным законодательством, которое должно соответствовать общему решению, принятому международным органом.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что при интеграции в ЕАЭС используются три метода – единая политика, которая предусматривает унификацию права на уровне Союза (чистый наднациональный метод), а также два уровня, которые предполагают

⁶⁷ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 г.

активную роль суверенных государств – членов Союза: выработку согласованного и скоординированного регулирования. Такое регулирование направлено на достижение общей цели, но может различаться в деталях.

2.2. ЕАЭС как полисистемный комплекс в контексте принуждения: ключевое отличие от государств

Сочетание «единой», «согласованной» и «скоординированной» политики, функционирование и взаимодействие национальных и наднациональных органов в контексте принуждения предполагает характеристику ЕАЭС как «полисистемного комплекса», т. е. «сложного правового комплекса – системы норм, направленной на правовое регулирование международных отношений, содержащихся как во внутригосударственных (национальных), так и в международных источниках права»⁶⁸.

На предпосылки появления новой полисистемы – права ЕАЭС в широком смысле – также указывала судья Т.Н. Нешатаева в особом мнении по делу по запросу Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, где было отмечено, что за нарушение норм права интеграционного Союза наступает ответственность согласно национальному законодательству государств – членов⁶⁹. Иными словами, за нарушение норм права, принятых в ЕАЭС, как правило, наступает ответственность согласно нормам административного или уголовного права соответствующей страны, в которой произошло нарушение. Международный орган (ЕЭК) также уже имеет право привлекать к ответственности нарушителей на уровне Союза, но по крайне узкому перечню случаев (за нарушение правил конкуренции на трансграничных рынках).

Таким образом, в настоящее время меры принуждения (санкции) за нарушение права Союза, применяются согласно национальному праву государства – члена Союза, в котором произошло нарушение. Следовательно, количество механизмов применения мер принуждения равно количеству государств, участвующих в соответствующей наднациональной организации (в ЕАЭС их на сегодняшний день пять).

§ 3. Органы Евразийского экономического союза

В наднациональной организации не существует четкого разделения властей на исполнительную и законодательную. Из данного утверждения следует, что один орган фактически может сочетать в себе и законодательные, и исполнительные полномочия. Этот вывод, однако, не применим к суду, который всегда является независимым органом с четко выраженной судебной компетенцией: правотолкование и разрешение конфликта.

Согласно п. 1 ст. 8 Договора о ЕАЭС, эта международная организация обладает следующей институциональной структурой: 1) Высший Евразийский экономический совет; 2) Евразийский межправительственный совет; 3) Евразийская экономическая комиссия; 4) Суд Евразийского экономического союза.

⁶⁸ Нешатаева Т.Н. Международное частное право и международный гражданский процесс. М., 2004. С 31–32.

⁶⁹ Особое мнение Т.Н. Нешатаевой к решению по делу № 1–6/1-2013 от 10 июля 2013 года. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eurazes/1-6.1-2013/.

3.1. Политические органы евразийской интеграции

3.1.1. Высший Евразийский экономический совет: компетенция и состав

Согласно статьям 10, 11 Договора Высший совет является высшим органом Союза, в который входят главы государств – членов. Высший совет собирается не реже одного раза в год, а в случае необходимости может собираться чаще. Председатель Высшего совета осуществляет организационную поддержку деятельности данного органа.

Компетенцию Высшего совета составляют исключительно стратегические вопросы функционирования ЕАЭС. Так, данный орган согласно ст. 12 Договора, в частности, рассматривает принципиальные вопросы деятельности Союза, определяет стратегию, направления и перспективы развития интеграции и принимает решения, направленные на реализацию целей Союза, утверждает состав Коллегии ЕЭК, распределяет обязанности между членами Коллегии ЕЭК, прекращает их полномочия, а также утверждает Регламент работы ЕЭК.

Примечательно, что Высший совет вправе давать поручения Межправительственному совету и Коллегии ЕЭК, что подчеркивает иерархию органов союза.

Важно отметить, что Высший совет фактически является своего рода инстанцией стратегического характера, которая вправе рассматривать по предложению государства – члена вопросы, касающиеся отмены или изменения решений, принятых Межправительственным советом или Комиссией с учетом положений п. 7 ст. 16 Договора, а также рассматривать по предложению Межправительственного совета или Комиссии вопросы, по которым при принятии решения не был достигнут консенсус. Иными словами, при недостижении согласования на различных уровнях вопрос передается Совету Президентов.

Бюджет, положение о бюджете, отчет об исполнении бюджета, размер (шкала) долевых взносов государств в бюджет, порядок оплаты труда служащих органов Союза, положение о внешнем аудите (контроле) в органах ЕАЭС утверждаются Высшим советом. Высший совет также рассматривает отчет о результатах аудита работы органов Союза.

В отношении принятия новых членов в Союз в Договоре указано, что Высший совет определяет порядок принятия в Союз новых членов и прекращения членства в Союзе. Более того, данный орган вправе принимать решения о предоставлении или об аннулировании статуса наблюдателя или статуса государства-кандидата на вступление в Союз.

Порядок международного сотрудничества, переговоры с третьими странами от имени Союза, а также все вопросы, касающиеся заключения международных договоров от имени Союза, определяются Высшим советом.

Крайне важно, что Высший совет вправе вторгаться во внутреннюю структуру органов Союза путем утверждения их общей штатной численности, параметров (квот) представленности должностных лиц из числа граждан государств – членов в органах Союза, направляемых по представлению государств – членов на конкурсной основе.

Высший совет вправе создавать вспомогательные органы по соответствующим направлениям, утверждать символику Союза, а также осуществлять иные полномочия согласно договорам, являющимся частью права Союза.

В отношении Суда ЕАЭС Высшему совету предоставлены сущностные и организационные полномочия. Например, право обращаться с запросами в Суд Союза. Высший совет назначает по представлению государств – членов судей Суда Союза, а также утверждает порядок проверки достоверности и полноты сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников Аппарата Суда Союза, а также членов их семей.

3.1.2. Евразийский межправительственный совет: компетенция и состав

Согласно ст. 14 Договора Межправительственный совет является органом Союза, состоящим из глав правительств государств – членов, который, в силу п. 1 ст. 15 Договора, собирается по мере необходимости, но не реже двух раз в год. В случае необходимости данный орган может собираться чаще и проводить внеочередные заседания.

В отличие от Совета Европейского союза, осуществляющего «законодательную функцию» совместно с Европейским парламентом (п. 1 ст. 16 Договора о функционировании Европейского союза), Евразийский межправительственный совет осуществляет свои функции по нормотворческой деятельности самостоятельно.

В компетенцию данного органа входят вопросы, указанные в ст. 16 Договора. Главным образом, он обеспечивает реализацию и контроль за исполнением Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений Высшего совета.

Межправительственный совет является вышестоящим органом по отношению к Комиссии – в связи с этим он рассматривает по предложению Совета Комиссии вопросы, по которым при принятии решения в Совете Комиссии не достигнут консенсус, дает поручения Комиссии, представляет Высшему совету кандидатуры членов Совета и членов Коллегии Комиссии.

Межправительственный совет одобряет проекты бюджета ЕАЭС, Положения о бюджете ЕАЭС и отчета об исполнении бюджета ЕАЭС, тем самым он является своеобразным предварительным фильтром перед утверждением бюджета Высшим советом.

Межправительственный совет имеет также важную контрольную компетенцию: он утверждает Положение о ревизии финансово-хозяйственной деятельности органов ЕАЭС, стандарты и методологию ревизий финансово-хозяйственной деятельности органов ЕАЭС, принимает решения о проведении ревизий финансово-хозяйственной деятельности органов Союза и определяет сроки их проведения. Более того, данный орган утверждает порядок проверки достоверности и полноты сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера членов Коллегии Комиссии, должностных лиц и сотрудников Комиссии, а также членов их семей.

Межправительственный совет вправе принимать решения о приостановлении действия решений Совета или Коллегии Комиссии.

Как и Высший совет, Межправительственный совет рассматривает по предложению государства – члена вопросы, касающиеся отмены или изменения принятых решений Комиссии. В случае недостижения согласия вносит их на рассмотрение Высшего совета.

К компетенции Межправительственного совета могут быть отнесены иные полномочия, предусмотренные Договором о ЕАЭС и другими международными договорами в рамках Союза.

Договор о ЕАЭС конкретизирует то, какие акты может принимать Межправительственный совет: данный орган вправе принимать консенсусом решения и распоряжения.

3.2. Евразийская экономическая комиссия – исполнительный орган евразийской интеграции: компетенция и состав

Статусу Комиссии посвящена ст. 18 Договора, а более подробно он раскрыт в Положении о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору), где определены задачи, состав, функции, полномочия и порядок работы ЕЭК – функционально и профессионально независимого органа наднациональной интеграционной организации.

В п. 1 ст. 18 Договора указывается, что Комиссия является постоянно действующим регулирующим органом Союза. Во внутреннюю структуру Комиссии входят два коллегиальных органа – Совет и Коллегия.

Согласно п. 1 Приложения № 1 основными задачами Комиссии являются обеспечение условий функционирования и развития Союза, а также выработка предложений в сфере экономической интеграции в рамках Союза.

Комиссия осуществляет свою работу на основе принципов обеспечения взаимной выгоды, равноправия и учета национальных интересов государств – членов, экономической обоснованности принимаемых решений, открытости, гласности и объективности.

Согласно ст. 18 Договора Комиссия вправе принимать акты трех видов – решения, распоряжения и рекомендации. При этом особенности принятия указанных актов различаются в зависимости от того, какой орган внутри Комиссии (Совет или Коллегия) принимает тот или иной акт.

Так, Совет Комиссии вправе принимать решения (имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств – членов), распоряжения (имеющие организационно-распорядительный характер) и необязательные рекомендации исключительно консенсусом. Коллегия вправе принимать решения, распоряжения и рекомендации квалифицированным большинством (две трети от всех членов Коллегии) или консенсусом. При этом Высший совет может определить те чувствительные вопросы, по которым решения Коллегии Комиссии должны приниматься консенсусом.

Принятие решений Комиссии осуществляется путем голосования членов Совета Комиссии или членов Коллегии Комиссии, при этом в Совете Комиссии – один голос члена Совета Комиссии является одним голосом; в Коллегии Комиссии – один голос члена Коллегии Комиссии является одним голосом.

Важно отметить, что решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств – членов (п. 13 Приложения № 1), что свидетельствует о применении так называемой доктрины прямого действия актов, которая закреплена и в других наднациональных организациях (например, в ЕС).

В силу п. 3 Приложения № 1 Комиссия обладает обширным кругом полномочий, который охватывает все сферы, переданные на наднациональный уровень: таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, таможенное регулирование, техническое регулирование, санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры, зачисление и распределение ввозных таможенных пошлин, установление торговых режимов в отношении третьих сторон, статистика внешней и взаимной торговли, макроэкономическая политика, конкурентная политика, промышленные и сельскохозяйственные субсидии, энергетическая политика, антимонопольная политика и политика в отношении естественных монополий, государственные и (или) муниципальные закупки, взаимная торговля услугами и инвестиции, транспорт и перевозки, валютная политика, интеллектуальная собственность, трудовая миграция, финансовые рынки (банковская сфера, сфера страхования, валютный рынок, рынок ценных бумаг), а также иные сферы, определенные Договором и международными договорами в рамках Союза.

Комиссия в пределах своих полномочий обеспечивает реализацию функции международного сотрудничества касательно международных договоров, входящих в право Союза, является депозитарием международных договоров в рамках Союза, решений Высшего совета и Межправительственного совета, а также может быть наделена Высшим советом правом подписывать международные договоры по вопросам, входящим в компетенцию Комиссии. Комиссия также вправе при необходимости создавать консультативные органы.

Существенное внимание в Договоре уделено процедурам запроса информации (п. 8 Положения № 1). Так, Комиссия вправе запрашивать у государств позиции по рассматриваемым вопросам, а также информацию у юридических и физических лиц, необходимую для осу-

ществления Комиссией своих полномочий. Копии запросов Комиссии в адрес юридических и физических лиц, за исключением запросов, содержащих конфиденциальную информацию, одновременно направляются в уполномоченный орган исполнительной власти государства – члена.

В организационно-распорядительном плане Комиссия отвечает за составление бюджета Союза и подготовку отчета о его исполнении, является распорядителем средств бюджетной сметы Комиссии, а Совет Комиссии вправе образовывать структурные подразделения (департаменты Комиссии).

Порядок вступления в силу решений определен п. 16 Приложения № 1, где указывается, что по общему правилу решения Комиссии вступают в силу не ранее чем по истечении 30 календарных дней с даты их официального опубликования. В экстренных случаях 30-дневный срок может быть уменьшен до 10 дней.

Крайне важным является то, что Комиссия не вправе принимать решения, которые могут оказать влияние на условия ведения предпринимательской деятельности без учета результатов проведения оценки регулирующего воздействия проектов таких решений. Порядок проведения такой оценки определяется Регламентом работы Евразийской экономической комиссии, утверждаемым Высшим советом.

Решения Комиссии, содержащие сведения ограниченного распространения, а также распоряжения вступают в силу в срок, определенный в них.

Решения Комиссии, ухудшающие положение физических и (или) юридических лиц, обратной силы не имеют. Улучшающие положение физических и (или) юридических лиц решения могут иметь обратную силу, если прямо предусматривают это (п. 17–18 Приложения № 1).

В этой связи следует отметить, что Суд ЕврАзЭС уже касался вопросов обратной силы нормативно-правовых актов. Так, в деле по заявлению ПАО «НКМЗ» Суд ЕврАзЭС отметил (с учетом практики Всемирной торговой организации), что по общему международно-правовому правилу (ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.) закон обратной силы не имеет⁷⁰.

3.2.1. Совет Комиссии занимается общим регулированием интеграционных процессов в Союзе, а также общим руководством деятельности Комиссии.

В Совет Комиссии входят по одному представителю от каждого государства – члена, являющемуся заместителем главы правительства и наделенному необходимыми полномочиями в соответствии с законодательством своего государства.

Функции и полномочия Совета Комиссии раскрыты в п. 24 Приложения № 1.

Для удобства полномочия Совета Комиссии можно классифицировать на внешние (вытекающие из компетенции союза по унификации условий хозяйствования) и внутренние (призванные регулировать работу Комиссии как органа).

К внешним полномочиям можно отнести следующие полномочия Совета:

- 1) организация работы по совершенствованию правового регулирования деятельности Союза;
- 2) внесение на утверждение Высшего совета основных направлений интеграции в рамках Союза;
- 3) рассмотрение вопросов об отмене решений Комиссии, принятых Коллегией Комиссии, или внесении в них изменений;
- 4) рассмотрение результатов мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза;

⁷⁰ Решение Суда Евразийского экономического сообщества по делу по заявлению ПАО «Новокраматорский машиностроительный завод» против Евразийской экономической комиссии от 24 июня 2013 года // Сайт Евразийской экономической комиссии [электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635100981802316833.pdf>.

5) внесение на рассмотрение Межправительственного совета ежегодного отчета о мониторинге проведения процедуры оценки регулирующего воздействия.

К внутренним полномочиям можно отнести следующие:

1) утверждение по представлению Председателя Коллегии Комиссии перечня департаментов Комиссии, их структуру и штатную численность, а также распределение их между членами Коллегии Комиссии;

2) утверждение квалификационных требований к должностным лицам и сотрудникам Комиссии;

3) принятие решений о снятии привилегий и иммунитетов с сотрудников Комиссии по основаниям, предусмотренным Положением о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору);

4) одобрение проекта бюджета Союза;

5) одобрение порядка оплаты труда членов Коллегии Комиссии, должностных лиц и сотрудников Комиссии;

6) одобрение общей предельной штатной численности департаментов Комиссии;

7) утверждение плана по созданию и развитию интегрированной информационной системы Союза;

8) создание комиссии по этике при Совете Комиссии и утверждение положения о ней в целях обеспечения соблюдения предусмотренных Договором прав граждан государств – членов на трудоустройство в департаменты Комиссии;

9) кроме того, Совет Комиссии дает поручения Коллегии Комиссии.

Помимо внутренних и внешних функций к компетенции данного органа могут быть отнесены иные функции и полномочия в соответствии с Договором, международными договорами в рамках Союза.

Механизму принятия решений в Совете Комиссии посвящены п. 26–30 Положения № 1.

В частности, в указанных пунктах говорится о том, что заседания Совета Комиссии проводятся в соответствии с Регламентом работы Комиссии. Любой член Совета Комиссии может инициировать проведение заседания Совета Комиссии, а также внести предложения в повестку дня заседания Совета Комиссии.

Заседание Совета Комиссии считается правомочным, если на нем присутствуют все члены Совета Комиссии.

В заседаниях Совета Комиссии принимают участие Председатель Коллегии Комиссии, а также по приглашению Совета Комиссии члены Коллегии Комиссии. Члены Совета Комиссии могут приглашать на заседания Совета Комиссии представителей государств – членов и иных лиц.

В заседаниях Совета Комиссии могут принимать участие представители третьих государств в порядке и на условиях, которые определяются Договором.

Председательство в Совете Комиссии осуществляется в соответствии с п. 4 ст. 8 Договора.

В случае досрочного прекращения полномочий Председателя Совета Комиссии новый член Совета Комиссии от председательствующего государства – члена осуществляет полномочия Председателя Совета Комиссии в течение оставшегося срока.

Председатель Совета Комиссии:

- осуществляет общее руководство подготовкой вопросов, вносимых для рассмотрения на очередном заседании Совета Комиссии;

- определяет повестку дня;

- открывает, ведет и закрывает заседания Совета Комиссии.

Совет Комиссии в пределах своих полномочий принимает решения, распоряжения и рекомендации консенсусом, т. е. вопрос обсуждается до снятия всех возражений, при отсутствии возражений консенсус считается достигнутым.

В случае если не достигнут консенсус, вопрос передается на рассмотрение в Высший совет или Межправительственный совет по предложению любого члена Совета Комиссии.

Государство – член или член Совета Комиссии имеет право в течение 15 календарных дней с даты опубликования решения Коллегии Комиссии внести в Коллегию Комиссии предложение о его отмене или внесении в него изменений.

Председатель Коллегии Комиссии в день получения указанного предложения направляет членам Совета Комиссии материалы по соответствующему решению.

Совет Комиссии после поступления таких материалов рассматривает их и принимает решение в течение 10 календарных дней.

Государство – член в случае несогласия с решением, принятым Советом Комиссии по результатам рассмотрения вопроса об отмене решения Коллегии Комиссии или внесении в него изменений, либо в случае истечения срока, предусмотренного абзацем третьим настоящего пункта, но не позднее 30 календарных дней с даты официального опубликования решения Совета Комиссии, может направить в Комиссию письмо за подписью главы правительства с предложением о внесении соответствующего вопроса на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета.

Глава правительства государства – члена вправе обратиться в Комиссию с предложением о внесении вопроса в отношении решений Комиссии, указанных в абзаце втором п. 16 Приложения № 1, на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета на любой стадии до даты их вступления в силу.

Решение Коллегии Комиссии, в отношении которого было внесено предложение об отмене или внесении изменений, не вступает в силу и приостанавливается на срок, необходимый для рассмотрения вопроса в отношении этого решения Межправительственным советом и (или) Высшим советом и принятия соответствующего решения по итогам такого рассмотрения.

3.2.2. Коллегия Комиссии является исполнительным органом Комиссии, состоящим из членов Коллегии, один из которых является Председателем Коллегии Комиссии. В состав Коллегии Комиссии входит равное число представителей от каждого государства – члена, количество членов Коллегии и распределение обязанностей между ними определяется Высшим советом.

Коллегия Комиссии осуществляет руководство департаментами Комиссии, в которых работают должностные лица и сотрудники, прошедшие конкурсный отбор на рабочие места, закрепленные за конкретным государством согласно его квоте (зависит от доли государства в общем объеме экономики Союза).

Член Коллегии Комиссии должен являться гражданином того государства – члена, которым он представлен, а также удовлетворять следующим требованиям: иметь профессиональную подготовку (квалификацию), соответствующую должностным обязанностям, а также стаж работы по профилю должностных обязанностей не менее 7 лет, в том числе не менее 1 года замещать руководящую должность в государственных органах государств – членов. Член Коллегии Комиссии назначается Высшим советом сроком на 4 года с возможным продлением полномочий.

Председатель Коллегии Комиссии назначается Высшим советом сроком на четыре года на ротационной основе без права продления. Председательство при этом осуществляется поочередно в порядке русского алфавита по наименованию государства – члена.

Распределение обязанностей между членами Коллегии Комиссии, а также общая предельная штатная численность департаментов Комиссии и порядок оплаты труда членов Кол-

легии Комиссии, должностных лиц и сотрудников Комиссии (в том числе их денежное содержание), утверждаются Высшим советом.

Крайне важным проявлением наднационализма в контексте статуса членов Коллегии Комиссии является то, что они работают в Комиссии на постоянной основе, а также при осуществлении своих полномочий независимы от государственных органов и должностных лиц государств – членов и не могут запрашивать или получать указания от органов власти или официальных лиц государств – членов.

Отсутствие у государств – членов возможности влиять на действия членов Коллегии Комиссии позволяет сделать вывод о том, что Коллегия ЕЭК является наднациональным органом, в состав которого входят наднациональные служащие – члены Коллегии.

Более того, члены Коллегии Комиссии не имеют права совмещать работу в Коллегии Комиссии с другой работой или заниматься прочей оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной или иной творческой деятельности, в течение всего срока действия своих полномочий.

В случае нарушения вышеуказанного ограничения следует санкция – досрочное прекращение полномочий члена Коллегии Комиссии.

Еще одно проявление наднациональности в статусе членов Коллегии Комиссии заключается в том, что по общему правилу государства – члены не имеют права отзыва члена Коллегии Комиссии. Из этого следует, что фактически государства – участники не имеют права возложить санкцию в виде отзыва члена Коллегии в связи с неответственностью интересов государства, от которого выдвинут член Коллегии.

Статус членов Коллегии связан с функциями, которые осуществляет данный орган.

Полномочия Коллегии ЕЭК делятся на внешние (вытекающие из компетенции союза по унификации условий хозяйствования) и внутренние (призванные регулировать работу Комиссии как органа).

При реализации внешних полномочий указанный орган:

1) осуществляет выработку предложений и свод представленных государствами – членами предложений в сфере интеграции в рамках Союза (включая разработку и реализацию основных направлений интеграции);

2) осуществляет мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомляет государства – члены о необходимости их исполнения;

3) разрабатывает рекомендации по вопросам, касающимся формирования, функционирования и развития Союза;

4) готовит экспертные заключения (в письменном виде) на поступившие в Комиссию предложения государств – членов;

5) принимает решения, распоряжения и рекомендации;

6) исполняет решения и распоряжения, принятые Высшим советом и Межправительственным советом, и решения, принятые Советом Комиссии;

7) оказывает содействие государствам – членам в урегулировании споров в рамках Союза до обращения в Суд Союза;

8) обеспечивает представление интересов Комиссии в судебных инстанциях, включая Суд Союза;

9) осуществляет в пределах своих полномочий взаимодействие с органами государственной власти государств – членов;

10) разрабатывает проекты международных договоров и решений Комиссии, принимаемых Советом Комиссии, а также иные документы, необходимые для реализации полномочий Комиссии;

11) рассматривает поступающие в Комиссию запросы;

12) проводит в установленном порядке процедуру оценки регулирующего воздействия и обеспечивает подготовку ежегодного отчета о мониторинге проведения этой процедуры.

Внутренние полномочия Коллегии сводятся к тому, что данный орган:

1) утверждает по представлению Председателя Коллегии Комиссии план научно-исследовательских работ на очередной год после его рассмотрения на консультативных комитетах, информирует Совет Комиссии об указанном плане;

2) осуществляет разработку проекта бюджета Союза и подготовку проектов отчетов о его исполнении, обеспечивает исполнение бюджетной сметы Комиссии;

3) обеспечивает проведение заседаний Совета Комиссии, Межправительственного совета и Высшего совета, а также вспомогательных органов, создаваемых в соответствии с п. 3 ст. 5 Договора;

4) представляет на рассмотрение Совета Комиссии предложения о снятии привилегий и иммунитетов с должностных лиц и сотрудников Комиссии;

5) размещает заказы и заключает договоры на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для нужд Комиссии в порядке, утверждаемом Советом Комиссии;

6) обеспечивает соблюдение порядка работы с документами ограниченного распространения (конфиденциальными и для служебного пользования), утверждаемого Советом Комиссии;

7) утверждает по представлению Председателя Коллегии Комиссии план зарубежных командировок членов Коллегии, должностных лиц и сотрудников Комиссии на очередной год;

8) представляет ежегодно отчет о проделанной работе для рассмотрения Советом Комиссии.

3.3. Суд Евразийского экономического союза: судебный орган евразийской интеграции

Суд ЕАЭС в составе десяти судей (по два судьи от каждого государства – члена Союза) начал свое функционирование с 1 января 2015 г. в связи со вступлением в силу Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., продолжив деятельность Суда ЕврАзЭС, работавшего с 2012 г. и положившего начало формированию единообразной практики применения Договоров о Таможенном Союзе и Едином экономическом пространстве. В рамках Суда ЕврАзЭС и ЕЭП были созданы проекты договоров о ЕАЭС, согласованные в рабочих группах государств в 2014 г. (руководитель группы – заместитель министра юстиции РФ Травников М.А.). Формирование единой практики применения права Союза является основной функцией Суда ЕАЭС, характеризующей этот Суд как орган нормоконтроля.

Начиная с 2015 г. Суд ЕАЭС рассмотрел большое количество дел, касающихся различных вопросов интеграционного процесса, например: межгосударственный спор *России против Беларуси*, вопросы таможенной классификации, применения таможенных пошлин, антимонопольного регулирования, бездействия Евразийской экономической комиссии, защиты служащих ЕЭК, действия «мягкого» права, защиты внутреннего рынка, технического регулирования, статуса спортсменов в ЕАЭС и иных. Суд вынес более ста решений и консультативных заключений, являющихся основой для единообразного применения права Союза (п. 2 Статута Суда)⁷¹.

Уставными документами Суда ЕАЭС являются Статут Суда Евразийского экономического союза, являющийся приложением № 2 к Договору, и Регламент Суда Евразийского эко-

⁷¹ Статистические данные о деятельности Суда Евразийского экономического союза. URL: <https://courteurasian.org/analytics/#statistics>.

номического союза, утвержденный Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101.

3.3.1. Судостроительство Суда ЕАЭС предполагает наличие следующих коллегиальных органов: пленарного заседания, двух коллегий, апелляционной палаты, Большой коллегии.

Пленарное заседание состоит из всех судей Суда ЕАЭС, проводится по вопросам, не связанным с осуществлением правосудия, но относящимся к его регламентации (внутреннее право Суда ЕАЭС), а также по иным вопросам организационного характера.

В соответствии с пп. 70, 77, 8 °Статута Суда Суд осуществляет правосудие в составе *Большой коллегии Суда* (входят все судьи Суда ЕАЭС), *Коллегии Суда* (включается по одному судье от каждого государства – члена поочередно по фамилии судьи, начиная с первой буквы русского алфавита) и *Апелляционной палаты Суда* (входят судьи Суда от государств – членов, не принимавшие участия в рассмотрении дела, решение Коллегии Суда по которому обжалуется).

Дифференциация компетенции судебных составов происходит согласно Статуту Суда. Так, **Большая коллегия Суда** вправе рассматривать:

1) дела, указанные в подп. 1 п. 39 Статута Суда, т. е. по заявлению государства – члена:

- о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору;

- о соблюдении другим государством – членом (другими государствами – членами) Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений;

- о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза;

- об оспаривании действия (бездействия) Комиссии;

2) дела о разъяснении права Союза;

3) процедурные вопросы, предусмотренные Регламентом.

Большая коллегия состоит из десяти судей и рассматривает

а) запросы от государств – членов и ЕЭК о разъяснении положений права Союза (с предоставлением консультативного заключения, которое носит рекомендательный характер);

б) заявления от государств – членов о спорах, не разрешенных в досудебной процедуре (с вынесением решения, которое носит обязательный характер).

Согласно п. 77 Статута Суда, **Коллегия Суда** рассматривает дела по заявлениям хозяйствующих субъектов, действующих в ЕАЭС (из любой страны мира), предусмотренные подп. 2 п. 39 Статута Суда:

- о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

- об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Коллегия Суда рассматривает заявления об оспаривании решений ЕЭК. С такими заявлениями обращаются хозяйствующие субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели). По итогам их рассмотрения выносятся решения обязательного характера.

Согласно п. 77 Статута Суда **Апелляционная палата Суда** рассматривает заявления об обжаловании решений Коллегии Суда в тех же процедурах, которые предусмотрены для решений Коллегии Суда.

Ротируемый состав Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда из пяти судей определяется по алфавитному принципу. Судьи Коллегии Суда не входят в состав Апелляционной палаты Суда.

3.3.2. Статус Судей Суда ЕАЭС. Существенное внимание в Статуте Суда уделено статусу его судей. Согласно п. 9 Статута Суда судьи должны обладать высокими моральными качествами, являться специалистами высокой квалификации в области международного и внутригосударственного права, а также, как правило, соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям высших судебных органов государств – членов. В Статуте Суда не закреплена возможность привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, но в п. 12 среди оснований прекращения полномочий судьи поименованы лишь два основания ответственности: занятие судьей деятельностью, не совместимой с должностью, а также совершение им серьезного проступка, не совместимого с высоким статусом судьи. С предложением о прекращении полномочий может обратиться сам судья, государство – член и пленарное собрание судей.

Статут Суда в п. 13 устанавливает, что с инициативой о прекращении полномочий судьи по основаниям, предусмотренным п. 12 Статута Суда, могут выступать государство – член, представившее судью, Суд или сам судья. Так, в 2014 г. отзыв судьи из Казахстана был связан с его назначением на иную должность в своем государстве, что согласуется с п. 12 Статута Суда, предусматривающим четкие основания отзыва судьи в срок его полномочий. От пленарного заседания судей и от судей таких заявлений не поступало.

В отличие от Статута Суда ЕврАзЭС (ст. 7), из Статута Суда ЕАЭС исключены нормы о привилегиях и иммунитетах судей, а также иных работников Суда – в настоящее время они содержатся в Положении о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору).

По сравнению со Статутом Суда ЕврАзЭС изменен порядок избрания Председателя и его заместителя – Председатель избирается судьями и утверждается Высшим советом. Ранее Председатель Высшим советом не утверждался.

Председатель Суда и заместитель Председателя Суда обладают организационно-распорядительными функциями, избираются на три года, не могут быть гражданами одного и того же государства. Статутом Суда исключена возможность повторного избрания Председателя и заместителя Председателя после истечения их трехлетнего срока полномочий (п. 14–17). Срок полномочий Председателя Суда – три года, в то время как состав судей назначается на девять лет.

В Статуте Суда предусмотрены также следующие *элементы статуса судей*: равенство судей, независимо от занимаемой административной должности; недопустимость конфликта интересов и невозможность представлять интересы государственных или межгосударственных органов и организаций, коммерческих структур, политических партий и движений, а также территорий, наций, народностей, социальных и религиозных групп и отдельных лиц (п. 18–21 Статута Суда).

Важно отметить, что п. 2 °Статута предусматривает правило о том, что судьи при отправлении правосудия равны и обладают одинаковым статусом. Председатель Суда и его заместитель не вправе предпринимать действия, направленные на получение любого неправомерного преимущества по сравнению с другими судьями. Следовательно, у Председателя Суда и его заместителя в Суде нет каких-либо преференций относительно других судей (принцип равенства судей) как в вопросах правосудия, так и в организационных вопросах. Председательство носит представительский характер.

Одновременно Председатель Суда организует работу Секретариата Суда, в то время как судья организует работу своего секретариата.

Под **Аппаратом Суда в Статуте Суда** понимается совокупность секретариатов судей и Секретариата Суда.

В секретариаты судей входят по два лица – советник и помощник. В силу п. 29–33 Статута Суда оба указанных лица назначаются Председателем по предложению судьи. Секретариат Суда назначается на конкурсной основе с учетом квотного принципа сроком до пяти лет.

Сопоставимая структура существовала ранее в Суде ЕврАзЭС, где у каждого судьи было по два помощника и одному советнику. Теперь у судьи один помощник и один советник. Из штатного расписания вторых помощников судьи был образован Секретариат Суда, состоящий из двух отделов – аналитического и финансово-организационного. Руководитель Секретариата и два его заместителя назначаются по представлению государства – члена и отбираются пленарным заседанием судей на конкурсной основе сроком на пять лет.

Советник судьи в Суде ЕАЭС. Согласно п. 29 Статута Суда советник судьи осуществляет информационно-аналитическое обеспечение деятельности судьи. Советник судьи должен обладать высокими моральными качествами, являться опытным специалистом в области международного права и (или) внешнеэкономической деятельности (п. 3 °Статута Суда).

В период функционирования Суда ЕврАзЭС и на начальном этапе работы Суда ЕАЭС заявлялось, что основной деятельностью советника является дача заключения по делу в судебном заседании. Это позволяло сравнить советника судьи с Генеральным адвокатом в Суде ЕС, независимым процессуальным лицом, предоставляющим судьям свои мнения по правовым вопросам. С течением времени в Суде ЕАЭС такая практика не была реализована, а функция дачи заключений (исключительно письменных) по конкретным делам была отдана экспертно-аналитическому отделу Секретариата Суда ЕАЭС. В настоящее время советник судьи работает по всем делам по указанию судьи.

Помощник судьи Суда ЕАЭС. В силу п. 33 Статута Суда помощник судьи осуществляет организационное обеспечение деятельности судьи. Одновременно особенности компетенции помощника судьи Суда ЕАЭС закреплены в ст. 17 Регламента Суда и предполагают, что помощник является процессуальным лицом и, как правило, выполняет функции секретаря судебного заседания, на которого возложен существенный объем работы по подготовке и проведению судебных заседаний, а также ведению протокола (ст. 28 Регламента Суда), оформлению судебных документов и общению со сторонами, обратившимися в Суд.

Секретариат Суда ЕАЭС функционирует согласно Положению о Секретариате Суда ЕАЭС⁷². Данный документ предусматривает, что руководством данного органа занимается Руководитель Секретариата Суда и два его заместителя – начальники отделов. Эти должности замещаются лицами, представленными государствами – членами Союза (п. 2 гл. 2 Положения). Следовательно, правила замещения вакантных должностей Руководителя и заместителей Руководителя Секретариата Суда ЕАЭС предусматривают особый порядок в сравнении с тем, что установлено применительно к иным сотрудникам Секретариата Суда ЕАЭС.

Заместители руководителя Секретариата – начальники отделов руководят экспертно-аналитическим отделом и отделом финансовой и организационно-кадровой работы. В состав данных отделов Секретариата Суда входят советники и консультанты, которые назначаются на должности на основе открытого конкурса (гл. 3, 4 Положения о Секретариате Суда). В силу п. 35 Статута Суда Секретариат Суда формируется на конкурсной основе из числа граждан государств – членов с учетом долевого участия государств – членов в бюджете Союза и

⁷² Положение о Секретариате Суда ЕАЭС (приложение № 1 к Правилам организации и деятельности Суда ЕАЭС). URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/c39/Положение_о_Секретариате.pdf.

профессиональных характеристик претендентов. Одной из них является стаж работы (не менее 5 лет) на определенных должностях в государстве – члене ЕАЭС.

Как указано выше, экспертно-аналитический отдел наделен специфической функцией по даче заключений по всем делам, которые поступают на рассмотрение Суда. Как следствие, советники и консультанты экспертно-аналитического отдела (вместе или по отдельности) готовят несколько видов заключений, которые не являются частью судебного дела, не публикуются, но выполняют важную функцию для деятельности судей: 1) заключение о приемлемости заявления (жалобы, заявления о разъяснении); 2) заключение по доводам заявления (апелляционной жалобы); 3) заключение по вопросам, поставленным в заявлении о разъяснении (гл. 3, 4 Положения о Секретариате Суда). При подготовке таких заключений изучается опыт судов иных интеграционных объединений, а также международно-правовая доктрина по конкретным темам, ведется работа по установлению консенсусного понимания проблемы в судебной практике государств – членов ЕАЭС⁷³.

Литература

1. *Нешатаева Т.Н.* Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. 2-е изд. М., 1999.
2. *Поточный М., Шибеева Е.А.* Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 192 с.
3. *Тункин Г.И.* Теория международного права. М., 1970.
4. *Шибеева Е.А.* Право международных организаций. М., 1986.
5. *Schermers H.G., Blokker N.M.* International Institutional Law. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011. XXXVI, 1273 p.

⁷³ См.: *Павлова Н.В.* Роль права ЕАЭС в обеспечении защиты основных прав человека национальными судами государств-участников // Новые вызовы интеграции ЕАЭС: правовое измерение: Междунар. конф. (г. Минск, 25–27 ноября 2020 года): Сб. материалов. Минск: Колорград, 2021. С. 150–158; *Павлова Н.В.* Роль национального правосудия в реализации права Евразийского экономического союза // Пять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: роль Суда: Междунар. конф. (19–20 сентября 2019 г., г. Минск): сб. материалов. Минск: Медисонт, 2020. С. 161–166.

Глава V

Язык в праве ЕАЭС

§ 1. Русский язык – рабочий язык ЕАЭС

Большинство международных организаций объединяют государства, население которых говорит на разных языках. Отсюда встает вопрос, на каком языке будет работать создаваемое объединение⁷⁴. В случае Евразийского экономического союза эта проблема решается сама собой ввиду широкого распространения русского языка на всей территории бывшего СССР.

Статус русского языка в качестве государственного или официального закреплен в конституциях большинства государств – членов ЕАЭС. Не считая Российской Федерации, это Республика Беларусь, где он является государственным наравне с белорусским⁷⁵. В Республике Казахстан⁷⁶ и Кыргызской Республике⁷⁷ за русским закреплен статус «официального языка», используемого наряду с государственными – казахским и кыргызским соответственно. Таким образом, из государств – членов ЕАЭС исключением в данном отношении является Республика Армения, где подобный статус отведен только армянскому языку.

Руководствуясь данными переписей населения⁷⁸, а также исследований положения русского языка в мире и в государствах бывшего СССР⁷⁹, можно заключить, что фактическое

⁷⁴ См. об этом, напр.: Schermers H.G., Blokker N.M. International Institutional Law. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011. Р. 279–285; Ревизов М.А. Проблемы перевода юридических документов и принятия многоязычных актов // Закон. 2023. № 1. С. 176–189.

⁷⁵ Ст. 17 Конституции Республики Беларусь 1994 г.; согласно ст. 16 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь судопроизводство ведется на «белорусском и (или) русском языках».

⁷⁶ В Республике Казахстан «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» (ч. 2 ст. 7 Конституции Республики Казахстан 1995 г.; ст. 5, 8, 9, 13 Закона Республики Казахстан 1997 г. «О языках в Республике Казахстан»); судопроизводство в Республике Казахстан ведется на казахском (государственном) языке, «при необходимости, в судопроизводстве наравне с государственным употребляется русский язык или другие языки» (ст. 13 Закона Республики Казахстан 1997 г. «О языках в Республике Казахстан»; ст. 14 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан от 31.10.2015 г. № 377-V; ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V; ст. 738 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях. См. также Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 22.12.2016 г. № 13 «О некоторых вопросах применения принципа языка судопроизводства»).

⁷⁷ В Кыргызской Республике закреплен статус русского языка в качестве официального (ч. 2 ст. 13 Конституции Кыргызской Республики 1993 г. и Конституции Кыргызской Республики 2021 г.; ст. 2 Конституционного закона Кыргызской Республики от 17.07.2023 № 140 «О государственном языке Кыргызской Республики»), т. е. языка, «который служит языком межнационального общения и способствует интеграции республики в мировое сообщество», используется «наряду с государственным языком в сфере государственного управления, законодательства и судопроизводства Кыргызской Республики, а также в иных сферах общественной жизни» (ст. 1 Закона Кыргызской Республики «Об официальном языке Кыргызской Республики» от 29.05.2000 № 52). Нормативные правовые акты в Кыргызской Республике принимаются и публикуются на двух языках: государственном и официальном (ст. 7, 8 Закона Кыргызской Республики «Об официальном языке Кыргызской Республики» от 29.05.2000 № 52). Судопроизводство ведется на государственном или официальном языке (ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики 2017 г.).

⁷⁸ По данным переписи населения Республики Казахстан 2021 г. (URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/100842/file/gu/>) из 17 194 712 жителей русским языком владеют 83,7 %. Для сравнения согласно переписи 2009 г. (URL: https://stat.gov.kz/upload/medialibrary/f97/8ac5e9hxy44slpop0vi8wb6c3a9p9mtp/5-Нацсостав_rar) при населении 12 156 705 жителей русским языком владели 94,36 %.

⁷⁹ В Республике Армения, согласно результатам опроса «Кавказского барометра» (Caucasus Barometer – 2015), подавляющее большинство опрошенных владеет русским языком, около 70 % владеет хорошо (Егоров В., Штоль В. Русский язык – фактор интеграции постсоветского пространства // Международная жизнь. № 12. 2017. С. 95). См. также: Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX – XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012; Индекс положения русского языка в мире: Индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), Индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 3 / Авт. – сост. А.Л. Арефьев, В.А. Жильцов, С.Ю. Камышева, Т.В. Нестерова, А.А.

положение русского языка в государствах – членах ЕАЭС вполне соответствует указанным законодательным нормам. Данные переписей населения Республики Казахстан и Кыргызской Республики, говорят о том, что большая часть населения этих государств владеет русским языком.

Кроме того, в настоящее время русский язык занимает одно из ведущих мест в мире по различным показателям:

- девятое место в мире по числу говорящих⁸⁰;
- четвертое место по количеству международных организаций, в которых он является официальным или рабочим⁸¹;
- пятое место по числу публикаций в международных научных базах данных⁸².

Такая статистика свидетельствует о наличии корпуса профессиональных текстов на русском языке и развитости терминологии, в том числе юридической и необходимой для функционирования международной организации⁸³.

Правовые основания для использования русского языка в Союзе заложены в ст. 110 Договора, где русский язык определен как рабочий язык органов ЕАЭС, язык, на котором составляются международные договоры в рамках Союза, принимаются решения Комиссии, имеющие обязательный характер для государств – членов.

Развивают эту норму многочисленные положения Договора специального характера. Например:

1) переписка с органом, проводящим антидемпинговое расследование, и предоставление доказательств осуществляется на русском языке, документы, составленные на иностранном языке, должны сопровождаться удостоверенным переводом на русский язык⁸⁴;

2) маркировки на продукцию, находящуюся в обращении на территории Союза, должна наноситься на русском языке⁸⁵;

3) уполномоченные органы валютного контроля государств – членов ведут переписку на русском языке⁸⁶;

4) заявка, подаваемая перевозчиком оператору инфраструктуры на бумажных носителях, и прилагаемые к ней документы представляются на русском языке либо на языке государства по месту юридической регистрации оператора инфраструктуры, а в случае их представления на ином языке сопровождаются заверенным в установленном порядке переводом на русский язык⁸⁷;

5) государства – члены обеспечивают информационную открытость и прозрачность государственных (муниципальных) закупок, в том числе посредством создания каждым государством – членом веб-портала и публикации на нем информации о закупках, реестра недобро-

Филиппова; под ред. С.Ю. Камышевой. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. С. 29, 33, 35.

⁸⁰ Индекс положения русского языка в мире. С. 7.

⁸¹ Там же. С. 10.

⁸² Там же. С. 13.

⁸³ См. также: *Муравьев Ю.А.* Обеспечение эквивалентности перевода в юридических документах интеграционных объединений // *Правосудие в эпоху интеграции: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Правосудие в эпоху интеграции»* (Российский государственный университет правосудия, г. Суздаль, 31 мая – 3 июня 2017 г.) / Под ред. С.С. Бугровой М.: РГУП, 2018. С. 225–228; *Резаев М.А.* Проблемы перевода юридических документов и принятия многоязычных актов // *Закон.* 2023. № 1. С. 176–189.

⁸⁴ Пункт 8, 249 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (приложение № 8 к Договору).

⁸⁵ Пункт 6 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 9 к Договору).

⁸⁶ Подпункт 3 п. 8 Протокола о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики (приложение № 15 к Договору).

⁸⁷ Пункт 18 приложения № 1 к приложению № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору).

совестных поставщиков, нормативных правовых актов государств – членов в сфере закупок (в том числе на русском языке)⁸⁸.

Нормы, касающиеся языка, содержатся и в уставных документах постоянно действующих органов Союза.

Так, Регламент работы Евразийской экономической комиссии предусматривает, что Комиссия ведет переписку с государствами – членами (запросы Комиссии, ответы на них, а также запросы в адрес Комиссии от органов исполнительной власти государств – членов) только на русском языке⁸⁹. Запросы от имени Комиссии о предоставлении информации в адрес юридических и физических лиц составляются также на русском языке⁹⁰.

Кроме того, согласно Правилам внутреннего документооборота в Евразийской экономической комиссии, документы, создаваемые в ЕЭК, составляются на русском языке; документ излагается на русском литературном языке в соответствии с нормами современного русского литературного языка, правилами русской орфографии и пунктуации, с учетом особенностей официально-делового стиля, вида документа и его назначения⁹¹.

Особое место в ряду норм, уточняющих положение русского языка как рабочего языка органов Союза, занимает ст. 2 «Язык судопроизводства» Регламента Суда ЕАЭС, согласно п. 1 которой все документы представляются в Суд на русском языке либо с приложением их достоверного перевода на русский язык. Пункт 2 устанавливает, что судопроизводство в Суде ЕАЭС осуществляется на русском языке, а лица, участвующие в деле и не владеющие русским языком, вправе давать объяснения на другом языке и пользоваться услугами переводчика.

§ 2. Перевод актов права Союза на языки государств – членов

Вместе с тем при создании Союза был соблюден и языковой суверенитет государств – членов как совокупность прав народов на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения⁹².

Если общая установка в СССР предусматривала ведение судопроизводства и публикацию правовых актов на языке, который больше распространен в соответствующей местности⁹³, то на практике таким языком часто оказывался русский, потому что его распространение соответствовало цели объединения многонациональной общности в единый советский народ⁹⁴.

За годы, прошедшие после распада СССР, ситуация со знанием русского языка в государствах – членах естественным образом ухудшилась⁹⁵. Специальные исследования свидетельствуют о повышении роли национальных языков в Казахстане, Киргизии и Армении⁹⁶.

⁸⁸ Пункт 29 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору).

⁸⁹ Пункты 93, 99, 100, 102 Регламента работы Евразийской экономической комиссии, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98.

⁹⁰ Абзац второй п. 100 Регламента работы Евразийской экономической комиссии.

⁹¹ Пункт 1 приложения № 4 «Общие требования к оформлению документов» к Правилам внутреннего документооборота в Евразийской экономической комиссии, утвержденным решением Коллегии ЕЭК от 5 мая 2015 года № 46.

⁹² Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева М.: Инфра-М, 2008. С. 851.

⁹³ Подобные нормы содержались во всех конституциях союзных республик и процессуальных кодексах.

⁹⁴ См.: Варнавский П. Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 239–262: «С одной стороны, [советское руководство] активно способствовало формированию национальных идентичностей. С другой – довольно последовательно проводило курс на создание единой советской общности» (с. 239). См. об этом также, напр.: Хириш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022; Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX – XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 33–40.

⁹⁵ Евдокимов В.Б., Ашишкова Т.В. О правовом статусе русского языка на постсоветском пространстве // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 72–75; Пивовар Е.И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве // Гуманитарные чтения РГГУ-2010. Пленарное заседание «Диалог культур и партнерство цивилизаций: формирование глобальной культуры». М.: РГГУ, 2010. С. 167–170.

Такое положение учитывается, например, в Регламенте работы ЕЭК, нормы которого о переписке Комиссии с юридическими и физическими лицами, в отличие от переписки с государствами – членами, предусматривают вероятность того, что заявители могут не владеть русским языком: запросы юридических и физических лиц могут направляться в Комиссию либо на русском языке, либо на любом ином государственном языке государства – члена⁹⁷. Ответ Комиссии составляется на русском языке и сопровождается переводом на государственный язык государства – члена, на котором был составлен запрос, при этом такой перевод не является официальным⁹⁸. Кроме того, официальный сайт Союза Комиссия ведет на государственных языках государств – членов и на английском языке⁹⁹.

Наиболее важной нормой в данном контексте является п. 2 ст. 110 Договора, который предусматривает необходимость перевода международных договоров в рамках Союза и решений Комиссии, имеющих обязательный характер для государств – членов, на государственные языки государств – членов (если это предусмотрено их законодательством¹⁰⁰) в порядке, определяемом Комиссией, за счет средств, предусмотренных в бюджете Союза на эти цели.

В целях реализации данной нормы принято решение Совета Комиссии от 18 сентября 2014 г. № 72 «Об организации перевода международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и актов органов Евразийского экономического союза», которым утвержден соответствующий Порядок организации перевода международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и актов органов Евразийского экономического союза на государственные языки государств – членов Евразийского экономического союза (далее соответственно – Решение № 72, Порядок организации перевода).

Указанное Решение № 72 обязывало государства – члены (кроме Российской Федерации) представить организацию, с которой Коллегия Комиссии заключит договор об оказании услуг по осуществлению перевода международных договоров в рамках Союза и актов органов Союза на государственный язык соответствующего государства – члена¹⁰¹. Организация должна быть выбрана по результатам отбора (конкурса), проводимого государством – членом¹⁰².

Например, в Кыргызской Республике на основании Решения № 72 проводятся конкурсы по отбору организации – переводчика международных договоров в рамках ЕАЭС на кыргызский язык. В 2018 г. победителем конкурса стал Учебно-информационный центр при Национальной комиссии по государственному языку при Президенте Кыргызской Республики¹⁰³, а

⁹⁶ Например, доля обучающихся на русском языке школьников в 2021 г. по сравнению с 1991 г. сократилась в Республике Казахстан с 69,5 % до 31,5 %, а в Республике Армения – с 15,3 % до 1,3 % (Индекс положения русского языка в мире. С. 29); в вузах данные еще более показательные: в Кыргызской Республике – с 93 % до 65,3 %, в Республике Казахстан – с 90 % до 30 %, в Республике Армения – с 41,5 % до 6,6 % (Индекс положения русского языка в мире. С. 35). См. также: *Арефьев А.Л.* Русский язык на рубеже XX – XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 40 (Республика Беларусь), 82–84 (Республика Казахстан), 98–100 (Кыргызская Республика), 165 (Республика Армения).

⁹⁷ Абзац второй п. 93 Регламента работы ЕЭК (за исключением случаев, указанных в п. 8 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (приложение № 8 к Договору)).

⁹⁸ Пункт 95 Регламента работы ЕЭК; см. также абзац третий п. 1 приложения № 4 «Общие требования к оформлению документов» к Правилам внутреннего документооборота в Евразийской экономической комиссии, утвержденным решением Коллегии ЕЭК от 5 мая 2015 года № 46.

⁹⁹ Пункт 131 Регламента работы ЕЭК.

¹⁰⁰ Необходимость перевода международных договоров на государственный язык следует, например, из ст. 20 Закона Республики Армения от 28.07.2000 «О международных договорах Республики Армения», ст. 18, 20, 31 Закона Республики Беларусь от 23.07.2008 № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь», п. 7 ст. 5 и п. 3 ст. 24 Закона Республики Казахстан от 30.05.2005 № 54 «О международных договорах Республики Казахстан», п. 2 ст. 4 и п. 2 ст. 26 Закона Кыргызской Республики от 24.04.2014 № 64 «О международных договорах Кыргызской Республики».

¹⁰¹ Пункт 3 Решения № 72, п. 2, 3 Порядка организации перевода.

¹⁰² Абзац второй п. 3 Порядка организации перевода.

¹⁰³ URL: <https://www.gov.kg/ru/post/s/russkiy-opredelen-pobeditel-konkursa-po-otboru-organizatsii-perevodchika-mezhdunarodnyih-dogovorov-v-ramkah-eaes-na-kyrgyzskiy-yazyik>.

в 2020 г. – Государственное предприятие дипломатического сервиса «Кыргыздипсервис»¹⁰⁴. Кроме того, оказание услуг по переводу международных договоров Кыргызской Республики и актов органов Союза на государственный (кыргызский) язык является одной из задач Центра перевода Кабинета Министров Кыргызской Республики¹⁰⁵.

Переводом на белорусский язык с марта 2022 г. занимается Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь¹⁰⁶.

В Республике Армения одной из целей деятельности Государственной некоммерческой организации «Центр переводов Министерства юстиции Республики Армения» является осуществление переводов правовых актов ЕАЭС на армянский язык, а в предусмотренных законодательством Республики Армения случаях – также на другие иностранные языки¹⁰⁷.

Относительно объектов перевода следует отметить, что буквальное прочтение вышеприведенной нормы п. 2 ст. 110 Договора показывает, что она сформулирована достаточно узко: из всех источников права Союза подлежат переводу только

а) международные договоры в рамках Союза и

б) решения Комиссии, причем не все, а только такие, *которые являются обязательными для государств – членов*.

Порядок организации перевода, утвержденный Советом Комиссии в рамках полномочий, предоставленных Договором, оперирует иной формулировкой – «перевод международных договоров в рамках Союза и актов органов Союза (за исключением решений Суда Союза)»¹⁰⁸, тем самым расширяя этот перечень на все акты органов Союза, то есть акты Высшего совета и Межправительственного совета, а также все акты Комиссии вне зависимости от их обязательного характера для государств – членов.

Переведенные на государственные языки государств – членов международные договоры в рамках Союза и акты органов Союза подлежат размещению на официальном сайте Союза в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»¹⁰⁹. Анализ правового портала Союза (docs.eaeunion.org) показывает, что практика Комиссии соответствует расширенному подходу: фактически переводятся решения и распоряжения Высшего совета и Межправительственного совета, все решения Совета и Коллегии Комиссии (в том числе, например, решения, принятые в отношении конкретных хозяйствующих субъектов по делам о нарушении общих принципов и правил конкуренции или о введении антидемпинговой пошлины), частично переведены также рекомендации и распоряжения Совета и Коллегии Комиссии.

С другой стороны, в принятый Комиссией Решением № 72 расширенный подход не входят акты Суда Союза, из которых перевод прямо предусмотрен правом Союза только для консультативных заключений¹¹⁰.

Таким образом, анализ норм и практики перевода актов права Союза показывает, что выбор актов во многом зависит от усмотрения Комиссии как органа, ответственного за осуществление перевода. Например, осуществляется перевод рекомендаций Комиссии (актов, не

¹⁰⁴ URL: <https://knews.kg/2020/01/20/itogi-konkursa-dlya-okazaniya-uslug-po-perevodu-na-kyrgyzskij-yazyk-mezhdunarodnyh-dogovorov-v-ramkah-eaes/>.

¹⁰⁵ Пункт 14 Положения о Центре перевода Кабинета Министров Кыргызской Республики, утвержденного постановлением Правительства Кыргызской Республики от 09.04.2021 г. № 138 (в редакции постановления Кабинета Министров КР от 07.06.2021 г. № 21).

¹⁰⁶ URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eeek-nachinaet-sotrudnichestvo-s-natsionalnym-tsentrom-pravovoy-informatsii-respubliki-belarus/>; <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2022/mart/69130/>.

¹⁰⁷ URL: <https://translation-centre.am/ru/statute.html>.

¹⁰⁸ Пункт 1 Порядка организации перевода.

¹⁰⁹ Пункт 5 Порядка организации перевода.

¹¹⁰ Пункт 3 ст. 85 Регламента Суда: «Консультативное заключение Суда переводится на государственные языки государств – членов в порядке, предусмотренном для перевода актов органов Союза, с последующим размещением на официальном сайте Суда».

имеющих обязательного характера), но обязательные для исполнения решения Суда переводу не подлежат. Кроме того, буквальное прочтение нормы п. 1 Порядка организации перевода показывает, что на государственные языки государств – членов должны переводиться все акты органов Союза, за исключением только решений Суда, то есть консультативные заключения и постановления Суда (а при более расширительном толковании также и заявленные к ним особые мнения судей) могли бы войти в перечень актов, подлежащих переводу.

Представляется важным вопрос о соотношении текстов Договора и иных источников права Союза на разных языках.

В заключительных положениях Договора указано, что он совершен «в одном экземпляре на белорусском, казахском и русском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу. В случае возникновения разногласий для целей толкования настоящего Договора используется текст на русском языке»¹¹¹.

Таким образом, в отношении Договора о ЕАЭС вопрос аутентичности текстов соответствует п. 1 ст. 33 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., согласно которому если аутентичность текста договора была установлена на двух или нескольких языках, его текст на каждом языке имеет одинаковую силу, если договором не предусматривается или участники не условились, что в случае расхождения между этими текстами преимущественную силу будет иметь какой-либо один определенный текст¹¹².

В отношении международных договоров в рамках Союза и актов органов Союза п. 2 ст. 110 Договора предусматривает, что данные акты *принимаются на русском языке с последующим переводом* на государственные языки государств – членов, при этом п. 3 той же статьи предписывает в случае возникновения разногласий для целей толкования использовать текст на русском языке. Все договоры в рамках ЕАЭС (а также ТС и ЕЭП) заключались «в одном подлинном экземпляре на русском языке», в том числе договоры о присоединении Республики Армения и Кыргызской Республики к Союзу, а также протоколы о внесении изменений в Договор о Союзе.

Пункт 2 ст. 33 Венской конвенции гласит, что вариант договора на языке, ином чем те, на которых была установлена аутентичность текста, считается аутентичным только в том случае, если это предусмотрено договором или если об этом условились участники договора. Подобное прямое указание на аутентичный статус переводов как в Договоре, так и в Порядке организации переводов отсутствует. Таким образом, переводные тексты актов органов Союза не приравниваются к оригинальному тексту на русском языке, который только и может считаться аутентичным. С другой стороны, наличие проводимой государствами – членами процедуры конкурсного отбора организаций, осуществляющих перевод, либо наделение государственных органов государств – членов компетенцией по выполнению переводов, а также публикация переведенных актов на официальном сайте Союза наравне с русским оригиналом, позволяет некоторым исследователям предположить, что все варианты текстов в данном случае имеют одинаковое юридическое значение¹¹³.

¹¹¹ Такой же подход был применен при заключении Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26.02.1999 г. и Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10.10.2000 г. (оба договора заключены на белорусском, казахском, кыргызском, русском и таджикском языках).

¹¹² См. также: Талалаев А.Н. Право международных договоров. Т. 1. М.: Зерцало, 2009. С. 109; Aust A. Modern Treaty Law and Practice. Cambridge UP, 2007. P. 253–255.

¹¹³ См.: Ревазов М.А. Проблемы перевода юридических документов и принятия многоязычных актов // Закон. 2023. № 1. С. 178.

Литература

1. *Schermers H.G., Blokker N.M.* International Institutional Law. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011. XXXVI, 1273 p.
2. *Муравьев Ю.А.* Обеспечение эквивалентности перевода в юридических документах интеграционных объединений // Правосудие в эпоху интеграции: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Правосудие в эпоху интеграции» (Российский государственный университет правосудия, г. Суздаль, 31 мая – 3 июня 2017 г.) / Под ред. С.С. Бугровой. М.: РГУП, 2018. С. 225–228.
3. *Ревазов М.А.* Проблемы перевода юридических документов и принятия многоязычных актов // Закон. 2023. № 1. С. 176–189.

Глава VI

Источники и формы правового регулирувания интеграционных отношений. Характеристики норм права ЕАЭС

Согласно ст. 2 Договора о ЕАЭС нормы международного регионального права Союза создаются государствами – членами и международной организацией – классическими субъектами международного права. Отсюда можно сделать вывод, что право Союза является частью международного права – региональным международным правом. Далее в этой статье Договора определено, что третья сторона – государство, не являющееся членом Союза, а также международная организация, международное интеграционное объединение также участвуют в создании международно-правовых норм, относящихся к общему или двустороннему международному праву.

§ 1. Источники и формы права ЕАЭС

1.1. Источники «права ЕАЭС» нормативно определены в п. 1 ст. 6 Договора. Они включают в себя: Договор о Союзе; международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии.

Для анализа права ЕАЭС в совокупности его элементов применительно к настоящей главе представляется возможным использовать понятие «право ЕАЭС» в значении «правовой системы ЕАЭС». Правовая система как комплексная категория дает возможность «анализировать, оценивать всю правовую реальность в целостном виде, а не отдельные ее компоненты»¹¹⁴. К «правовой системе» возможно относить объективное право, юридическую практику (правотворческую, правоприменительную, судебную и др.) и господствующую правовую идеологию¹¹⁵.

Теория интеграционного права обосновывает деление источников права на «первичные» и «вторичные» (или «производные»), а право интеграционного объединения – на «первичное» и «вторичное». Такое деление источников права характерно для права Европейского союза, правопорядка Андского сообщества, других интеграционных объединений наднационального характера¹¹⁶.

В Европейском союзе к источникам первичного права относятся учредительные договоры ЕС, документы, вносящие в них изменения или дополнения, общие принципы права,

¹¹⁴ См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 94. Цит. по: Елистратова В.В. Формирование правовой системы Евразийского экономического союза // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 47.

¹¹⁵ См.: Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. Цит. по: Елистратова В.В. Формирование правовой системы Евразийского экономического союза // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 47.

¹¹⁶ Так, например, в разделе «Источники права Сообщества» Решения Суда Андского сообщества от 9 декабря 1996 г. по делу о преюдициальном толковании решений 344 и 345 Комиссии Картахенского соглашения в их взаимосвязи с Парижской конвенцией по охране промышленной собственности (дело № 1-IP-96) указывается, в частности, что на вершине права любого сообщества находятся договоры о его учреждении, а также поправки к ним, изложенные в протоколах о внесении изменений. Об этом четко говорится в пп. (а) и (б) ст. 1 Договора о создании Суда Картахенского соглашения (прежнее название Суда Андского сообщества). Они образуют первоначальную основу права Сообщества и среди европейцев называются «Конституцией Сообщества», что указывает на автономный характер и первоисточник права, из которого они исходят и которому подчиняются все остальные источники.

обычно-правовые нормы¹¹⁷. Они служат юридической основой для издания органами ЕС правовых актов (вторичное или производное право ЕС). К источникам вторичного права также относятся договоры, заключаемые ЕС с иностранными государствами (третьими странами) и международными организациями. В случае несоответствия актов вторичного права положениям учредительных договоров подобные акты могут быть признаны недействительными Судом ЕС, осуществляющим тем самым своеобразный «конституционный контроль» в рамках ЕС¹¹⁸.

Таким образом, деление на «первичное» и «вторичное» право показывает иерархическое соотношение источников права интеграционного объединения: нормы «вторичного права» должны соответствовать нормам «первичного права». Помимо этого, в доктрине выделяют «третичное» (или дополнительное) право, к которому относят соглашения между институтами, внутренние регламенты институтов, правовые акты, не подпадающие под категорию, определенную в ст. 6 Договора о функционировании Евразийского Союза (указания, инструкции, заявления, коммюнике, декларации и т. п.).

В зависимости от юридической силы (юридической обязательности) источники интеграционного права делятся на источники «твердого» и «мягкого» права. Если к первой группе традиционно относятся те источники, которые обладают обязательной юридической силой, то вторые являются актами «мягкого права» (soft law), имеющими рекомендательное значение. Термин «мягкое право», используемый, как правило, как антипод юридически обязательному («твердому») праву¹¹⁹, определяется, в основном, как юридически необязательные правила поведения, созданные в одностороннем порядке международной организацией или ее органом (норма-рекомендация) либо государствами (политическая договоренность, решение межправительственной конференции) в виде стандартов или конкретных правил и реализуемые государствами на добровольной основе в международной и национальной сфере¹²⁰. Особенность норм международного мягкого права в том, что их выполнение добровольно, но их авторитет, способность отражать современные особенности регулирования и большое распространение в международной системе нередко принимаются во внимание при разработке законов и подзаконных актов¹²¹.

Как сам термин, так и концепция «мягкого права» были привнесены в наднациональное право из общего международного права¹²². Изучая место и роль актов «мягкого права» в системе всех иных актов, выступающих в качестве объектов судебного контроля в рамках наднационального права, исследователи не без оснований отмечают тенденцию к повышению социальной и регулятивной значимости этих актов по мере развития интеграции, а вместе с ним государственно- и надгосударственно-правовой системы¹²³. Повышение роли и значения «мягкого права» в интеграционных правовых системах свидетельствует о том, что акты этого «права» в силу своей гибкости и динамичности занимают в ней наряду с актами «твердого права» все более широкое пространство и выступают в виде неотъемлемой составной части процесса развития интеграции и совершенствования механизма правового регулирова-

¹¹⁷ См.: *Капустин А. Я.* Право Европейского Союза: понятие и классификация норм // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2000. № 2. С. 118–124.

¹¹⁸ См.: *Кашикин С. Ю., Четвериков А. О.* Европейский союз: Основопологающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями // СПС «КонсультантПлюс». 2007.

¹¹⁹ См.: *Безбородов Ю. С.* Международные модельные нормы. М., 2008. С. 80–93.

¹²⁰ См.: *Халафян Р. М.* Концепция международного «мягкого» права в международно-правовой доктрине // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2. С. 35–38.

¹²¹ См.: *Марочкин С. Ю., Халафян Р. М.* Международное «мягкое» право в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 56–65.

¹²² *Beveridge F., Nott S.* A Hard Look at Soft Law // *Craig P., Harlow C.* Lawmaking in the European Union. L., 1998. P. 288.

¹²³ *Jans Y.* Quasi-Legislation: Recent Developments in Secondary Legislation. L., 1987. Цит. по: *Марченко М. Н.* Европейский союз и его судебная система: Монография. М.: Проспект, 2021. С. 197–198.

ния интеграционного образования, осуществляющего свои регулятивные функции не изолированно от других регуляторов общественных отношений, а в тесной связи и взаимодействии с ними¹²⁴.

Как отмечается в литературе, наряду с имеющим место в настоящее время «жестким» публично-правовым регулированием в рамках ЕАЭС актуально «формирование гибких частноправовых норм, изложенных в актах мягкого права (*lex mercatoria eurasiatica*), основу которого могут составить Принципы евразийского частного права, разработанные по аналогии с Принципами УНИДРУА или Модельными правилами европейского частного права»¹²⁵.

В праве ЕАЭС могут быть выделены источники «первичного права», к которым относятся Договор о Союзе и протоколы о внесении изменений в него. А к «вторичному праву» ЕАЭС могут быть отнесены международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной, а также акты, принимаемые органами ЕАЭС – Высшим советом, Межправительственным советом, Комиссией – в рамках их полномочий, предусмотренных Договором о Союзе и международными договорами в рамках Союза.

Большинство источников права ЕАЭС имеют обязательную юридическую силу, и, следовательно, они относятся к источникам «твердого права» Союза. Вместе с тем принимаемые государствами – членами ЕАЭС декларации стратегического характера¹²⁶, рекомендации ЕЭК, консультативные заключения Суда ЕАЭС принадлежат к источникам «мягкого права», которые оказывают ориентирующее и направляющее воздействие на поведение субъектов интеграционных правоотношений и развитие интеграции.

Особенность правотворческого процесса в ЕАЭС состоит в том, что в Союзе отсутствует законодательный орган по типу парламента, а основной массив принимаемых актов приходится на Комиссию, которая в соответствии со ст. 18 Договора является постоянно действующим регулирующим органом Союза.

Данная особенность обуславливает особую роль Суда ЕАЭС, который не только осуществляет судебный контроль за соответствием международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза Договору в рамках компетенции, закрепленной за ним п. 39 Статута Суда, но и обеспечивает единообразное применение права Союза (п. 2 Статута Суда). Таким образом, формирование права ЕАЭС как единой целостной системы происходит посредством правотворчества органов ЕАЭС, а также осуществления контрольной и интерпретационной функций Суда Союза, что позволяет вырабатывать баланс между деятельностью различных органов ЕАЭС, стремиться к построению «бесконфликтного» правового пространства ЕАЭС.

1.2. Образование единого правового пространства в рамках интеграционного объединения имеет важное значение для формирования единого рынка Союза, в котором обеспечивается свободное движение лиц, товаров, услуг и капиталов. Единое правовое пространство ЕАЭС образует как собственно правопорядок (право) Союза, так и национальные правовые системы государств – участников Союза. Таким образом, для формирования единого правового пространства Союза необходимо складывание непротиворечивого права ЕАЭС на основе Договора, а также гармонизация национального правового регулирования на основе общих и отраслевых принципов Союза. Реализация данной цели предполагает движение к построению гармоничного взаимодействия различных правовых систем (права ЕАЭС или наднациональ-

¹²⁴ Snyder F. Soft Law and Institutional Practice in the European Community: Beveridge F., Nott S. A Hard Look at Soft Law // Craig P and Harlow C. (eds.). Lawmaking in the European Union. L., 1998. P. 287–294. Цит. по: Марченко М.Н. Европейский союз и его судебная система: Монография. С. 199.

¹²⁵ См.: Рафалюк Е.Е., Залюило М.В., Власова Н.В. Опыт интеграции и гармонизации евразийского и латиноамериканского правового пространства: компаративный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6. С. 1039.

¹²⁶ Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» от 25 декабря 2023 г.

ной правовой системы, системы международного права, национальных правовых систем государств – членов Союза).

К формам построения единого гармонизированного правового пространства (или унификации права в ее широком значении) в рамках ЕАЭС относятся: международно-договорная (конвенционная), модельная (посредством принятия международных модельных норм), наднациональная (путем принятия актов органами интеграционных объединений), а также судебная (выработка правовых позиций, которые могут быть восприняты в правотворческой и правоприменительной практике органов Союза и государств – членов ЕАЭС).

Международно-договорная или конвенционная форма унификации права основывается на согласовании воли государств в форме международного договора. Так, Договор о Союзе, выражающий волю государств – членов к объединению в организацию международной экономической интеграции ЕАЭС, образует правовой фундамент интеграции в рамках Союза. Заключаемые в рамках Союза международные договоры и международные договоры с третьей стороной, являющиеся частью права Союза в соответствии со ст. 6 Договора, не могут противоречить нормам Договора о Союзе, который находится на «вершине» системы источников права ЕАЭС.

Принимаемые на уровне Союза модельные акты не многочисленны и носят рекомендательный характер¹²⁷, но они также участвуют в формировании единого правового пространства ЕАЭС, так как сообразно закрепленным в них принципам и нормам могут быть приняты либо изменены нормы национального законодательства государств – членов Союза.

Правотворческая деятельность органов ЕАЭС – Высшего совета, Межправительственного совета, Комиссии – образует наднациональную форму создания единообразного правового регулирования. Акты органов ЕАЭС, принимаемые ими в рамках своей компетенции, различны по видам и регулируемому воздействию.

Акты Суда ЕАЭС также оказывают влияние на формирование единообразного правового пространства в Союзе. В процессе своей деятельности по осуществлению правосудия Суд формирует правовые позиции, которые имеют значение для единообразного толкования и применения права Союза, как органами интеграции, так и в рамках правотворческой и правоприменительной деятельности в государствах – членах Союза. Восполнение пробелов правового регулирования в праве Союза при разъяснении права Союза либо решении конкретных споров позволяет оперативно преодолевать пробелы в правовом регулировании ЕАЭС, что способствует более эффективному регулированию общественных отношений правом ЕАЭС. Контрольная функция Суда, заключающаяся в оценке соответствия принимаемых Комиссией решений Договору и международным договорам, позволяет обеспечивать иерархию источников права Союза, соответствие норм вторичного права принципам и нормам Договора, устранение несоответствия актов права Союза Договору.

Решения Комиссии, признанные Судом не соответствующими Договору и международным договорам в рамках Союза, должны быть приведены в соответствие с правом Союза без ущерба для единообразия, установленного Судом. В таком контексте Суд создает правовую позицию, которая со временем, возможно, станет нормой права. Судебная позиция, являясь результатом судебной деятельности (практики), формулирует обычаи (*usage – opinio juris*) как общеизвестные формы (источники) международного права или в рекомендательных актах – обыкновения (*usage*). Суд создает позицию о приоритете применения конкретного правила, которая в будущем будет жить на практике, повторяясь от решения к решению (судебный обы-

¹²⁷ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 24 октября 2013 г. № 50 «О Модельном законе «О конкуренции».

чай), либо перейдет в позитивное право путем нормативного закрепления в международном договоре или решении международной организации¹²⁸.

Формируемые Судом правовые позиции придают динамизм праву ЕАЭС посредством оперативного реагирования на выявляемые пробелы правового регулирования, а также позволяя приспособлять нормы права Союза к меняющимся экономическим отношениям¹²⁹.

Достижение единообразия правового регулирования осуществляется посредством таких методов сближения правовых систем, как унификация, гармонизация и координация права.

Отметим, что в ст. 2 Договора понятия «унификация» и «гармонизация» определены через родовое понятие «сближение законодательства государств – членов», что смещает фокус рассмотрения данных методов достижения единообразия права на *законодательство*. Вместе с тем в процессе сближения правовых систем происходит взаимодействие и взаимопроникновение правовых обычаев, правовой культуры, юридической доктрины, и др.

В соответствии со ст. 2 Договора степень сближения законодательства государств – членов различается в зависимости от вида проводимой политики – «единой», «согласованной» либо «скоординированной».

Сообразно виду проводимой политики в Договоре предусмотрены следующие виды сближения законодательства государств – членов ЕАЭС: унификация, гармонизация и координация.

Следует обратить внимание на то, что анализ норм Договора, устанавливающих различные виды политик в определенных сферах экономики, показывает, что при проведении той или иной политики возможно сочетание нескольких методов сближения законодательства государств – членов.

Согласно Договору, «унификация законодательства» в сфере единой политики представляет собой сближение законодательства государств – членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных Договором.

Единое правовое регулирование устанавливается в сферах, определенных Договором, по которым органами Союза принимаются унифицированные международные акты (например, в области таможенного регулирования, общих принципов и правил конкуренции, технического регулирования, и др.). Единое правовое регулирование возможно на основе международного договора в рамках Союза, нормы которого унифицируют правила в определенной сфере общественных отношений¹³⁰, или решения ЕЭК (договор в упрощенной форме). В качестве унифицированного правового регулирования возможно также рассматривать установление единых (унифицированных) требований к обращению отдельных видов продукции в ЕАЭС¹³¹. Унификация не подразумевает принятие национальных законов.

«Гармонизация законодательства» определена в Договоре как сближение законодательства государств – членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах в национальном законодательстве.

К объектам гармонизации законодательства государств – членов относится, например, охрана и защита прав на объекты интеллектуальной собственности (ст. 89 Договора). Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности от

¹²⁸ См.: *Нешатаева Т.Н.* Евразийский экономический союз: роль судебной практики // Российский судья. 2024. № 6. С. 49–54.

¹²⁹ См.: *Нешатаева Т.Н.* Суд и право: евразийская интеграция. М., 2021. С. 162–163, 164, 260, 318, и др.

¹³⁰ Единые принципы и правила обращения лекарственных средств в ЕАЭС установлены Соглашением о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках ЕАЭС от 23 декабря 2014 г.

¹³¹ Так, например, Комиссией утверждены унифицированные требования в области электронного документооборота в рамках Союза, касающиеся электронного вида заявлений и документов, представляемых при регистрации медицинских изделий, лекарственных препаратов; структуры и описания электронных паспортов транспортных средств и электронных паспортов самоходных машин и других видов техники, и другие.

8 сентября 2015 г. в качестве одной из целей сотрудничества называет гармонизацию и совершенствование законодательства государств – членов в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности на таможенной территории Союза. Кроме того, разработан проект Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров ЕАЭС¹³², который призван обеспечить механизм правовой охраны товарного знака Союза на территориях государств – членов ЕАЭС.

В такой сфере, как энергетика, согласно ст. 79 Договора, государства – члены проводят скоординированную энергетическую политику, осуществляют поэтапное формирование общих рынков энергетических ресурсов. В числе основных принципов энергетического сотрудничества государств – членов названа гармонизация национальных норм и правил функционирования технологической и коммерческой инфраструктуры общих рынков энергетических ресурсов, к которым относятся рынки электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов¹³³. Кроме того, предполагается унификация норм и стандартов государств – членов на газ, нефть и нефтепродукты. Для регулирования взаимной торговли электрической энергией на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС решением Евразийского межправительственного совета от 26 октября 2023 г. № 5 утверждены Правила взаимной торговли электрической энергией на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС. Иными словами, в этой сфере будут действовать унифицированные международные нормы и гармонизированные нормы закона.

Положения о гармонизации законодательства государств – членов содержатся и в других разделах Договора, например, о поэтапном осуществлении гармонизации и сближении подходов к формированию и проведению валютной политики, гармонизации законодательства в сфере торговли услугами, в отношении налогов, в сфере предоставления субсидий, агропромышленного комплекса, финансовых рынков, в области обеспечения единства измерений, и другие.

Определения понятия «координация законодательства» Договор не содержит. Исходя из определения скоординированной политики, «координация законодательства» означает сближение законодательства государств – членов, направленное на установление общих подходов в определенных сферах, по которым государства – члены Союза осуществляют сотрудничество. В международной норме излагается цель, а в национальной – правила ее достижения в сферах экономики, отнесенных к координации сотрудничества.

Так, ст. 86 Договора относит транспортную политику к скоординированной (согласованной) политике. Как отметил Суд в консультативном заключении от 20 ноября 2017 г. по делу Р-4/17 о тарифах на железнодорожные перевозки в сфере транспорта, государства – члены осуществляют как скоординированную, так и согласованную политику в зависимости от определенных в ней целей, поставленных задач и сформулированных приоритетов¹³⁴. В Основных направлениях и этапах реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов ЕАЭС, утвержденных решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 19, указываются различные мероприятия, направленные на координацию развития транспортной инфраструктуры, разработку, применение по взаимному согласию государств – членов общих подходов в целях обеспечения общих преимуществ на глобальном рынке транспортных услуг, принятие согласованных мер по обеспечению общих преимуществ в сфере транспорта и реализации наилучших международных практик, согласо-

¹³² Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 17 марта 2016 г. № 13 «О проекте Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза».

¹³³ См.: Габов А.В., Лизикова М.С. Энергетическое право Евразийского экономического союза: формирование и основы // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 13–24.

¹³⁴ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 20 ноября 2017 г. по делу Р-4/17 о тарифах на железнодорожные перевозки, абз. 4 п. 2 ч. IV «Выводы». URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaep/P-4.17/.

ванному установлению государствами – членами транспортных коридоров и маршрутов; согласование привлекательных и гибких тарифных условий, и др.

К скоординированной (согласованной) политике согласно ст. 94 Договора относится агропромышленная политика, которая предполагает не только осуществление Комиссией совместно с государствами – членами разработки, координации и реализации основных направлений согласованной (скоординированной) агропромышленной политики в рамках представленных полномочий, но и унификацию требований, связанных с обращением сельскохозяйственной продукции и продовольствия, т. е. и в этом случае будут действовать два вида норм.

Таким образом, рассмотренные формы и методы достижения единообразного правового регулирования в рамках ЕАЭС направлены на построение правопорядка Союза во взаимосвязи наднациональной и национальных правовых систем государств – членов Союза. Динамика унификационного процесса в ЕАЭС определяет степень интегрированности правовых систем государств – членов ЕАЭС, а значит, и глубину интеграции.

1.3. Источник правового регулирования интеграционных отношений представляет собой *форму* закрепления норм права, регулирующих интеграционные отношения.

При определении круга источников права ЕАЭС возможно обратиться к п. 5 °Статута Суда, который устанавливает, что Суд ЕАЭС при осуществлении правосудия применяет:

- 1) общепризнанные принципы и нормы международного права;
- 2) Договор о Союзе, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора;
- 3) решения и распоряжения органов Союза;
- 4) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

Принципы – это нормы, содержащие правила обычного происхождения и получившие в настоящее время закрепление в позитивных нормах национального и международного права с указанием на их императивность, верховенство (*jus cogens* в международно-правовой интерпретации)¹³⁵.

Отсылка к общепризнанным принципам и нормам международного права содержится в Договоре о ЕАЭС.

Так, абзац 10 преамбулы Договора гласит: «...подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права»¹³⁶.

Абзац 3 преамбулы Договора указывает, что Стороны Договора о Союзе при учреждении Союза руководствовались принципом суверенного равенства государств, необходимостью безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Ст. 3 Договора устанавливает: «Союз осуществляет свою деятельность в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами – членами в соответствии с настоящим Договором, на основе следующих принципов: уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств – членов и их территориальной целостности»¹³⁷.

Таким образом, государства – члены Союза подтвердили свою приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права, перечислив в Договоре такие общепри-

¹³⁵ См.: *Нешатаева Т.Н.* Общие принципы права и практика Суда Евразийского экономического союза // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 4 (88). С. 29.

¹³⁶ *Нешатаева Т.Н.* Суд и право: евразийская интеграция: Монография / Т.Н. Нешатаева. М.: Норма; ИНФРА-М, 2021. С. 18.

¹³⁷ Там же.

знанные принципы, как принцип верховенства прав и свобод человека и гражданина, принцип суверенного равенства государств – членов, их территориальной целостности.

В доктрине сформировались различные подходы к определению и составу (перечню) общепризнанных принципов и норм международного права. Между тем общим почти для всех подходов является то, что такие принципы признаются практически всеми субъектами международного сообщества; закрепляют особо важные, принципиальные нормы международного права; имеют обязательную силу; некоторые либо все являются нормами *jus cogens* (сверхимперативными). Любая норма, противоречащая норме *jus cogens*, недействительна и не действует (ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.).

Вопрос о соотношении общепризнанных принципов международного права и общих принципов права также заслуживает отдельного внимания.

Традиционно считалось, что термин «общие принципы» относится к совпадающим правилам национальных правовых систем, в то время как «общепризнанные принципы» относятся к тем, которые следуют из международной практики как термин, заменивший понятие «принципы, признанные цивилизованными нациями». Сегодня, согласно мнению основного докладчика Комиссии международного права ООН М. Васкес-Бермудеса по вопросу «Общие принципы права»¹³⁸, список общих принципов права в основном совпадает для международной и национальных правовых систем¹³⁹. Следовательно, общие и общепризнанные принципы – единое понятие, различающееся по происхождению – из обычая или из договора.

Общий принцип права (общепризнанный принцип международного права) – это императивное правило, отклонение от которого невозможно (*jus cogens*), сформулированное в нормативной форме с наибольшей степенью обобщения и распространяющее свое охранительное действие на правовую систему в целом. Вопрос о наличии единого (общего) списка принципов оставался до сих пор дискуссионным, что неоднократно приводило или к разночтениям в судебной практике, или к полному отрицанию их регулирующей роли в современных общественных отношениях¹⁴⁰. К общим принципам права, которые в российском праве, как и в международном, понимаются как фундаментальные правовые положения, имеют нормативный приоритет над договорами и законодательством, что характеризует их как *lex superior* («высший по силе закон»), относятся: принципы справедливости, добросовестности, равенства (юридического, суверенного), выполнения обязательств (*pacta sunt servanda*), защиты прав человека, судебных (мирных) средств разрешения споров, взаимности (выделяется Комиссией международного права ООН)¹⁴¹.

1.4. Формы закрепления норм права ЕАЭС

Договор о Союзе является правовым фундаментом евразийской интеграции. Принципы функционирования Союза, закрепляемые в Договоре, определяют приоритеты евразийской интеграции, а отдельные его положения содержат потенциал для развития в будущем.

Договор о Союзе знаменует собой важнейший рубеж развития интеграции на постсоветском пространстве, которая прошла эволюцию от зоны свободной торговли, таможенного союза, Евразийского экономического сообщества до Евразийского экономического союза.

¹³⁸ Комиссия международного права ООН. 5 апреля 2019 г. A/CN.4/732.

¹³⁹ См.: *Нешатаева Т.Н.* Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 115.

¹⁴⁰ См.: *Нешатаева Т.Н.* Суд и право: евразийская интеграция: Монография. С. 30.

¹⁴¹ См.: *Нешатаева Т.Н.* Общие принципы права и практика Суда Евразийского экономического союза // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 4 (88). С. 31.

Договор о ЕАЭС кодифицирует положения, определяющие правовую основу функционирования ЕАЭС: принципы, цели, виды политик, степень сближения правового регулирования, компетенцию органов. Его нормы регулируют сотрудничество государств в различных сферах экономики, которое направлено на обеспечение функционирования единого рынка, а значит – свободу движения товаров, услуг, рабочей силы, капитала в рамках ЕАЭС.

Далее следуют иные международные договоры. В соответствии со ст. 2 Договора о ЕАЭС под **международными договорами в рамках Союза** понимаются международные договоры, заключаемые между государствами – членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием Союза.

Пункт 3 ст. 6 Договора, устанавливая иерархию источников права Союза, гласит, что в случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и Договором о Союзе приоритет имеет Договор о ЕАЭС.

Если провести классификацию международных договоров в рамках ЕАЭС, то они могут быть разделены, например, по своему наименованию на договоры, соглашения, протоколы. Несмотря на различия в наименовании, международные договоры в рамках Союза обладают единым международным правовым статусом и входят в право ЕАЭС. Данный вывод следует из положения пп. «а» п. 1 ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., согласно которому, «договор» означает международное соглашение, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования.

По предмету регулирования международные договоры в рамках ЕАЭС могут быть разделены на международные договоры в таких областях, как: техническое; таможенное регулирование; свобода движения товаров; совершение банковских операций; обмен информацией; сельское хозяйство; обращение лекарств и медицинских изделий; образование; интеллектуальная собственность; пенсионное обеспечение; налоговая политика; операции с драгоценными металлами; перемещение озоноразрушающих веществ, отходов, служебного и гражданского оружия; судоходство; согласование специфических субсидий в отношении промышленных товаров; формирование прогнозных балансов нефти, газа, нефтепродуктов; и др.

Международные договоры Союза с третьей стороной, как следует из ст. 2 Договора, представляют собой международные договоры, заключаемые с третьими государствами, их интеграционными объединениями и международными организациями. Это значит, что такие международные договоры заключаются ЕАЭС как международной организацией и его государствами – членами, с одной стороны, и другим государством, либо интеграционным объединением, либо иной международной организацией, с другой стороны. Исходя из положений ст. 6 Договора, международные договоры Союза с третьей стороной не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза. Данное правило указывает на необходимость гармонизации международных договоров Союза с третьей стороной с основополагающими положениями Договора о ЕАЭС.

Примерами заключенных международных договоров ЕАЭС с третьей стороной являются два основных вида таких соглашений:

- о создании зон свободной торговли;
- о торгово-экономическом сотрудничестве.

Указанные договоры направлены на либерализацию и упрощение торговли между странами, развитие и поддержку экономического и торгового сотрудничества, укрепление более тесного сотрудничества по согласованным областям и содействие коммуникации между странами-участниками. К таким соглашениям относятся в том числе Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами – членами и Исламской Республикой Иран от 25 декабря 2023 г., Республикой Сербия от 25 октября 2019 г., Республикой Сингапур от 1 октября 2019 г., Социалистической Республикой Вьетнам от 29 мая 2015 г... А также Согла-

шение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами – членами и Китайской Народной Республикой от 17 мая 2018 г.; Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы ЕАЭС и Китайской Народной Республики от 6 июня 2019 г.

Проведение переговоров по проектам международных договоров Союза с третьей стороной, а также их подписание осуществляется на основании решения Высшего совета после выполнения государствами – членами соответствующих внутригосударственных процедур. Процедурные вопросы заключения международных договоров Союза с третьей стороной урегулированы международным договором в рамках Союза – Соглашением о международных договорах ЕАЭС с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями от 14 мая 2018 г. (далее – Соглашение от 14 мая 2018 г.).

Рассматривая вопрос о международных договорах как источниках правового регулирования интеграционных отношений, необходимо также обратить внимание на правовой статус и порядок действия международных договоров государств – членов, заключенных в рамках формирования договорно-правовой базы ТС и ЕЭП. Пункт 1 ст. 99 Договора гласит, что указанные международные договоры, действующие на дату вступления в силу Договора о Союзе, входят в право Союза в качестве международных договоров в рамках Союза и применяются в части, не противоречащей Договору о ЕАЭС.

В этой связи следует обратиться к консультативному заключению Суда Союза от 10 июля 2018 г, в котором Суд указал на то, что в праве Союза действуют и сохраняют свою юридическую силу международные договоры, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы ТС и ЕЭП, а также решения Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав правительств и ЕЭК при соблюдении двух обязательных условий: – действуют на момент вступления в силу Договора о Союзе, т. е. на 1 января 2015 г.; – не противоречат Договору о ЕАЭС¹⁴².

Таким образом, можно заключить, что договорно-правовую базу Союза образуют: Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной, а также международные договоры, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы ТС и ЕЭП, действующие на момент вступления в силу Договора о Союзе и не противоречащие ему.

Решения органов интеграционного объединения являются важнейшим источником правового регулирования интеграционных отношений. Согласно иерархии источников права Союза, установленной ст. 6 Договора, они не должны противоречить Договору о Союзе и международным договорам в рамках ЕАЭС.

В соответствии с абзацем шестым п. 1 ст. 6 Договора о Союзе к праву Союза относятся решения и распоряжения Высшего совета, Межправительственного совета и Комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором о Союзе и международными договорами в рамках Союза.

Порядок действия решений вышеназванных органов имеет особенности. Прежде всего это связано с задачей принятия этим органом документов общего, стратегического характера, направленных на развитие интеграции, что предполагает их дополнение актами международного и национального характера. Акты этих органов принято считать упрощенной формой международного договора¹⁴³.

¹⁴² См. абзацы 1–3 п. 3 раздела «Выводы» консультативного заключения Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 г. по делу Р–1/18. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/documents/?PAGEN_1=14&SIZEN_1=20.

¹⁴³ См.: Талалаев А.Н. Право международных договоров: В 3 т. М., 1980–1989.

Так, в отношении решений Высшего совета и Межправительственного совета положение абзаца шестого п. 1 ст. 6 Договора гласит, что решения подлежат исполнению государствами – членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством. Иначе говоря, в данном случае возможен межгосударственный механизм исполнения указанных решений в соответствии с внутригосударственным законодательством каждого из государств – членов ЕАЭС.

Решения Комиссии согласно абзацу второму п. 13 Положения о ЕЭК входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств – членов. Это означает, что решения ЕЭК действуют в национальном правовом порядке без необходимости издания каких-либо внутригосударственных актов. Они образуют непосредственный источник прав и обязанностей для своих адресатов – физических и юридических лиц, органов государств – членов.

§ 2. Структура права ЕАЭС

2.1. Договор о Евразийском экономическом союзе

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года является основополагающим учредительным договором ЕАЭС, основой созданной институциональной и правовой полисистемы, основным связующим звеном общения наднациональных и государственных органов. Данный акт является *lex superior* по сравнению с другими договорами, заключенными в Союзе, а также другими источниками права (п. 3 ст. 6 Договора).

В Декларации «О евразийской экономической интеграции» от 18 ноября 2011 г., Беларусь, Казахстан и Россия закрепили намерение «завершить к 1 января 2015 г. кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу ТС и ЕЭП, и на этой основе создать Евразийский экономический союз»¹⁴⁴.

В действительности при обращении к Договору можно утверждать, что он представляет собой кодификацию развитого правового регулирования ТС и ЕЭП, выразившуюся в комплексном международном договоре и имеющую сложную структуру и большой объем.

Договор о ЕАЭС состоит из четырех частей, 28 разделов и 118 статей. При этом результатом систематизации международного права в виде кодификации стал не только основной текст Договора о ЕАЭС, но и 33 приложения, которые развивают правовое регулирование деятельности наднациональной организации, раскрывая механизмы и материально-правовое регулирование создания общего рынка ЕАЭС.

Часть первая Договора «Учреждение Евразийского экономического союза», состоящая из четырех разделов, содержит основные положения, посвященные правосубъектности ЕАЭС, определению основных понятий, принципов его функционирования, целей, компетенции и права. В указанной части раскрыты также статус органов, их полномочия, а также вопрос бюджета.

Часть вторая Договора «Таможенный союз» регулирует отношения по функционированию ТС и состоит из 8 разделов. В данной части Договора содержатся общие нормы по функционированию ТС, закрепляющие принципы информационного взаимодействия, формирования и распространения официальной статистической информации, а также принципы функционирования ТС, общего рынка лекарственных средств и медицинских изделий. В ней также закреплены принцип осуществления таможенного регулирования в ЕАЭС, цели и принципы

¹⁴⁴ Декларация о евразийской экономической интеграции от 18.11.2011 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

внешнеторговой политики Союза, положения о техническом регулировании, нормы проведения согласованной политики в области защиты потребителей.

Часть третья «Единое экономическое пространство» состоит из 14 разделов и содержит нормы, раскрывающие основные направления согласованной макроэкономической политики, а также валютной политики. Кроме того, в указанной части содержатся нормы, регулирующие общие вопросы трудовой миграции, энергетики, транспорта, государственных и муниципальных закупок, естественных монополий, общих принципов и правил конкуренции, торговли услугами, инвестиций и прочее.

Часть четвертая Договора «Переходные и заключительные положения» посвящена, на первый взгляд, техническим, однако важным международно-правовым вопросам, которые представляют интерес для доктрины: социальным гарантиям, привилегиям и иммунитетам международных служащих, процедуре вступления государств в ЕАЭС, возможности наличия государств-наблюдателей, языка работы ЕАЭС, доступа и опубликования документов, разрешения споров, вступления Договора в силу, соотношения Договора о ЕАЭС с другими международными договорами и иное.

Приложения к Договору содержат правовое регулирование статуса и компетенции отдельных органов ЕАЭС (ЕЭК, Суд ЕАЭС), а также специальные нормы, развивающие регулирование ТС и ЕЭП (в частности, введение специальных защитных, антидемпинговых мер, регулирование государственных закупок и множество иных вопросов).

Договор о ЕАЭС как международно-правовой инструмент следует понимать комплексно: он создает наднациональную международную организацию, которая будет реализовывать свою компетенцию. Помимо органов управления организации Договор о ЕАЭС создает единый рынок, который выходит за рамки территорий государств, но способен функционировать при их участии при условии, что они не будут чинить препятствия принципиальным «четырем свободам» (движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы), а также при успешном проведении скоординированной, согласованной или единой политики в соответствующих отраслях согласно Договору. При этом единый рынок, созданный согласно Договору о ЕАЭС (международному договору), учреждается с учетом национального законодательства государств – членов (см., например, определение понятия «единое транспортное пространство» в п. 2 Приложения № 24 к Договору).

Таким образом, исходя из вышеизложенного тезиса о том, что создание ЕАЭС предполагает создание правового полисистемного комплекса, в котором должны сосуществовать независимые друг от друга наднациональные и национальные органы, а также взаимосвязанные нормы права наднациональной организации и национального права, при анализе Договора о ЕАЭС можно сделать вывод о том, что создание ЕАЭС влечет существование трех групп международных правоотношений.

Первая группа правоотношений – это те отношения, которые возникают между государствами – членами при участии в работе и внутренней деятельности органов ЕАЭС. В частности, в контексте создания организации, при приеме новых членов, определении кадрового состава органов, обращении в Суд ЕАЭС. Наднациональная организация до момента ее создания – это результат согласования волей учреждающих ее государств.

Вторую группу составляют правоотношения, которые будут складываться по вопросам функционирования внутреннего рынка и реализации «четырех свобод». При этом такие правоотношения будут регулироваться полисистемным комплексом – кодифицирующим актом (Договором о ЕАЭС с приложениями, иными международными договорами) и национальным законодательством государств – членов ЕАЭС.

Третья группа правоотношений возникает между участниками хозяйственной деятельности, государствами – членами ЕАЭС, а также органами ЕАЭС по вопросу защиты прав хозяй-

ствующих субъектов как в рамках национальных юрисдикционных органов, так и в Суде ЕАЭС (в основном процессуальная группа правоотношений).

2.2. Иные международные договоры в рамках ЕАЭС и договоры с третьими странами

В настоящее время международный договор (помимо Договора о ЕАЭС) является достаточно распространенным источником права в Союзе. Так, вероятно, вторым по значимости после Договора о ЕАЭС является Таможенный кодекс ЕАЭС, который принят также в форме международного договора¹⁴⁵.

В практике Суда ЕАЭС частично был разрешен вопрос о месте международных договоров, участниками которых являются государства – члены Союза, но не Союз самостоятельно. Для включения соответствующего международного договора в право ЕАЭС необходимо установить членство всех государств Союза в таком договоре и определить, относится ли сфера действия такого договора к области единой политики в рамках ЕАЭС¹⁴⁶. В то же время вопрос о том, входит ли какой-либо договор, не относящийся к единой политике Союза, в право Союза, остается открытым.

Следует также отметить, что изначально в праве Союза отсутствовала детально регламентированная процедура заключения международных договоров в Союзе. Процесс заключения международных договоров ЕАЭС был описан лишь в двух статьях Договора (п. 2 ст. 6, ст. 7). Однако в 2018 г. было заключено Соглашение о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями от 14 мая 2018 г.¹⁴⁷, которое является *lex specialis* по отношению к Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.

§ 3. Акты органов Союза: решения, распоряжения, рекомендации

В силу п. 1 ст. 8 Договора в Союзе действуют четыре постоянно действующих органа: Высший Евразийский экономический совет на уровне глав государств, Евразийский межправительственный совет на уровне глав правительств, Евразийская экономическая комиссия, состоящая из независимых чиновников, а также Суд Союза.

Согласно п. 1 ст. 13, п. 1 ст. 17 Договора Высший совет и Межправительственный совет уполномочены принимать решения и распоряжения. ЕЭК в силу п. 2 ст. 18 Договора уполномочена принимать решения, распоряжения и рекомендации. Суд ЕАЭС уполномочен принимать решения, постановления и консультативные заключения.

Пунктом 4 ст. 6 Договора выстроена иерархия актов, входящих в право Союза. Так, в случае противоречия решений Высшего совета решениям Межправительственного совета и решениям ЕЭК, приоритет имеют решения Высшего совета. Решения Межправительственного совета имеют приоритет лишь над решениями ЕЭК.

Договор о ЕАЭС не содержит положений касательно преодоления нормативного конфликта между распоряжениями Высшего совета, распоряжениями Межправительственного совета и актами ЕЭК. Вероятнее всего, в данном случае следует применять положения п. 4

¹⁴⁵ Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.

¹⁴⁶ Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 21 июня 2016 г. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-6.15/

¹⁴⁷ Соглашение о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями от 14 мая 2018 г. // Сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01417799/itia_16052018.

ст. 6 Договора по аналогии и признавать приоритет распоряжений высшего органа над актами нижестоящих институтов.

Однако более интересным в настоящее время является вопрос о том, как акты органов Союза становятся частью правовой системы государств – членов Союза и как соотносятся с их национальным правом. Кроме того, важным вопросом является возможность обжалования всех упомянутых актов на предмет соответствия Договору о ЕАЭС.

Вопрос включения актов органов Союза в национальное право государств – членов Союза разрешен в Договоре неединообразно. Так, в силу п. 1 ст. 6 Договора решения Высшего совета и Межправительственного совета подлежат исполнению государствами – членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством.

Одновременно абзацем вторым п. 13 Положения о ЕЭК установлено, что решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств – членов.

Следовательно, Договором о ЕАЭС установлен дифференцированный режим соотношения актов органов Союза с национальным правом. Указанное различие, вероятно, кроется в том, что в международном праве установилось правило о том, что акты «классических» международных организаций не входят в правовую систему соответствующих государств. Однако в случае существования наднациональных органов акты данных органов входят в правовую систему соответствующих государств на основе принципа прямого действия¹⁴⁸ и верховенства¹⁴⁹ и возлагают на государства обязанность по соблюдению данных актов, среди прочего, в национальном праве. Кроме того, дифференцированный подход установлен для обжалования актов – если акты ЕЭК возможно обжаловать в Суде ЕАЭС, то в отношении актов Высшего совета и Межправительственного совета такие полномочия не закреплены.

В консультативном заключении от 10 июля 2018 г. Суд ЕАЭС разрешил проблему действия решений Комиссии Таможенного союза в праве ЕАЭС: Решения органа, который функционировал до момента создания ЕАЭС, были признаны частью права Союза¹⁵⁰.

Рекомендации органов Союза также имеют важное значение в контексте установления содержания права ЕАЭС. Можно утверждать, что они в действительности регулируют общественные отношения.

Так, в 2016 г. Суд ЕАЭС рассматривал дело по заявлению российской компании ООО «Ремдизель», в котором ставился вопрос о соответствии рекомендательного акта, пояснений к Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности, Договору о ЕАЭС. Признав заявление российской компании приемлемым, в ходе устной стадии процесса Суд пришел к выводу о том, что формально у него отсутствует компетенция по рассмотрению споров в отношении актов, принятых в форме рекомендации¹⁵¹.

В этой связи создается парадоксальная ситуация, когда рекомендательным актом приняты применяемые в ходе таможенных процедур правила, но обжаловать такой акт в Суде ЕАЭС невозможно. Ситуация может измениться, если государства – члены Союза предоставят Суду ЕАЭС позитивную компетенцию, позволяющую Суду рассматривать подобные споры, или же Суд самостоятельно изменит сформировавшийся подход в своей практике¹⁵².

¹⁴⁸ Court of Justice of European Communities. Van Gend en Loos: Case 26/62: Judgment of 5 February 1963 // Reports of Cases before the Court. 1963. P. 128–140.

¹⁴⁹ Court of Justice of European Communities. Flaminio Costa v. ENEL: Case 6/64: Judgment of 16 July 1964 // Reports of Cases before the Court. 1964. P. 130–144.

¹⁵⁰ Консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 г. по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года // Сайт Суда Евразийского экономического союза [электронный ресурс]. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/P-1.18/.

¹⁵¹ Постановление Коллегии Суда ЕАЭС от 8 апреля 2016 г. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-1.16/.

¹⁵² Особое мнение судьи Т.Н. Нешатаевой к постановлению Коллегии Суда от 8 апреля 2016 г. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-1.16/.

«Внутреннее» право органов ЕАЭС

В настоящее время в науке международного права не сформировался консенсус по вопросу о месте внутреннего права международных организаций – является ли оно частью международного публичного права или это право имеет иную природу и не соотносится с международным публичным правом, а является лишь локальным, корпоративным регулятором отношений внутри организации. Тем не менее, наиболее авторитетные специалисты в данной сфере приходят к выводу о том, что внутреннее право международных организаций в самом общем виде состоит из норм, регулирующих правовой статус данных организаций, структуру и их внутреннее функционирование. При этом организации создают некоторые из таких правил самостоятельно, не спрашивая мнение создавших их государств¹⁵³.

Важно подчеркнуть, что внутреннее право международных организаций регулирует существенный объем вопросов именно «внутри» данной организации и не направлено на регулирование отношений неопределенного круга лиц, ограничиваясь лишь вопросами учреждения организации, вступления в организацию, исключения из организации, найма международных гражданских служащих, их привилегий и иммунитетов, их заработной платы и прочее.

Следует отметить, что в ЕАЭС также создаются подобные правила. В частности, комплектование штата Суда ЕАЭС происходит не в соответствии с каким-либо международным договором или национальным законодательством государства – члена ЕАЭС, а регулируется актом внутреннего права ЕАЭС¹⁵⁴. Последующая трудовая деятельность в Суде ЕАЭС также регулируется внутренним правом международной организации¹⁵⁵.

Таким образом, право ЕАЭС состоит не только из тех актов, которые принимают для регулирования международной торговли на пространстве ЕАЭС, но также из актов, направленных на последующее внутреннее функционирование органов Союза.

Итак, уже на сегодняшний день право ЕАЭС объемно, разнообразно и структурно неоднородно, но пониматься и применяться должно единообразно во всех государствах – членах. Одним из основных способов достижения единообразия можно считать использование русского языка как единого рабочего языка органов Союза. Другими источниками достижения единообразия выступают мониторинг применения права Союза, проводимый ЕЭК, и выработка единообразной правотолковательной практики Судом ЕАЭС.

§ 4. Характеристика решений и актов органов Союза

Пункт 4 ст. 6 Договора о ЕАЭС устанавливает иерархию решений органов Союза. Так, в случае возникновения противоречий между решениями Высшего совета, Межправительственного совета и Комиссии:

- решения Высшего совета имеют приоритет над решениями Межправительственного совета и Комиссии;
- решения Межправительственного совета имеют приоритет над решениями Комиссии.

Согласно ст. 10 Договора о ЕАЭС Высший совет является высшим органом Союза. В его состав входят главы государств – членов либо главы правительств государств – членов, если в соответствии с законодательством своего государства они наделены полномочиями принимать решения по вопросам, входящим в компетенцию Высшего совета.

В соответствии со ст. 13 Договора Высший совет принимает *решения и распоряжения*.

¹⁵³ Schermers H.G., Blokker N.M. International Institutional Law. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. 2011. P. 6.

¹⁵⁴ Порядок проведения конкурса на занятие вакантных должностей в Секретариате Суда Евразийского экономического союза, утвержденный приказом Председателя Суда ЕАЭС от 25 февраля 2015 г. № 4. URL: https://courteurasian.org/official_documents/#local_acts.

¹⁵⁵ Правила организации и деятельности Суда Евразийского экономического союза, утвержденные приказом Председателя Суда ЕАЭС от 14 апреля 2015 г. № 8. URL: https://courteurasian.org/official_documents/#local_acts.

Анализ решений и распоряжений Высшего совета показывает, что по своему предмету решения Высшего совета посвящены определению стратегии, направлений и перспектив развития интеграции, формированию органов Союза. Распоряжения ВЕЭС касаются организационно-управленческих вопросов функционирования Союза.

Решения и распоряжения Высшего совета принимаются консенсусом (наступление момента, когда согласованный документ ни у кого не вызывает возражений, дополнений и т. д.). Решения ВЕЭС, связанные с прекращением членства государства – члена в Союзе, принимаются по принципу «консенсус минус голос государства – члена, уведомившего о своем намерении прекратить свое членство в Союзе».

Согласно п. 21 Решения Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 96 «О Порядке организации проведения заседаний Высшего Евразийского экономического совета» решения Высшего совета вступают в силу с даты их официального опубликования, если этими решениями не определен иной срок вступления в силу. Решения ВЕЭС, содержащие сведения ограниченного распространения, вступают в силу в срок, определенный этими решениями. Распоряжения Высшего совета вступают в силу в срок, определенный этими распоряжениями.

В соответствии со ст. 14 Договора Межправительственный совет является органом Союза, состоящим из глав правительств государств – членов.

На основании ст. 17 Договора Межправительственный совет принимает решения и распоряжения.

Сравнивая между собой по предмету акты Высшего совета и Межправительственного совета можно отметить, что если Высший совет вырабатывает стратегические планы развития Союза, создает его профессиональные органы, то Межправительственный совет определяет тактику развития на конкретный период¹⁵⁶.

Решения и распоряжения Межправительственного совета принимаются консенсусом.

В соответствии с п. 21 Решения Высшего Евразийского экономического совета от 21 ноября 2014 г. № 89 «О Порядке организации проведения заседаний Евразийского межправительственного совета» решения Межправительственного совета вступают в силу с даты их официального опубликования, если этими решениями не определен иной срок вступления их в силу. Решения Межправительственного совета, содержащие сведения ограниченного распространения, вступают в силу в срок, определенный этими решениями. Распоряжения Межправительственного совета вступают в силу в срок, определенный этими распоряжениями.

Согласно ст. 18 Договора Комиссия как постоянно действующий регулирующий орган Союза принимает решения, распоряжения и рекомендации.

Пункт 13 Положения о Комиссии конкретизирует положения о юридической силе актов ЕЭК. Так, Комиссия в пределах своих полномочий принимает

- решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств – членов;
- распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер;
- рекомендации, не имеющие обязательного характера.

На основании п. 14 Положения о Комиссии решения, распоряжения и рекомендации Комиссии принимаются Советом Комиссии и Коллегией Комиссии в пределах установленных полномочий. Порядок принятия актов ЕЭК установлен Договором о Союзе, а также Регламентом работы Комиссии¹⁵⁷. Последний также определяет разграничение полномочий и функций Совета Комиссии и Коллегии Комиссии.

¹⁵⁶ См.: *Нешатаева Т.Н.* Наднационализм: развитие внутреннего права ЕАЭС / Российский ежегодник международного права. 2019. СПб., 2019. С. 126–127; *Мысливский П.П.* Международно-правовое регулирование создания Евразийского экономического союза и способа разрешения споров: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

¹⁵⁷ Утвержден решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 98.

Решения, распоряжения и рекомендации Совета Комиссии принимаются консенсусом.

Решения, распоряжения и рекомендации Коллегии Комиссии принимаются квалифицированным большинством или консенсусом. Высший совет определяет перечень чувствительных вопросов, по которым решения Коллегии Комиссии принимаются консенсусом. Остальные вопросы принимаются квалифицированным большинством, которое составляет две трети голосов от общего числа членов Коллегии Комиссии.

В соответствии с п. 16 Положения о ЕЭК в случае, если иное не предусмотрено Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза, решения Комиссии вступают в силу не ранее чем по истечении 30 календарных дней с даты их официального опубликования. Вместе с тем решения Комиссии, улучшающие положение физических и (или) юридических лиц, а также решения Комиссии, принимаемые в исключительных случаях, требующих оперативного реагирования, могут предусматривать иной срок вступления в силу, но не менее 10 календарных дней с даты их официального опубликования. Решения Комиссии, содержащие сведения ограниченного распространения, вступают в силу в срок, определенный в них. Распоряжения Комиссии вступают в силу в срок, определенный в них.

Положение о Комиссии регулирует обратную силу решений ЕЭК. Так, п. 17 Положения определяет, что решения Комиссии, ухудшающие положение физических и (или) юридических лиц, обратной силы не имеют. А решения Комиссии, улучшающие положение физических и (или) юридических лиц, согласно пункту 18 Положения, могут иметь обратную силу, если прямо предусматривают это.

Опубликование решений Комиссии и обеспечение доступа к ним осуществляется в порядке, установленном ст. 111 Договора. Так, п. 1 ст. 111 Договора о Союзе гласит, что международные договоры в рамках Союза, международные договоры с третьей стороной и решения органов Союза подлежат официальному опубликованию на официальном сайте Союза в сети Интернет в порядке, установленном Межправительственным советом. Дата публикации решения органа Союза на официальном сайте Союза в сети Интернет признается датой официального опубликования данного решения.

Следует также обратить внимание на статус решений Комиссии Таможенного союза в праве ЕАЭС. Суд Союза в консультативном заключении от 10 июля 2018 г. указал на преемственность системы права при развитии евразийских экономических интеграционных процессов от Таможенного союза и Единого экономического пространства к Союзу¹⁵⁸. Статус Комиссии таможенного союза (КТС) и Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) как единого постоянно действующего регулирующего органа Таможенного союза (с дополнительным наделением ЕЭК полномочиями в сфере ЕЭП), связанная с этим передача полномочий от КТС и ЕЭК, а также сохранение юридической силы решений КТС позволили Суду ЕАЭС сделать вывод о правопреемстве этих органов интеграционного объединения и их актов¹⁵⁹. Суд Союза заключил, что решения КТС, действующие на 1 января 2015 г. и не противоречащие Договору о Союзе, входят в право Союза, являются обязательными для государств – членов и подлежат непосредственному применению на территориях государств – членов Союза¹⁶⁰.

Рекомендации ЕЭК, как было указано выше, не являются юридически обязательными. Вместе с тем нельзя не признать, что они имеют ориентирующее и направляющее воздействие на поведение субъектов интеграционных правоотношений, когда они осуществляют выбор либо применение той или иной нормы интеграционного права.

¹⁵⁸ См. абзац 3 пункта 3 раздела «Выводы» консультативного заключения Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 года по делу P-1/18. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaew/P-1.18/.

¹⁵⁹ См. абзац 4 пункта 4 раздела «Выводы» консультативного заключения Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 года по делу P-1/18. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaew/P-1.18/.

¹⁶⁰ См. абзац 10 пункта 5 раздела «Выводы» консультативного заключения Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 года по делу P-1/18. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaew/P-1.18/.

Так, например, Пояснения к Единой товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (ТН ВЭД ЕАЭС), являющиеся приложением № 1 к рекомендации Коллегии Комиссии от 7 ноября 2017 года № 21, представляют собой один из вспомогательных рабочих материалов, призванных обеспечить единообразную интерпретацию и применение ТН ВЭД ЕАЭС. Значение пояснений состоит в том, что они содержат толкования содержания позиций номенклатуры, термины, краткие описания товаров и областей их возможного применения, классификационные признаки и конкретные перечни товаров, включаемых или исключаемых из тех или иных позиций, методы определения различных параметров товаров и другую информацию, необходимую для однозначного отнесения конкретного товара к определенной позиции ТН ВЭД ЕАЭС. Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС, хотя и не являются юридически обязательными, используются правоприменительными органами, например Судом Союза, при толковании ТН ВЭД ЕАЭС, оказывают помощь хозяйствующим субъектам при выборе конкретного кода товарной позиции для классификации товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

Международный обычай отнесен п. 5 °Статута Суда к источникам права, применяемым Судом Союза при осуществлении правосудия, что позволяет причислить его к источникам правового регулирования интеграционных отношений.

Процесс становления обычной нормы международного права состоит из двух элементов: складывания повторяющейся, последовательной практики государств (формирование *обыкновения*, «usage»), признания государствами обычного правила поведения в качестве правовой нормы, т. е. нормы, имеющей юридическую силу (*opinio juris*)¹⁶¹.

Если обычная норма общего международного права принимается большинством государств, представляющим главные формы цивилизации и основные правовые системы мира, т. е. международным сообществом в целом, то региональные и локальные обычные нормы принимаются с согласия всех непосредственно заинтересованных государств или организаций¹⁶².

Относительно регулирования интеграционных отношений можно говорить о применении к ним как универсальных международных обычаев, так и региональных, локальных, которые могут быть сформированы непосредственно в интеграционном объединении или государстве (государствах), участвующих в интеграционном союзе.

Обычай, как известно, является первичной формой существования основных принципов международного права.

Следует отметить, что в п. 5 °Статута Суда ЕАЭС отдельно поименованы: общепризнанные принципы и нормы международного права; международные обычаи как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

В этой ситуации многие принципы, сложившиеся в международном обычном праве, как, например, закрепленный в ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров принцип *pacta sunt servanda*, могут быть отнесены к категории общепризнанных принципов и норм международного права¹⁶³.

Суд Союза в своей практике применяет основные принципы международного права, как, например, принцип добросовестного выполнения международных обязательств, общеправовые принципы, например, *non bis in idem*, принцип правовой определенности, формируемые

¹⁶¹ См., например: Шумилов В.М. Международное экономическое право: учебник для магистров. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. С. 208; Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Роль международного обычая в правовом обеспечении политики государства // Международное право и современные теории международных отношений: аспекты сочетаемости (Материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г.): Научное издание / Под ред. А.Н. Вылегжанина. М.: Аспект Пресс; МГИМО-Университет, 2013. С. 38–56.

¹⁶² Шумилов В.М. Указ. соч. С. 209.

¹⁶³ См.: Этинин К.В. Роль международных договоров и международного обычного права в правопорядке ЕС и ЕАЭС // Международное правосудие. 2021. № 1. С. 102–130.

общие принципы права Союза, в том числе, принцип пропорциональности, законных ожиданий, и др.

Применение интеграционными судами международного обычая при осуществлении правосудия является распространенной практикой. Например, Постоянный апелляционный Суд (Суд по пересмотру) Меркосур применял в своей практике такие принципы международного права, как, например, принцип эстоппель¹⁶⁴, *pacta sunt servanda*, пропорциональности¹⁶⁵, а Суд Андского сообщества исследовал соответствие регистрируемого товарного знака требованиям права Андского сообщества, в том числе добрым нравам (*buenas costumbres*, *исп.*, также – *устоявшаяся практика, общественная мораль, и др.*) и публичному порядку¹⁶⁶.

Следует подчеркнуть роль судебной практики в установлении существования и содержания обычно-правовой нормы, ее воздействие на процесс формирования обычных норм, так как в судебном решении может быть произведено санкционирование обычного правила поведения в качестве правовой нормы (то есть образование элемента *opinio juris*).

Анализируя состав источников, которые применяет Суд ЕАЭС при осуществлении правосудия согласно п. 5 °Статута Суда, можно отметить, что к их числу не отнесены, например, судебные решения, а также нормы «мягкого права» (рекомендации, стратегии, декларации, и др.). Такой подход соответствует традиционной концепции источников права, согласно которой к источникам права относятся создающие юридические обязательства для неопределенного круга лиц формы права. Вместе с тем, как отмечал Г.И. Тункин, нормообразование в международном праве не ограничивается договором и обычаем, в него входят и некоторые другие процессы. Указанные процессы не ведут непосредственно к образованию норм общего международного права, то есть не ведут к завершению становления нормы, но представляют определенные стадии становления, развития, изменения и отмены международного права, иначе говоря, стадии в формировании соглашения государств по этим вопросам¹⁶⁷.

Согласно современным представлениям об источниках международного права (на примере источников международного экономического права), к их числу допускается относить всё, что по своим целям и последствиям воздействует на поведение (макроэкономические отношения) государств¹⁶⁸. Взаимодействие различных нормативных систем связывается с идеей формирования глобальной нормативной системы¹⁶⁹, которую образует взаимосвязанный набор самостоятельных, автономных регулятивных комплексов, находящихся в тесном, часто неразрывном взаимодействии друг с другом¹⁷⁰. В качестве примера взаимодействия различных правовых систем и правовых регуляторов следует указать БРИКС, сотрудничество государств

¹⁶⁴ Jessica M. Guevara. Equity in MERCOSUR: The Use of Estoppel in a Customs Union Created for and by Countries of the Civil System of Law // 20 LAW & BUS. REV. AM. 303 (2014). URL: <https://scholar.smu.edu/lbra/vol20/iss2/5>

¹⁶⁵ Olivares Tramón J.M. La evolución de la solución de controversias en el MERCOSUR y la aplicación uniforme de sus normas // Revista De Derecho (Coquimbo. En línea), 2006. 13(2), 101–147. P. 118–119. URL: <https://doi.org/10.22199/S07189753.2006.0002.00005>

¹⁶⁶ Так, Андский суд в решении от 12 декабря 1988 г. (Proceso № 4-IP-88) отметил, что при толковании понятий «добрые нравы», «публичный порядок» их следует понимать в широком, изменяющемся и относительном смысле, который им обычно придается в сравнительном правоведении. Под «добрыми нравами» следует понимать соответствие поведения принятой или преобладающей морали в соответствии с местом и временем. Обычно это выражение имеет общий этический смысл, а не строго коммерческий, и относится, среди прочего, к поведению, которое противопоставляется противоречию социальной морали. А знак любого типа, словесный или образный, который можно использовать как оправдание или простую пропаганду такого рода поведения, не подлежит регистрации в качестве товарного знака (см.: Решение Суда Андского сообщества от 12 декабря 1988 г. (Proceso № 4-IP-88). URL: <https://www.comunidadandina.org/DocOficialesFiles/Procesos/4-IP-88.doc>).

¹⁶⁷ См.: Тункин Г.И. Теория международного права / Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. М.: Зерцало, 2006. С. 142–143.

¹⁶⁸ См.: Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право. (пер. с франц.). М., 2002; Шумилов В.М. Международное экономическое право: Учебник для магистров. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. С. 217.

¹⁶⁹ См.: Шумилов В.М. Глобальная нормативная система и ее составляющие // Государство и право. 2017. № 4. С. 72–78.

¹⁷⁰ См.: Шумилов В.М. Критический взгляд на некоторые зарубежные доктрины международного экономического права в свете учения М.М. Богуславского // Международные экономические отношения: публично-правовое и частноправовое регулирование / Отв. ред. С.И. Крупко. М.: Норма, 2024. С. 46.

в котором строится преимущественно на основе норм «мягкого права», которые на добровольной основе реализуются в национальных правовых системах государств-участников.

Следует отметить особую роль решений судов интеграционных объединений в качестве источника правового регулирования интеграционных отношений и закрепление за ними прецедентного характера, например, в праве Европейского союза¹⁷¹.

Применительно к судам интеграционных объединений Латинской Америки можно констатировать, что их статутные документы не указывают на прецедентный характер судебных решений, но в юридической доктрине обосновывается их влияние на правовое регулирование интеграционных отношений.

Судам интеграционных объединений свойственна особая цель, связанная с обеспечением единообразного толкования и применения права интеграционного объединения. Работа по достижению этой цели способствует влиянию интеграционных судов на формирование единообразного правового регулирования в интеграционных объединениях.

Осуществляя функцию контроля соблюдения государствами – членами Договора о Союзе, соответствия международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза Договору о ЕАЭС, а также обеспечения единообразного применения права Союза Суд ЕАЭС действует в целях обеспечения прав и интересов неопределенной группы лиц, государств – членов и Союза в целом¹⁷². Такая функция Суда ЕАЭС способствует формированию гармоничного, «бесконфликтного» правового пространства ЕАЭС.

В результате признания решения Комиссии не соответствующим Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках ЕАЭС у Комиссии возникает обязанность по приведению его в соответствии с Договором о Союзе и (или) международными договорами в рамках Союза (п. 111 Статута Суда). Следовательно, последующее изменение либо отмена такого решения Комиссией будет означать изменение либо отмену решения органа интеграции, что будет иметь юридическое значение для всех лиц, применяющих данное решение.

Кроме того, Суд ЕАЭС, осуществляя рассмотрение споров по конкретным делам, восполняет пробелы правового регулирования в тех случаях, когда общественные отношения развиваются быстрее, чем вносятся изменения в право Союза, либо, когда практика применения норм выявляет недостаточность либо несовершенство правового регулирования. В качестве примера можно привести оспаривание хозяйствующим субъектом невыдачу ему предупреждения Комиссией при изменении правовой квалификации признаков нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках. Суд ЕАЭС в решении по данному спору указал, что отсутствие правового регулирования выдачи предупреждения на стадиях проведения расследования, рассмотрения дела в случае изменения правовой квалификации нарушения не может служить препятствием для предоставления хозяйствующему субъекту тех процессуальных гарантий, которые были бы доступны ему на стадии рассмотрения заявления (материалов), включая выдачу предупреждения. Выдача предупреждения на любой стадии производства по делу о нарушении общих правил конкуренции согласуется с принципом равенства перед законом¹⁷³.

Суды интеграционных объединений, осуществляя возложенные на них функции, способствуют проведению в жизнь основных принципов и свобод общего рынка ЕАЭС, например, свободного движения трудящихся, товаров и услуг.

Правовая позиция Суда Союза, выработанная при решении конкретного дела, со временем может стать нормой права¹⁷⁴. Данное положение применимо как к правовым позициям,

¹⁷¹ См.: *Марченко М.Н.* Европейский союз и его судебная система: Монография. М.: Проспект, 2021. С. 53.

¹⁷² Евразийская интеграция: роль Суда / Под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015. С. 21.

¹⁷³ См. абз. 6, 7 п. 5.3.1. решения Коллегии Суда ЕАЭС от 15 июня 2023 г. по делу C-4/23. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-4.23/.

¹⁷⁴ См.: *Нешатаева Т.Н.* Суд Евразийского экономического союза: практика и право // Российский ежегодник междуна-

сформулированным по делам о разрешении споров, так и по делам о разъяснении права Союза. Последние играют особую роль в развитии права Союза. Не обладая юридической обязательностью, консультативные заключения Суда ЕАЭС ориентируют органы Союза, государства – члены в их нормотворческой и правоприменительной практике. Примером может служить отмена ряда ограничений в области трудовой деятельности, установленных на уровне законодательства в отношении граждан государств – членов Союза (профессиональных спортсменов), имеющих право выступать за спортивные сборные команды государств – членов ЕАЭС, после принятия консультативного заключения Суда Союза от 7 декабря 2018 г.¹⁷⁵

Таким образом, решения и консультативные заключения Суда Союза, хотя и не поименованы как источник права Союза, влияют на правовое регулирование интеграционных отношений, обеспечивая единообразное толкование и применение права Союза, восполняя пробелы правового регулирования, формируя правовые обычаи, претворяя в жизнь принципы интеграции, разрабатывая правовые позиции, оказывающие влияние на нормотворчество и правоприменение в органах ЕАЭС и государствах – членах Союза.

§ 5. Характеристика норм, включаемых в акты интеграционного права

5.1. Нормы-принципы

На вершине иерархии норм интеграционного права находятся нормы-принципы, которые обладают императивным характером.

Суду ЕАЭС неоднократно приходилось формулировать будущее позитивное право в правовых позициях с применением общих принципов, что предусмотрено п. 5 °Статута Суда ЕАЭС¹⁷⁶. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

Равенство. Принцип равенства закреплен в Договоре о Союзе применительно к суверенному равенству государств – членов Союза (преамбула Договора), в качестве одного из принципов деятельности ЕАЭС (ст. 3 Договора), а также в качестве принципа осуществления судопроизводства Судом ЕАЭС – равенство сторон спора (п. 53 Статута Суда).

В своей практике Суд Союза обращался к принципу равенства перед законом как обеспечению соблюдения процессуальных гарантий хозяйствующего субъекта в отношении выдачи ему предупреждения на любой стадии производства по делу о нарушении общих правил конкуренции, даже если отсутствовало правовое регулирование выдачи предупреждения на стадиях проведения расследования, рассмотрения дела в случае изменения правовой квалификации нарушения¹⁷⁷.

Предоставляя консультативное заключение по вопросу о разъяснении положений Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов ЕАЭС от 20 декабря 2019 г., Суд ЕАЭС также обратился к принципу равенства, указав, что установление в п. 1 ст. 3 Соглашения о пенсионном обеспечении равных условий и порядка формирования пенсионных прав за счет пенсионных взносов является основанием для уравнивания ставок (тарифов)

родного права 2023 года. СПб., 2024. С. 52.

¹⁷⁵ URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/P-3.18/.

¹⁷⁶ См.: *Нешатаева Т.Н.* Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 123.

¹⁷⁷ Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 15 июня 2023 года по делу С-4/23 Белмедпрепараты, абз. 6, 7 и 10 п.п. 5.3.1. пункта 5.3. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-4.23/

пенсионных взносов применительно к трудящимся государств – членов ЕАЭС и гражданам государства трудоустройства¹⁷⁸.

Добросовестность. В консультативном заключении от 22 ноября 2022 г. по делу о способах обеспечения заявок в рамках государственных закупок Суд ЕАЭС указал на принцип добросовестного выполнения государствами принятых обязательств как один из принципов осуществления Союзом своей деятельности. Суд отметил, что государства – члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза, в том числе в сфере государственных (муниципальных) закупок¹⁷⁹.

Суд также указывал на добросовестность исполнения положений права Союза¹⁸⁰ и исполнения решений Суда¹⁸¹.

Следующим примером может служить межгосударственный спор, рассмотренный в Суде ЕАЭС по заявлению Российской Федерации о соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе, ст. 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, ст. 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов Таможенного союза.

Согласно ст. 1 Договора о ЕАЭС в Союзе обеспечивается свобода движения товаров. На практике каждая страна на основе компьютерных программ оценивала риски (система управления рисками) движения товаров, и программы, установленные в Республике Беларусь, признавали товары, произведенные в Калининграде, бесхозными или иностранными. Товары конфисковывали. Республика Беларусь полагала, что товаропроизводители из Калининграда должны были использовать процедуры правовой помощи и запрашивать особый порядок проверки движения товаров. Суд ЕАЭС решил, что Договор не предусматривает такого подхода и свобода движения товара предполагает добросовестность исполнения международного договора. Исковые требования Российской Федерации были удовлетворены.

«Большая коллегия Суда констатирует предоставленное государствам – членам Договором о Союзе и ТК ТС право на таможенный контроль, проводимый государствами – членами на основе национальной системы управления рисками. Однако такой контроль не должен ущемлять права других государств – членов, грузы которых и сопроводительные документы к ним, выданные компетентными органами»¹⁸², должны признаваться достоверными при условии подтверждения их органами ТПП РФ, что может быть отменено лишь в Российской Федерации.

Иными словами, Суд ЕАЭС, как и предписывает добросовестность (*bona fides*), ввел запрет на перепроверку товаросопроводительных документов, останавливающую движение товара по территории ЕАЭС. Последнее определялось как нарушение принципа добросовестности. Впоследствии судебная позиция, сформулированная в этом деле, вошла в норму уточненной редакции Таможенного кодекса ЕАЭС¹⁸³.

¹⁷⁸ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 18 октября 2022 года по делу P-3/22 о пенсионном обеспечении трудящихся ЕАЭС, п. 5.1 раздела III «Выводы Суда». URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.22/.

¹⁷⁹ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 22 ноября 2022 года по делу P-4/22 о способах обеспечения заявок в рамках государственных закупок, абз. 2–3 п. 5 раздела III «Выводы Суда». URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-4.22/.

¹⁸⁰ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 18 июня 2019 года по делу P-1/19 о *non bis in idem*, абз. 5 п. 7 ч. III «Выводы» // Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2023 года. URL: <https://courteurasian.org/analytics/#publications>.

¹⁸¹ Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 13 июня 2023 года по делу C-1/23 *ТранспортейшнРус/Шиптрейд*, абз. 9 п. 5.2 // Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2023 года. URL: <https://courteurasian.org/analytics/#publications>.

¹⁸² Решение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 года по делу C-2/16 о калининградском транзите. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/.

¹⁸³ См.: *Нештаева Т.Н.* Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 123–124.

Справедливость. В решениях Суда ЕАЭС справедливость оказалась востребована в следующих формах: запрет правовой неопределенности, непропорциональности, несоразмерности¹⁸⁴, запрет двойных санкций (мер ответственности)¹⁸⁵, запрет неоправданного нарушения равенства в виде дискриминации и т. д.

В решениях международных судов принцип справедливости, как правило, соотносится с принципом равенства¹⁸⁶. Однако в решениях евразийского суда справедливость и добросовестность скорее рассматривались как парная категория, отражающая количественную и качественную характеристику развития правоотношения. Заметим, что в римском праве эти принципы также рассматривались как две стороны одной медали, как создающие основу равноправия (равенства).

Так, в консультативном заключении Суда ЕАЭС от 23 ноября 2021 г. по делу по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений ст. 92 Договора о Союзе Суд указал: «Рассматривая Союз как международную организацию региональной экономической интеграции с гарантированными в ней четырьмя свободами движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы (ст. 1 Договора), функционирующую на основании принципов, целей и соответствующих им норм о таможенном союзе и едином экономическом пространстве, Большая коллегия Суда приходит к выводу, что в Союзе при регулировании экономических отношений, предусмотренных Договором, должны создаваться равные условия для добросовестной конкуренции и взаимной торговли, в основе которых лежит недискриминация»¹⁸⁷.

Пропорциональность. Согласно принципу пропорциональности ограничение прав и свобод человека возможно только при наличии законной и обоснованной цели.

Суд, определяя допустимость ограничения свободы движения товаров, выделил два основных условия допустимости применения ограничений: цель принятия национальной меры должна соответствовать одному из оправдывающих обстоятельств (в праве Союза – п. 1 ст. 29 Договора); национальная мера не должна являться средством произвольной дискриминации или замаскированного ограничения в торговле между государствами – членами и должна быть пропорциональной¹⁸⁸.

К принципу пропорциональности Суд ЕАЭС обращался и при разъяснении вопроса об условиях допустимости установления ограничений в целях защиты национального рынка труда. Так, п. 2 ст. 97 Договора допускает возможность установления Договором и законодательством государств – членов ограничений «в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка». Государства – члены обладают дискрецией в определении мер национальной безопасности и общественного порядка, а также отраслей экономики, имеющих стратегическое значение. Вместе с тем государственные меры должны быть пропорциональны, т. е. соответствовать достижению поставленных задач по обеспечению национальной безопасности (в том

¹⁸⁴ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 30 октября 2017 года по делу Р-3/17 о свободном движении товаров; Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 15 октября 2018 года по делу Р-2/18 о декларировании денежных средств; Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 года по делу Р-3/18 о профессиональных спортсменах; Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 11 января 2021 года по делу Р-3/20 о государственных закупках.

¹⁸⁵ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 18 июня 2019 года по делу Р-1/19 о non bis in idem.

¹⁸⁶ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 года по делу Р-5/18 о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов.

¹⁸⁷ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 23 ноября 2021 года по делу Р-2/21 о промышленной политике, абз. 3 пункта 2 части II «Выводы Суда». Цит. по: *Неиштаева Т.Н.* Общие принципы права и практика Суда Евразийского экономического союза // Журнал конституционного правосудия. 2022. Т. 88. № 4. С. 36.

¹⁸⁸ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 30 октября 2017 года по делу Р-3/17 о свободном движении товаров, абз. 6 п. 7 // Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2023 года. URL: <https://courteurasian.org/analytics/publications>.

числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка и предусматривать лишь то, что необходимо для их достижения¹⁸⁹.

5.2. В преамбуле Договора о Союзе указывается на необходимость безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, что предопределяет важность данного принципа в системе права Союза и необходимость обеспечения его защиты.

В консультативном заключении от 20 декабря 2018 г. по делу о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов Союза Суд ЕАЭС пришел к выводу о том, что в связи с закрепленной в преамбуле Договора приверженностью безусловному соблюдению принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина уровень таких прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах – членах¹⁹⁰. Таким образом, Суд сформулировал правовую позицию о минимальном стандарте прав и свобод человека и гражданина Союза, который не может быть ниже, чем в государствах – членах ЕАЭС.

Принцип защиты прав человека и гражданина находит свое отражение в практике Суда посредством применения таких принципов, как принцип правовой определенности, законных ожиданий, защиты слабой стороны, невозможности двойных санкций.

Так, например, в делах о таможенной классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, Суд ЕАЭС обращался к принципу правовой определенности, согласно которому текст решения Комиссии о классификации товара должен позволить заинтересованным хозяйствующим субъектам сделать однозначный выбор кода Товарной номенклатуры¹⁹¹.

Принцип невозможности наложения двойных санкций закреплен в правовой позиции Суда о том, что при пресечении нарушений общих правил конкуренции одно лицо не может быть одновременно подвергнуто ответственности за совершение одного и того же деяния решениями Комиссии и уполномоченного органа государства – члена. В таком случае обращение к принципу *non bis in idem* и обязанность добросовестного исполнения положений права Союза влекут отмену решения, принятого с нарушением требований Договора о разграничении полномочий между ЕЭК и национальными органами¹⁹².

Формируемые Судом правовые позиции, касающиеся защиты прав хозяйствующих субъектов, могут стать основой для разработки Хартии об экономических правах.

5.3. Особенности применения норм Договора о ЕАЭС и международных договоров в рамках Союза

Применительно к реализации международных договорных обязательств в национальной правовой системе различаются самоисполнимые и несамоисполнимые договорные положения.

Первые не нуждаются для своего осуществления в издании имплементационного законодательства, могут быть *непосредственно применены во внутригосударственных отношениях*,

¹⁸⁹ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 года по делу P-3/18 о профессиональных спортсменах, абз. 1 п. 5 ч. III «Выводы» // Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2023 г. URL: <https://courteurasian.org/analytics/#publications>.

¹⁹⁰ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 года по делу P-5/18 о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов Союза, абз. 5 п. 3.1 ч. III «Выводы» // Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2023 года. URL: <https://courteurasian.org/analytics/#publications>.

¹⁹¹ Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 18 июня 2019 года по делу C-1/19 Шиптрейд, абз. 1, 2 п. 5.7. ч. 5 «Выводы Суда». См. также решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 16 июля 2021 года по делу C-2/21 Доминантафарм, абз. 5 п.п. 4.5 // Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2023 года. URL: <https://courteurasian.org/analytics/#publications>.

¹⁹² Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 18 июня 2019 года по делу P-1/19 о *non bis in idem*, абз. 4, 5 п. 7 ч. III «Выводы». URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaep/P-1.19/.

т. е. на них могут непосредственно опираться физические и юридические лица для защиты своих прав, в том числе в суде. Вторые нуждаются для своего осуществления в издании имплементационного законодательства, не могут быть непосредственно применены во внутригосударственных отношениях, т. е. не обладают способностью устанавливать права и обязанности для субъектов внутригосударственного права и быть непосредственно применимыми национальными судами¹⁹³.

Содержание договоров позволяет выявить следующие наиболее значимые признаки исполнимых норм международного права: общее указание в договоре, что его нормы применимы к отношениям в сфере национального права; адресованность нормы юридическим, физическим лицам или органам; детальность (ясный и определенный характер) нормы¹⁹⁴.

При решении конкретных дел Суд ЕАЭС указывал на *непосредственное применение* норм Договора о Союзе и международных договоров в рамках ЕАЭС, отмечая при этом особые свойства соответствующих норм.

Так, в консультативном заключении от 7 декабря 2018 г. Суд ЕАЭС отметил, что формулировки п. 1 и 2 ст. 97 Договора наделяют работодателей, заказчиков работ (услуг) и трудящихся государств – членов правами, а также являются достаточно четкими и ясными, не требуют имплементации в национальное законодательство, – всё это позволяет констатировать наличие у них свойств *прямого действия и непосредственного применения*¹⁹⁵.

В решении Большой коллегии Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 г. указывается, что положения ст. 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза от 21 мая 2010 г. имеют императивный характер, не содержат изъятий или отсылок и в этой связи должны применяться *непосредственно*¹⁹⁶.

В литературе отмечается, что Суд ЕАЭС выделил критерии, при наличии которых норма права Союза обладает прямым действием, что влечет ее непосредственное применение (четкость, ясность и наделение правами заинтересованных лиц), а также выявил наличие таких свойств для установления непосредственного применения нормы права Союза, как императивный характер, отсутствие изъятий или отсылочных положений¹⁹⁷.

5.4. Право Союза устанавливает порядок оспаривания решений, действий (бездействия) Комиссии

Согласно абзацам четвертому-пятому пп. 1 п. 39 Статута Суда, Суд рассматривает споры по заявлению государства – члена о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза; об оспаривании действия (бездействия) Комиссии.

В соответствии с пп. 2 п. 39 Статута Суда Суд рассматривает споры по заявлению хозяйствующего субъекта:

● о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринима-

¹⁹³ См.: Осминин Б.И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право: Монография. М.: Инфотропик Медиа, 2010.

¹⁹⁴ См.: Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: Монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011.

¹⁹⁵ Абзац 9 п. 2 раздела III «Выводы» консультативного заключения Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 г. по делу P-3/18 о профессиональных спортсменах. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaew/P-3.18/.

¹⁹⁶ См. абзац 4 пункта 7 решения Большой коллегии Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 г. по делу C-2/16. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaew/C-2.16/.

¹⁹⁷ См.: Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Право Союза как автономная правовая система. Основные свойства права Союза // Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС. М.: Проспект, 2021. С. 65, 62.

тельской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

● об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

На основании п. 43 Статута Суда спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству – члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

Статут Суда устанавливает, что, если государство – член или Комиссия в течение 3 месяцев со дня поступления к ним обращения заявителя не приняли мер по урегулированию вопроса в досудебном порядке, заявление о рассмотрении спора может быть направлено в Суд. По взаимному согласию сторон спора спор может быть передан на рассмотрение Суда до истечения трехмесячного срока (п. 44–45 Статута Суда).

Решением Коллегии Комиссии от 19 марта 2013 г. № 46 утвержден Порядок рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений ЕЭК, их отдельных положений или действий (бездействия) ЕЭК, который регламентирует процедуру рассмотрения в досудебном порядке обращений хозяйствующих субъектов, направляемых в Комиссию в соответствии с п. 43 Статута Суда для урегулирования споров с Комиссией по вопросам реализации ею своих полномочий.

В соответствии с п. 4 указанного Порядка рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов рассмотрению подлежат обращения, в которых содержатся требования о признании решения, его отдельных положений и (или) действий (бездействия) Комиссии не соответствующими Договору и международным договорам в рамках ЕАЭС, о нарушении прав, предоставленных заявителю Договором и международными договорами в рамках Союза, а также его законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно Порядку рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов, прием, первоначальная обработка, учет, регистрация, распределение обращений и дальнейшая работа с ними осуществляются в соответствии с Правилами внутреннего документооборота в ЕЭК, а также с учетом Порядка работы с документами ограниченного распространения (конфиденциальными и для служебного пользования) в Комиссии. Обращения хозяйствующих субъектов об оспаривании решений, их отдельных положений или действий (бездействия) Комиссии передаются на рассмотрение в Правовой департамент Комиссии. Соисполнителями по обращениям являются департаменты Комиссии, к компетенции которых относятся указанные в обращении вопросы.

В соответствии с п. 18.1. Порядка рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов досудебный порядок урегулирования спора между Комиссией и хозяйствующим субъектом считается соблюденным только в отношении тех требований, которые были указаны в обращении и рассмотрены Комиссией в соответствии с Порядком. В отношении иных требований, которые в обращении не указывались, досудебный порядок урегулирования спора считается несоблюденным. Согласно п. 18.2. рассматриваемого Порядка, в случае если заявитель не согласен с ответом Комиссии на свое обращение, рассмотренное в соответствии с настоящим Порядком, он вправе обратиться в Суд Союза с заявлением, содержащим те же требования, что были указаны в обращении. Требования, отличные от ранее рассмотренных Комиссией,

могут быть предъявлены в Суд Союза только после соблюдения досудебного порядка урегулирования спора в соответствии с Порядком.

5.5. Согласно п. 95 Статута Суда по процедурным вопросам своей деятельности Суд принимает *постановления*. В соответствии с п. 96 Статута Суда по результатам рассмотрения спора Суд выносит *решение*, а по заявлению о разъяснении предоставляет *консультативное заключение*.

Основываясь на компетенции Суда Союза, закрепленной в п. 39 Статута Суда, Суд ЕАЭС осуществляет контроль за соблюдением государствами – членами Союза Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также за соответствием международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, действий (бездействия) Комиссии Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза.

В соответствии с закрепленной за Судом ЕАЭС компетенции Суд выносит решения:

- о соответствии / несоответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору о ЕАЭС;

- об установлении факта соблюдения / несоблюдения государством – членом (государствами – членами) Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений;

- о соответствии / несоответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору о Союзе, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза;

- о признании оспариваемого действия (бездействия) соответствующим / не соответствующим Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза (п. 104–109 Статута Суда).

По результатам рассмотрения дела об обжаловании решения Коллегии Суда Апелляционная палата Суда в соответствии с п. 11 Статута Суда выносит одно из следующих решений: 1) об оставлении решения Коллегии Суда без изменения, а заявления об обжаловании – без удовлетворения; 2) об отмене полностью или в части либо об изменении решения Коллегии Суда, вынесении нового решения по делу в соответствии с п. 108 и 109 Статута Суда.

Срок вынесения Судом ЕАЭС решения по результатам рассмотрения спора и срок предоставления консультативного заключения по заявлению о разъяснении согласно п. 96 Статута Суда равен 90 дней. При этом в соответствии с п. 97 Статута Суда, п. 2 ст. 37 Регламента Суда срок вынесения решения по спорам, предметом которых являются вопросы предоставления промышленных субсидий, мер государственной поддержки сельского хозяйства, применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, может быть продлен, но не может превышать 135 календарных дней.

Обжалование решений Коллегий Суда в Апелляционную палату Суда возможно в течение 15 дней со дня вынесения решения, а срок рассмотрения апелляционной жалобы Судом составляет 45 дней.

В соответствии с п. 116 Статута Суда акты Суда ЕАЭС подлежат опубликованию в официальном бюллетене Суда и на официальном интернет-сайте Суда.

Характеризуя вопрос юридической силы актов Суда Союза, следует отметить, что решение Суда, вынесенное по результатам рассмотрения спора по заявлению государства – члена, предусмотренного пп. 1 п. 39 Статута Суда, является обязательным для исполнения сторонами спора. А решение Суда, вынесенное по результатам рассмотрения спора по заявлению хозяйствующего субъекта, предусмотренного пп. 2 п. 39 Статута Суда, является обязательным для исполнения Комиссией.

Таким образом, решения Суда ЕАЭС являются обязательными для субъектов спора в отношении которых они вынесены.

5.6. Пункт 46 Статута Суда закрепляет, что Суд по заявлению государства – члена или органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями.

Обращение в Суд от имени государства – члена с заявлением о рассмотрении спора или с заявлением о разъяснении согласно п. 49 Статута Суда осуществляется уполномоченными органами и организациями государства – члена, перечень которых определяется каждым государством – членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

Пунктом 48 Статута Суда предусмотрено осуществление Судом разъяснения положений международного договора Союза с третьей стороной, если это предусмотрено таким международным договором.

В соответствии с п. 98 Статута Суда консультативное заключение Суда, предоставляемое Судом по результатам разъяснения права Союза в порядке п. 46 Статута Суда, носит рекомендательный характер.

Рекомендательный характер консультативного заключения в силу складывающейся практики показывает учет правовых позиций, содержащихся в консультативных заключениях, в деятельности нормотворческих и правоприменительных органов Союза и государств – членов в первоочередном порядке. Отсюда правовые позиции Суда способствуют выработке единообразного применения государствами – членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза, что является целью деятельности Суда согласно п. 2 Статута Суда.

Судебная правовая позиция – это ясное правило поведения субъектов спорного правоотношения, возникающее в результате деятельности суда по установлению единообразного понимания действующей нормы права¹⁹⁸.

Суд в спорных ситуациях обязан быстро и эффективно заполнить пробел, устранить неясность, двусмысленность в праве ЕАЭС с целью ликвидации проблем текущего правоприменения в государствах – членах.

Иной путь реализации евразийских судебных правовых позиций, сформулированных в виде четкого правила, – повторение в судебных актах национальных судов государств – членов Союза и в судебных актах международного суда, впервые сформулировавшего такое правило. Неоднократное применение судами одной и той же формулы свидетельствует о сложившейся судебной практике – единообразной позиции международного суда¹⁹⁹. Иными словами, суд создает стандарт, шаблон применения конкретной нормы права. Такой стандарт затем переводится в писаную норму субъектами международного права или остается практическим правилом, повторяемым судами²⁰⁰.

5.7. В соответствии с п. 1 ст. 79 Регламента Суда в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения Суда.

Однозначной оценки института особых мнений в современных условиях не существует.

Основное значение особых мнений состоит в том, что международные судьи вправе предлагать несколько формул правовых позиций, признавая официальной единственную, выраженную в судебном акте, подписанном всеми судьями. При этом судья, излагающий собственную

¹⁹⁸ См.: *Нештаева Т.Н.* Суд ЕАЭС: от правовой позиции к действующему праву // Российское правосудие. 2017. № 9. С. 5–21.

¹⁹⁹ *Jacob M.* Precedents and Case-based Reasoning in the European Court of Justice. Cambridge UP, 2014, 339 p.

²⁰⁰ См.: *Нештаева Т.Н.* Особое мнение как точка равновесия между интернационализмом и этатизмом // Закон. 2018. № 10. С. 177.

формулу, предлагает обществу, регулирующему органу право выбора формулы, которая, возможно, в будущем и будет воспринята статутной нормой.

С одной стороны, особые мнения высвечивают столкновение аргументации при выработке правовой позиции, не затрагивая тайны совещания по принятию судебного акта. Но, с другой стороны, именно особые мнения позволяют обществу контролировать процесс создания, а затем и развития таких позиций.

Особые мнения судей интеграционного суда позволяют определить точку равновесия между наднациональным (международным) и этатистским (внутригосударственным или личностным) подходом в толковании международных норм.

Цель разрешения международного спора – исчерпание конфликта с возмещением потерь; в то время как цель толкования – «излечение» норм интеграционного права. Обе эти функции являются специфической характеристикой функционирования международного суда, призванного реализовать их в каждом деле. При этом участникам спорных отношений удастся уяснить содержание позиций только при совокупном прочтении судебных решений и особых мнений судей²⁰¹.

5.8. Правом Союза определен порядок вступления в силу и исполнения решений Суда Союза.

Так, в соответствии со ст. 81 Регламента Суда решение Большой коллегии Суда вступает в силу с даты его вынесения, является окончательным и не подлежит обжалованию. Согласно ст. 82 Регламента Суда решение Коллегии Суда является решением Суда и вступает в силу по истечении 15 календарных дней с даты его вынесения, если оно не было обжаловано в Апелляционную палату Суда. На основании ст. 83 Регламента Суда решение Апелляционной палаты Суда является решением Суда, вступает в силу с даты его вынесения, является окончательным и обжалованию не подлежит.

В соответствии с п. 111 Статута Суда решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, если иной срок не установлен в решении Суда.

На основании п. 103 Статута Суда без ущерба положениям п. 111–113 Статута Суда стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда.

Пункт 115 Статута Суда предусматривает, что в случае неисполнения Комиссией решения Суда хозяйствующий субъект вправе обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению. В свою очередь Суд по ходатайству хозяйствующего субъекта в течение 15 календарных дней с даты его поступления обращается в Высший совет для принятия им решения по данному вопросу.

Вопросы исполнения Комиссией решений Суда ЕАЭС решались в том числе посредством указания соответствующих положений в судебных актах. Например, в решении от 13 июня 2023 г. по делу С-1/23 *ТранспортейшнРус/Шиптрейд* Коллегия Суда ЕАЭС, основываясь на правовой позиции, сформированной Судом в решении от 14 марта 2023 г. по делу С-6/22 *Польские машины*, отметила, что «решения Комиссии, признанные Судом не соответствующими Договору и международным договорам в рамках Союза, должны быть приведены в соответствие с правом Союза без ущерба для единообразия, установленного Судом». Коллегия Суда подчеркнула недопустимость формального изменения решения во исполнение резолютивной части решения Суда без учета правовых позиций, изложенных в его мотивировочной части²⁰².

²⁰¹ См.: *Нешатаева Т.Н.* Особое мнение как точка равновесия между интернационализмом и этатизмом // Закон. 2018. № 10. С. 175–183.

²⁰² См. абзац 13 пункта 5.4 решения Коллегии Суда ЕАЭС от 13 июня 2023 года по делу С-1/23 *ТранспортейшнРус/Шиптрейд*. URL: https://courteurasian.org/court_cases/aeu/%D0%A1-1.23/.

Данный вывод подтвержден в решении Апелляционной палаты Суда от 2 октября 2023 г. по делу С-1/23 *ТранспортейшнРус/Шиптрейд*²⁰³.

В качестве примеров исполнения решений Суда ЕАЭС приведем следующие. По результатам рассмотрения Судом дела С-1/23 по заявлению ООО «Транспортейшн Рус», ООО «Шиптрейд» решение Коллегии ЕЭК от 31 января 2018 г. № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (в редакции решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 января 2020 г. № 20 «О внесении изменения в решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 г. № 15») было признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза. Решением Коллегии ЕЭК от 30 ноября 2023 г. № 169 «О признании утратившими силу некоторых решений Коллегии Евразийской экономической комиссии» данные два решения Комиссии были признаны утратившими силу, решение вступило в силу с 3 января 2024 г.

По делу С-2/21 *Доминантафарм* об оспаривании решения Коллегии ЕЭК от 14 октября 2019 г. № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» решение Комиссии было признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках ЕАЭС. Результатом исполнения решения Суда стало то, что в решение Комиссии № 180 были внесены изменения на основании решения от 13 сентября 2021 г. № 119²⁰⁴.

5.9. К правовым позициям (правовым формулам), повторяющимся Судом ЕАЭС при решении конкретных дел и позволяющим отмечать формирующееся правило поведения, можно отнести следующие. В настоящее время эти позиции действуют в качестве судебного обычая, сформулированного Судом ЕАЭС и реально регулирующего современные интеграционные отношения в Союзе.

Например, при определении компетенции Суда ЕАЭС по рассмотрению споров по заявлению хозяйствующих субъектов необходимо наличие следующих одновременно действующих условий: спор возник по вопросу реализации решений органов Союза; решение Комиссии или его отдельные положения непосредственно затрагивают права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности²⁰⁵.

В консультативном заключении Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 г. по делу о критериях допустимости вертикальных соглашений Суд Союза сформулировал правовую позицию о том, что правила в сфере защиты конкуренции на трансграничных рынках урегулированы правом Союза и относятся к единой политике (наднациональное регулирование). Кроме того, Суд пришел к выводу о том, что для отнесения определенной сферы к единой политике необходимо соответствие следующим условиям: 1) наличие унифицированного правового регулирования, 2) передача государствами – членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий²⁰⁶.

²⁰³ См. абзац 4 пункта 4.1.2 решения Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 2 октября 2023 года по делу С-1/23 *ТранспортейшнРус/Шиптрейд*. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/%D0%A1-1.23/.

²⁰⁴ В соответствии с решением Комиссии № 119 слова «для восполнения дефицита магния в организме и ассоциированных с ним клинических симптомов» были заменены словами «при дефиците магния для нормализации концентрации магния в организме, не имеющий указаний для использования в терапевтических или профилактических целях в отношении конкретных заболеваний».

²⁰⁵ Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 1 марта 2022 г. по делу С-8/21 ГЛОБАЛ ФАРМА, абз. 3 пп. 5.1.1. п. 5 // Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2023 года. URL: <https://courteurasian.org/analytics/#publications>.

²⁰⁶ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 г. по делу Р-1/17 о критериях допустимости вертикальных соглашений, абз. 7, 9-11 п. 1 // Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2023 года. URL: <https://courteurasian.org/analytics/#publications>.

Учитывая распространенность дел о таможенной классификации товаров в числе рассматриваемых Судом ЕАЭС дел, следует отметить сформулированную Судом правовую позицию о двух признаках, которые необходимо учитывать при классификации товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС. Основным критерием для классификации товаров в целях таможенного декларирования являются объективные характеристики и свойства товара, соответствующие наименованию конкретной товарной позиции ТН ВЭД. Объективным критерием для классификации товара также является его предполагаемое назначение, которое подлежит оценке на основании объективных характеристик и свойств товара. Таким образом, критерием для оценки обоснованности отнесения товара к определенной подсубпозиции ТН ВЭД в решении Комиссии является функциональное назначение данного товара, в котором выражаются его объективные свойства²⁰⁷.

Важное значение для регулирования трудовых отношений имеет правовая позиция Суда Союза о том, что положения п. 1 и 2 ст. 97 Договора не допускают применение и установление ограничений трудовой деятельности, например, профессиональных спортсменов, являющихся трудящимися государств – членов на уровне национального законодательства и подзаконных актов, а также запрещают применять соответствующие ограничения организациям физической культуры и спорта, являющимся работодателями профессиональных спортсменов, независимо от того, установлены соответствующие ограничения законами или подзаконными актами либо введены локальными актами соответствующей организации²⁰⁸.

В консультативном заключении Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 г. по делу о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов Союза закреплена правовая позиция, устанавливающая стандарт гарантирования Союзом прав и свобод человека и гражданина, который не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах – членах²⁰⁹. Кроме того, закреплена правовая позиция, имеющая важное значение для гарантий статуса международных служащих ЕАЭС, которая состоит в том, что стаж работы в международных (межгосударственных) организациях включается в стаж государственной гражданской службы. Включение в указанную категорию различных видов государственной службы (государственной гражданской, военной, иных видов) определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации²¹⁰.

Единообразие судебной практики будет способствовать правовая позиция Суда Союза о том, что Суд использует сформированный им единообразный подход к пониманию и толкованию права Союза в схожих обстоятельствах вне зависимости от предмета и сторон спора; при этом для формирования позиции Суда по единообразному пониманию и применению права Союза (нормоконтроль) не имеет значения отсутствие идентичности обстоятельств (отсутствие преюдициальности). Решения Комиссии, признанные Судом не соответствующими Договору и международным договорам в рамках Союза, должны быть приведены в соответствие «без ущерба» для единообразия, установленного Судом. С учетом окончательности вступивших в

²⁰⁷ Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 4 апреля 2016 года по делу С-6/15 Джеренал Фрейт, абз. 1, 3 подп. II ч. «Выводы Суда». См. также решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 15 июля 2021 года по делу С-1/21 СУЭК-Кузбасс, абз. 2 п.п. 5.1.6 // Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2023 года. URL: <https://courteurasian.org/analytics/#publications>.

²⁰⁸ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 года по делу Р-3/18 дело о профессиональных спортсменах, абз. 6 п. 4, абз. 3 п. 5 ч. III «Выводы» // Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2023 года. URL: <https://courteurasian.org/analytics/#publications>.

²⁰⁹ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 года по делу Р-5/18 о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов Союза, абз. 5 п. 3.1 ч. III «Выводы». URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.18/.

²¹⁰ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 года по делу Р-5/18 о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов Союза, абзац 8 пункта 3.2 раздела III «Выводы Суда». URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.18/.

силу решений Суда дискреция Комиссии по принятию решений ограничена обязательными для исполнения решениями Суда по идентичным вопросам²¹¹.

Литература

1. *Безбородов Ю.С.* Международные модельные нормы. М.: Волтерс Клувер, 2008. 152 с.
2. *Доронина Н.Г.* Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6.
3. Евразийская интеграция: роль Суда / Под ред. д.ю.н., проф. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015.
4. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза: Учебник / Рук. авт. кол. и отв. ред. Л.М. Энтин, М.Л. Энтин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.
5. *Капустин А.Я.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 59–69.
6. *Марочкин С.Ю.* Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: Монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. 288 с.
7. *Марченко М.Н.* Европейский союз и его судебная система: монография. М.: Проспект, 2021.
8. *Нешатаева Т.Н.* Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. 2-е изд. М., 1999.
9. *Нешатаева Т.Н.* Суд и право: евразийская интеграция: Монография / Т.Н. Нешатаева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.
10. Право и межгосударственные объединения / В.Г. Вишняков, В.А. Егизаров, Ю.А. Королев и др. / Под общ. ред. В.Г. Вишнякова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 577 с.
11. Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты: Монография / М.В. Залоило, Е.Е. Рафалюк, Н.В. Власова [и др.]. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: РИОР, 2016. 367 с.
12. *Тихомиров Ю.А.* Курс сравнительного правоведения. М., 1996.
13. *Толстых В.Л.* Курс международного права: Учебник. М.: Проспект, 2019.
14. *Тункин Г.И.* Теория международного права / Под общ. ред. проф. Л.Н. Шестакова. М.: Зерцало, 2006. 416 с.

²¹¹ Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 14 апреля 2023 года по делу С-6/22 Польские машины, см. абз. 4, 5, 9 п. 4.4 ч. 4 «Выводы Апелляционной палаты Суда» // Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2023 г. URL: <https://courteurasian.org/analytics/#publications>.

Глава VII

Ответственность в ЕАЭС

§ 1. Специфика ответственности в интеграционном праве

В самом общем виде понятие юридической ответственности означает особую обязанность правонарушителя, которая выражается в претерпевании лишений личного или имущественного характера²¹². В свою очередь, международную ответственность можно определить как следствие нарушения субъектами международного права своих международно-правовых обязательств. Применению мер ответственности предшествует виновное противоправное поведение субъекта международного права, нарушающее нормы не только данного международного договора, но и общие нормы, и принципы международного права в целом²¹³.

Поскольку международное право отличается от национального, то и ответственность за нарушение международно-правовых обязательств, в том числе в интеграционном праве, имеет целый ряд особенностей: как во времени, так и в пространстве. Во-первых, иногда с момента совершения противоправного деяния и до применения мер ответственности к государству-нарушителю может пройти определенный, нередко достаточно длительный период времени. Это объясняется тем, что мировое сообщество далеко не сразу может подобрать адекватную меру реагирования на содеянное. А во-вторых, «в силу системного характера международного права логически единая правовая норма может находиться в нескольких международно-правовых соглашениях, так как санкции могут фиксироваться в уставах международных организаций, специальных договорах, заключенных с участием международных организаций, а также в решениях их органов»²¹⁴.

Американский юрист К. Иглтон, одним из первых в науке международного права исследовавший проблему ответственности государств, определил ее как «основной принцип международного права, в соответствии с которым государство, под чьей юрисдикцией совершено нарушение, обязано исправить причиненный вред»²¹⁵. В отечественной доктрине принцип ответственности связывался с другим основополагающим принципом международного права – *pacta sunt servanda*, согласно которому государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права для оправдания невыполнения обязательств по международному праву (ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.). «Международно-правовая ответственность, – писал Г.И. Тункин, – это юридические последствия нарушения норм международного права»²¹⁶. В отличие от упомянутых выше авторов, судья Международного трибунала по бывшей Югославии *ad litem* В.А. Василенко усматривал в международном праве два типа ответственности: позитивную и негативную. Позитивная ответственность есть долг данного государства исполнять обязанности, предписанные ему нормами международного права, а негативная – ликвидировать все вредные для международного правопорядка последствия правонарушения, а также понести лишения соразмерно содеянному²¹⁷.

²¹² См., напр.: Егоров Н.Д. Гражданско-правовая ответственность // Гражданское право: Учебник: В 3 т. Т. 1 / Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: Велби; Проспект, 2005. С. 641.

²¹³ Подробнее см.: Пунжис С.М. Международная ответственность // Международное право / Отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. М.: Норма; ИНФРА-М, 2010. С. 284–289.

²¹⁴ См.: Нешатаева Т.Н. Санкции системы ООН (международно-правовой аспект). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. С. 27.

²¹⁵ Eagleton C. The responsibility of states in international law. N. Y.: University Press, 1928. P. 21.

²¹⁶ Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2006. С. 339.

²¹⁷ Подробнее см.: Василенко В.А. Ответственность государства за международные правонарушения. Киев: Вища шк.,

В то же время в институте международной ответственности выделяются меры, применяемые за нарушение материальных норм международного права, и меры, применяемые за нарушение норм процессуальных. К первым можно отнести приостановление прав и привилегий, применительно к членству в международных организациях – различные виды исключения («санкции неучастия») и другие, ко вторым – лишение прав – права голоса, признание результатов голосования недействительными и т. д.²¹⁸

Проблема ответственности в международном праве имеет не только доктринальное обоснование, но и определенное нормативное регулирование. Ключевые вопросы урегулированы в «Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния» (далее – «Статьи»), утвержденных Резолюцией Генассамблеи ООН 56/589 от 12 декабря 2001 г.²¹⁹ В частности, в ст. 1 подчеркивается, что «любое международно-противоправное деяние государства влечет международную ответственность этого государства»²²⁰. Такое деяние имеет место тогда, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии: а) совершается государством в соответствии с международным правом и б) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства (ст. 2)²²¹. При этом государство осуществляет деятельность через действия своих агентов, поведение которых как бы «присваивается» государству. Это поведение может быть квалифицировано предельно широко: как поведение государственных органов, должностных лиц или образований, осуществляющих элементы государственной власти, а равно органов, предоставленных в распоряжение государства другим государством, под руководством или контролем государства, в отсутствие или при несостоятельности официальных властей и даже как поведение повстанческого или иного движения (глава II «Статей»).

Так, после Исламской революции 1979 г. в Иране «стражи революции», не имевшие статуса государственного органа, осуществляли иммиграционный и таможенный контроль в аэропорту Тегерана. Созданный международным сообществом Трибунал по рассмотрению претензий между Ираном и США (англ. *Iran – US Claims Tribunal*) в решении по делу *Йегера (Yeager)* присвоил их поведение Ирану, указав, что они осуществляли элементы государственной власти в отсутствие официальных властей при выполнении операций, о которых новому правительству должно было быть известно и против которых оно конкретно не возражало²²². С недавних пор в качестве специфической формы международной ответственности стала рассматриваться выплата «справедливой компенсации», например, по делам в международном суде. Так, в Европейском Суде по правам человека индивидуальному или коллективному заявителю за допущенное государством нарушение Европейской конвенции по правам человека 1950 года определяется компенсация в денежном выражении²²³.

В зависимости от оснований международно-правовой ответственности выделяют меры санкционного и несанкционного характера: первые – реакция на нарушение международного права, а потому носящие принудительный характер и применяемые в случае правонарушения к государству-делинквенту, вторые – реакция на какие-либо обстоятельства, ситуации, действия, не нарушающие международное право, но требующие для предотвращения или устра-

1976. С. 27–32.

²¹⁸ Нещатаева Т.Н. Санкции системы ООН (международно-правовой аспект). С. 28, 29.

²¹⁹ Помимо этого, Комиссией международного права ООН подготовлены «Статьи об ответственности международных организаций», которые пока находятся в стадии проекта.

²²⁰ Ответственность государств за международно-противоправные деяния // Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 381.

²²¹ Там же.

²²² <https://jusmundi.com/en/document/decision/pdf/en-kenneth-p-yeager-v-the-islamic-republic-of-iran-award-award-no-324-10199-1-monday-2nd-november-1987>.

²²³ См.: Ковлер А.И. Международная правосубъектность индивида: продолжение дискуссии // Международное право XXI века. К 80-летию И.И. Лукашука / Под ред. В.Г. Буткевича. Киев: Промени, 2006. С. 272.

нения вредных последствий применение принуждения²²⁴. В ЕАЭС предусматриваются обе группы мер. Примером первых могут служить так называемые ответные меры в отношении третьей стороны, предусмотренные ст. 40 Договора, примером вторых – установленные ст. 29 Договора исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров, которые могут быть продиктованы соображениями охраны жизни и здоровья человека, защиты общественной морали и правопорядка, охраны окружающей среды и т. д.

Между тем в интеграционном праве, в частности ЕАЭС, международно-правовая ответственность имеет свои весьма существенные особенности:

а) *субъектом ответственности* могут быть только наднациональные органы и государства – члены интеграционного объединения. Полномочия Союза и государств – членов в этом вопросе дополняют друг друга, причем меры ответственности применяются государствами – членами в порядке, предусмотренном национальным правом. Как правило, иные меры ответственности, широко распространенные в общем международном праве, например, международная уголовная ответственность индивидов, в интеграционном праве практически не применяется. В редчайших случаях интеграционная группировка может обладать зачатками правоохранительной системы (Европол, Евроюст), действующей, однако, в весьма ограниченном объеме и нуждающейся во взаимодействии с правоохранительными органами государств – членов²²⁵. В ЕАЭС самостоятельный механизм ответственности создан в настоящее время лишь в области антимонопольного регулирования, реагирующего на правонарушения, допущенные на транснациональном рынке;

б) наличие *специального механизма урегулирования*, созданного для охраны интеграционного правопорядка путем рассмотрения споров между наднациональными структурами и государствами – членами. Как правило, в качестве такового выступает постоянно действующий судебный орган (Суд ЕС, Суд ЕАЭС, Ревизионный суд МЕРКОСУР, охватывающий ряд государств Южного конуса, и др.). Как сказано в Статуте Суда ЕАЭС, «целью деятельности Суда является обеспечение единообразного применения государствами – членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза» (п. 2);

в) своеобразны *правовые последствия ответственности субъектов*. В общем международном праве к их числу принято относить реституцию, компенсацию, сатисфакцию и гарантии неповторения²²⁶. В интеграционном праве ЕАЭС эти инструменты могут быть дополнены особыми мерами. Чаще таковыми выступают аннулирование акта, принуждение к совершению определенных действий, выплаты компенсаций и т. д.;

г) если общее международное право долгое время стояло на позиции, что международно-правовая ответственность – это прежде всего и в первую очередь ответственность государств друг перед другом²²⁷, то в интеграционном праве ЕАЭС, подобно международному праву прав человека, допускается возможность, при которой государство – член или наднациональные структуры становятся *ответственными перед конкретным индивидом*. Скажем, в праве ЕС это проявляется в возможности частных лиц (так называемых непривileгированных

²²⁴ См.: Черниченко С.В. Принуждение и ответственность в международном праве // Международное право: Учебник / Отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут, 2016. С. 230.

²²⁵ Более подробно о правоохранительной системе в ЕС см.: Ambos K. European criminal law. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 664 p.

²²⁶ См.: Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: Учебник. М.: БЕК, 2001. С. 321, 322.

²²⁷ В решении Постоянной палаты международного правосудия по делу о заводе в Хожуе от 13 сентября 1928 г. сказано: «Нормы права, регулирующие возмещение, являются нормами международного права, действующего между двумя затронутыми государствами, а не права, регулирующего отношения между государством, совершившим правонарушение, и индивидом, понесшим убытки. Права или интересы, нарушение которых причиняет убытки индивиду, всегда находятся на другом плане по сравнению с правами государства, на которые может посягать тот же самый акт». Цит. по: Толстых В.Л. Решения международных судов: Третейские суды, ППМП, МТП. М.: Междунар. отношения, 2023. С. 407.

истцов) обратиться в Суд ЕС на предмет снятия персональных санкций. Как подчеркивалось в решении Суда ЕС по делу *Андреа Франкович и другие против Италии*, «эффективность норм права ЕС будет поставлена под сомнение, а защита признаваемых им прав ослаблена, если частные лица не смогут добиваться возмещения ущерба, вызванного нарушением права ЕС, обязательного для государств – членов»²²⁸. В настоящее время такие санкции сняты Судом ЕС с российских граждан Н. Мазепина, В. Пригожиной и других. В праве ЕАЭС хозяйствующие субъекты (физические лица – индивидуальные предприниматели и юридические лица) могут обращаться в Суд на предмет оспаривания решения Комиссии или его отдельных положений как несоответствующих Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, а также в случае оспаривания действия (бездействия) Комиссии, если оно повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующих субъектов.

§ 2. Ответственность государств – членов

Основанием ответственности в международном праве выступает международно-противоправное деяние (деликт). Квалификация деяния государства как международно-противоправного определяется международным правом, а квалификация его как правомерного по внутреннему праву не имеет значения (ст. 3 Резолюции Генассамблеи ООН 56/589 от 12 декабря 2001 г.). В интеграционном праве основанием ответственности выступает деликт *sui generis*, однако состоящий в нарушении лишь тех обязательств, которые вытекают из актов наднационального органа, нарушителем может выступать как орган Союза, так и государство – член. Следовательно, нарушение интеграционного права заключается в том, что фактическое поведение наднационального органа или государства – члена не соответствует тому, которое предписано обязательством, установленным источником интеграционного права. Применительно к ЕАЭС такими источниками правового регулирования интеграционных отношений, за нарушение которых может наступать ответственность, выступают Договор, международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной и решения органов Союза.

Вместе с тем в решении по делу «*Дженерал Фрейт*» Суд ЕАЭС признал, что заявители, помимо Договора и международных договоров в рамках Союза, могут ссылаться на положения иных международных договоров, участниками которых являются государства – члены Союза. Такие договоры подлежат применению при условии, что все государства – члены являются их участниками и сфера их действия относится к области единой политики в рамках ЕАЭС²²⁹. В цитированном решении Апелляционная палата Суда пришла к выводу, что Конвенция о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров 1983 года, наряду с правом Союза, подлежит применению для регулирования таможенно-тарифных отношений в рамках ЕАЭС.

Тем самым орган Союза (ЕЭК) и реже – государство – член подлежит ответственности по интеграционному праву за любое свое виновное противоправное поведение (действие или бездействие), прямым результатом которого является нарушение норм права Союза. Из сказанного следует, что если государство – член нарушает некие иные международно-правовые нормы (например, запрет работоторговли), оно подлежит ответственности по интеграционному праву лишь в той мере, в какой соответствующее деяние признано противоправным на основании норм интеграционного права. В свою очередь, чем в большей степени политико-экономические цели и задачи, которые ставит перед собой та или иная интеграционная группировка, носят разноплановый характер (экономический, политический, военный), тем выше вероят-

²²⁸ Суд Европейских сообществ. Избранные решения / Отв. ред. Л.М. Энтин. М.: Норма, 2001. С. 307.

²²⁹ URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-6.15/.

ность ее участника нарушить своим поведением соответствующие нормы интеграционного правопорядка. И напротив, когда интеграция, как это имеет место в ЕАЭС, носит преимущественно экономический характер (таможенно-тарифная политика, защита прав потребителей, общие принципы и правила конкуренции, трудовая миграция и т. д.), тем менее вероятно, что подобная система регуляции будет охватывать вопросы, выходящие за пределы целей данного интеграционного проекта²³⁰.

Значительно ослабляет контроль за соблюдением норм интеграционного права то обстоятельство, что ЕЭК, в отличие от Европейской комиссии, не вправе обжаловать предполагаемые нарушения права Союза со стороны государства – члена. Это прерогатива самих государств, которые могут инициировать в Суде ЕАЭС подобного рода разбирательства в отношении друг друга, когда как решения или действия (бездействие) самой Комиссии могут обжаловать не только данные государства, но и хозяйствующие субъекты. Однако на практике государства – члены стараются избегать обращений в Суд, опасаясь «зеркального ответа». Так, за все время существования Суда им было разрешено лишь одно дело подобного рода – *дело о калининградском транзите*, представляющее собой спор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь²³¹. ЕЭК имеет право обратиться в Суд лишь за разъяснением вопроса о правомерности поведения того или иного государства в конкретной сфере. Запросов в Суд о консультации в связи с поведением государств – членов ЕЭК сделала свыше десяти. Предложения консультативных заключений в ответ на эти запросы исполняются на постоянной основе, что свидетельствует о том, что превентивная функция консультативных заключений оказалась востребованной.

В деле о калининградском транзите речь шла о том, что односторонний пересмотр таможенными органами Республики Беларусь решений, ранее принятых таможенными органами РФ, является нарушением норм права ЕАЭС о взаимном признании решений, приведшим к нарушению свободы движения товаров как основополагающего принципа функционирования единого внутреннего рынка Союза. Однако Большая коллегия Суда, проявляя разумную сдержанность, констатировала не нарушение, а факт «исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора об обеспечении свободы движения товаров...»²³²

В особом мнении, приложенном к решению, судья Т.Н. Нешатаева обратила внимание на следующие особенности ответственности государства-ответчика: «С учетом того, непризнание решений таможенных органов РФ органами Республики Беларусь повлекло экспроприацию..., полагаю необходимым отметить, что, к сожалению, п. 61 Статута Суда не позволяет эффективно рассмотреть вопрос о защите прав, в том числе о присуждении разумной компенсации материального и нематериального вреда... Из этого следует, что международно-правовой обычай полного возмещения вреда, закрепленный в международно-правовой практике, которая кодифицирована в ст. 34 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г., не может быть реализован Судом при вынесении данного решения...»²³³ Реализация возмещения вреда возможна по решению Высшего совета после вступ-

²³⁰ В связи с этим выглядят неуместными попытки отдельных исследователей расширить компетенцию Суда ЕАЭС, трансформировав его в некое подобие «Евразийского суда по правам человека». Такое предложение по меньшей мере вступает в противоречие с п. 42 Статута Суда ЕАЭС, где прямо говорится, что в компетенцию Суда не входит наделение органов Союза дополнительной компетенцией помимо той, которая прямо предусмотрена Договором и (или) международными договорами в рамках Союза. Более того, подобного рода «ревизия» полномочий Суда потребует пересмотра не только его Статута, но и всего Договора, смысла и содержания евразийской интеграции в целом, не затрагивающей, во всяком случае пока, правозащитных аспектов в тесном смысле этого слова.

²³¹ URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-2.16/.

²³² Там же.

²³³ Там же.

ления решения Суда в силу. Такой порядок является усложненным, но укладывается в рамки Статей об ответственности государств.

Несмотря на то, что п. 61 Статута Суда ЕАЭС действительно запрещает определять последствия установления им факта несоблюдения права ЕАЭС, тем не менее в доктрине считается²³⁴, что установление факта совершения государством – членом международно-противоправного деяния согласно «Статьям» влечет за собой: а) прекращение деяния и предоставление (если требуется) заверений и гарантий неповторения (ст. 30); б) обязанность предоставить полное возмещение вреда (любого – как материального, так и морального), причиненного деянием (ст. 31), путем реституции, компенсации и сатисфакции, будь то отдельно или в их сочетании (ст. 34). Иными словами, в случае несоблюдения государством своих обязательств по праву ЕАЭС на нем все равно лежит предусмотренная общим международным правом обязанность прекратить противоправное деяние и возместить вред.

Кроме того, Договор не содержит категорического запрета на использование государствами – членами контрмер для обеспечения выполнения другими государствами – членами своих обязательств. Так, в п. 7 ст. 93 Договора предусмотрено право государства – члена в том случае, если решение Суда ЕАЭС по спорам о промышленных субсидиях не выполняется в течение установленного периода времени, или если Суд решает, что меры, о которых уведомило государство-ответчик, не соответствуют положениям Договора и приложения № 28 (Протокол о единых правилах предоставления промышленных субсидий), то государство-истец вправе принять соразмерные ответные меры. В п. 94 Протокола указывается, что в случае, если государство – член не исполняет удовлетворенное заявление о применении компенсирующей меры в установленный срок, заявившее государство – член вправе применить ответные меры, которые должны быть приблизительно соразмерны компенсирующей мере. Для целей Протокола под ответными мерами понимается временное приостановление выполнения государством – членом, которое вводит ответную меру, своих обязательств в отношении государства – члена, против которого вводится ответная мера, вытекающих из действующих между ними договоров торгово-экономического характера (за исключением относящихся к нефтяной и газовой отраслям). Ответные меры носят временный характер и применяются государством-истцом только до тех пор, пока мера, нарушающая положения Договора, не будет отменена или изменена таким образом, чтобы соответствовать положениям Договора, или пока государства – члены не договорятся об ином.

В Протоколе о мерах государственной поддержки сельского хозяйства (приложение № 29 к Договору) в п. 40 (раздел VII «Ответственность государств – членов») также указывается, что в случае нарушения государством – членом положений пп. 6 и 8 Протокола такое государство – член в разумные сроки должно (а) прекратить предоставление мер, в наибольшей степени оказывающих искажающее воздействие на торговлю, или мер, оказывающих искажающее воздействие на торговлю и предоставленных сверх разрешенного объема, и (б) выплатить другим государствам – членам компенсацию в размере, равном объему мер, в наибольшей степени оказывающих искажающее воздействие на торговлю, или объему мер, оказывающих искажающее воздействие на торговлю, превышающему разрешенный объем. Порядок выплаты компенсации устанавливается Советом Комиссии. В случае неуплаты государством – членом указанной компенсации другие государства – члены имеют право ввести ответные меры.

²³⁴ См., напр.: *Кожеев Я.С.* Вопросы права международной ответственности в решении Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 года по делу «РФ против Республики Беларусь» // *Lex Russica*. 2017. № 12. С. 138, 139.

§ 3. Ответственность органов ЕАЭС

В самом общем виде в основании ответственности органов ЕАЭС могут лежать следующие притязания: а) требования, возникающие из трудовых правоотношений сотрудников институтов ЕАЭС; б) требования, вытекающие из деликтной ответственности институтов (дорожно-транспортные происшествия и др.); в) требования, связанные с обеспечением деятельности институтов ЕАЭС и использованием ими имущества; г) требования к институтам Союза (в первую очередь к ЕЭК) в отношении ущерба, возникшего вследствие их действий (бездействия), противоречащих праву Союза²³⁵. Остановимся на последнем основании как непосредственно урегулированном правом Союза, а не иными отраслями (трудовым, правом административной ответственности и т. д.).

Нарушение норм интеграционного права представляет собой определенное поведение, выраженное в виде действия или бездействия субъекта ответственности. В решении *по заявлению индивидуального предпринимателя Тарасика К.П.* Суд ЕАЭС сформулировал понятие бездействия. Под ним, в частности, понимается неисполнение либо ненадлежащее исполнение наднациональным органом (должностным лицом) обязанностей, возложенных на него правом Союза, в частности, оставление обращения хозяйствующего субъекта без рассмотрения полностью или частично, дача ответа заявителю не по существу обращения, если рассмотрение этого обращения относится к компетенции наднационального органа (должностного лица). При этом в литературе подчеркивается, что у Суда не было возможности «сузить» в своем решении понятие бездействия, поскольку это влекло бы защиту прав и свобод человека в меньшем объеме, чем соответствующие права и свободы гарантированы на национальном уровне в государствах – членах²³⁶.

В аспекте применения мер ответственности в виде признания решения, действия (бездействия) не соответствующим праву Союза лидирует ЕЭК, что существенным образом отличается от опыта ЕС, где Европейская комиссия активно обжалует акты национальных властей на предмет их соответствия коммунитарному праву. В ЕАЭС обращение за консультативными заключениями в значительной мере восполняет право обжалования национальных актов со стороны международной организации.

Подпункт 2 п. 39 Статута Суда предусматривает две различные по предмету категории споров по заявлению хозяйствующих субъектов: 1) о соответствии решения Комиссии Договору и (или) международным договорам в рамках Союза и 2) об оспаривании действия (бездействия) Комиссии. При этом Суд рассматривает споры по заявлению хозяйствующего субъекта при одновременном наличии следующих обязательных условий: а) действие (бездействие) Комиссии непосредственно затрагивает права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской деятельности; б) действие (бездействие) Комиссии повлекло нарушение прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза (п. 2 раздела VII решения Суда от 28 декабря 2015 г. по делу *индивидуального предпринимателя Тарасика К.П.*

²³⁵ См.: Кадьшьева О.В. Вопросы ответственности в праве ЕАЭС // Обеспечение единообразного применения права ЕАЭС: роль Суда: Междунар. конф. (г. Минск, 17–19 ноября 2021 г.): сб. матер. Минск: Колорград, 2022. С. 216, 217.

²³⁶ См.: Дьяченко Е.Б. Применение права ЕАЭС национальными судебными органами и развитие межсудебного диалога // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 4. С. 254.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.